

А.ДАМАНСКАЯ

РАДОСТЬ
ТИХАЯ

За радость тихую дышать и жить,
Кого, скажите, мнѣ благодарить?
Я и садовникъ, я же и цвѣтокъ,
Въ темницѣ міра я не одинокъ.

О. Мандельштамъ.

А. ДАМАНСКАЯ

РАДОСТЬ ТИХАЯ

ПАРИЖЬ
1929

Перепечатка и переводы на другие языки воспрещаются
Tous droits réservés

Imp. d'Art Voltaire, O. Zeluk, Dir., 34, Rue Richer, Paris

ПО СЛѢДАМЪ ГЕЙНЕ

ГОСЛАРЪ

Гейне городокъ Госларъ — преддверіе къ Гарцу — не понравился. Попалъ онъ туда, безъ плана, самъ не зная, какъ. «Шелъ вверхъ, внизъ, опять вверхъ, опять внизъ» и попалъ въ Госларъ. Ждалъ внушительного, царственного города — чего-чего только не было здѣсь когда-то: короли, турниры, заговоры, бои... а оказалось, всего лишь маленькой, среди горъ городокъ съ кривыми, узкими переулками, съ нѣсколькими старинными зданіями...

Гейне посмѣялся надъ Госларомъ — и прославилъ его на вѣки вѣчные.

У самаго входа въ городъ, Гейне примѣтилъ въ одномъ окнѣ горшокъ съ цвѣтами и милую курчавую головку... Цвѣтокъ онъ сорвалъ, милую курчавую головку поцѣловалъ, и каждый просвѣщенный туристъ, вступая въ Госларъ, естественно ищетъ: окно, цвѣточный горшокъ и милую головку.

По топографическимъ намекамъ, этотъ домъ, на подоконникѣ котораго Гейне въ первый свой вечеръ въ Госларѣ цѣловалъ бѣлокурую красавицу, сломивъ ея добродѣтель, испытанной угрозой: «Я сегодня уѣзжаю, и никогда больше не вернусь» — домъ этотъ приходится рядомъ съ знаменитымъ «Ахтерманомъ». Ни цвѣточныхъ горшковъ, ни стыдливыхъ блондинокъ современный туристъ тамъ не найдетъ. Только книж-

ную лавку, гдѣ очень дѣловитыя, энергичнаго вида барышни, правда, еще блондинки (и, навѣрно, состоять въ профессіональномъ союзѣ, а вечера проводяты въ «дэнсингахъ») — продаютъ всѣхъ форматовъ, въ дорожихъ и дешевыхъ изданіяхъ, съ иллюстраціями и безъ иллюстрацій — «Путешествіе по Гарцу» — Гейне, и выхваливаютъ. Продаютъ и деревянныхъ медвѣдей, преспалье и колокольчики, и тоже выхваливаютъ: мѣстное производство.

А рядомъ съ книжной лавкой и блондинками — «Ахтерманъ», одно изъ тѣхъ старинныхъ зданій Гослара, которыя нѣсколько примирили Гейнѣ съ этимъ городкомъ.

Когда-то былъ бургомистръ въ Госларѣ, хороший человѣкъ, звали его Ахтерманъ, умеръ онъ въ 1500-мъ году. Домъ, въ которомъ онъ жилъ, облѣпился стилями нѣсколькихъ эпохъ, догадливыми людьми пріобрѣтенъ былъ подъ отель и ресторанъ, гдѣ спали, ъли, пили пиво знаменитые люди всѣхъ странъ и народовъ, гдѣ ъль и пиль пиво и Генрихъ Гейне. Тамъ, быть можетъ, и обдумывалъ онъ свое «Путешествіе по Гарцу», быть можетъ, въ этой темной, выложеной дубомъ укращенной великолѣпной рѣзьбой, сводчатой залѣ, именуемой, однакой, «Комнатой Бисмарка», который тоже здѣсь ъль и тоже пиль пиво...

А на наружной стѣнѣ угловой башни — самой живописной части дома Ахтермана — въ золоченой рамѣ волль, выведенной огромными черными буквами: «Не забывай, не забывай версальского позора».

Одно изъ интереснѣйшихъ въ Госларѣ зданій, на которомъ остановилъ свое вниманіе и Гейне, это — Кайзервортъ. Когда-то домъ цеха портныхъ, со смѣлыми аркадами, съ затѣйливой рѣзьбой внутри, и снаружи, теперь — перворазрядный отель и ресторанъ.

Лакей во фракѣ, тщательно выбритый, гладко-разчесанный, выходитъ на встрѣчу намъ, съ сдержан-

ной почтительностью на лицѣ. Быстрый взглядъ на русскую газету въ моей рукѣ, и въ мигъ исчезаетъ съ лица напускная угодливость. Радостно кривя губы, онъ выпаливаетъ, безъ передышки: «Пожаляста... Я ужъ позабилъ, но ошень разумю... Люблю ушасно по русску... Пожаляста... Я въ Минскъ, въ Карковъ, въ Киевъ, въ Вильковишкахъ везде пиль на войнѣ. А потомъ военноплѣнныи у Симбирска и шенился... Моя жена тоже...»

Діалогъ русской туристки съ нѣмецкимъ гарсономъ въ безукоризненномъ фракѣ не успѣлъ, однако, вылиться въ пафосъ, какимъ грозило его начало. Въ вестибюль вошла дама въ глубокомъ траурѣ, и съ нею молодой еще человѣкъ съ просѣдью на вискахъ, и съ пустымъ рукавомъ у праваго плеча. Услыхавъ русскую рѣчъ, онъ остановился, словно прилипли вдругъ его подошвы къ каменнымъ плитамъ, вздрогнулъ и пошелъ дальше. Дама опустила голову и не поднимала ея, пока не исчезла въ низкихъ, со сводомъ дубовыхъ дверяхъ ресторана.

— Г-жа... — бывшій въ Симбирскѣ военноплѣннымъ, шопотомъ назвалъ ничего не сказавшее мнѣ имя — одного сына ея убили подъ Варшавой, а другой — вотъ...

Идемъ дальше... На площадь, гдѣ фонтанъ съ металлическимъ бассейномъ. Во времена Гейне въ этотъ бассейнъ били тревогу при пожарѣ. Къ сказкѣ о томъ, что чортъ одной ночью поставилъ фонтанъ на площади, Гейне присовокупилъ, что люди въ то время были еще глупы, и чортъ тоже былъ глупъ, и время отъ времени они обмѣнивались подарками. Сейчасъ фонтанъ не бьетъ, и дѣти, играющіе на площади, врядъ ли знаютъ, что съ какой-бы стороны фонтана не пойдти, къ какому-бы краю бассейна не прикоснуться, — и брызнетъ сказка, прозвенитъ легенда. Только вслушаться. Гейне слышалъ. Ночью, правда. Голоса,

разсказывающіе сказки и легенды, внятны лишь въ ти-
шинѣ. На площади-же въ Госларѣ, съ утра и до ночи
тѣсно, шумно, суматошно, Туристы въ одиночку и
группами, ферейны, школы, корпораціи, съ пѣснями, съ
гимнами и мандолинами... И дѣти на площади играютъ
въ игру, одно название которой повергло-бы Гейне въ
изумленіе. Они играютъ въ «Зипо» (Sicherheits-Polizei).

Нѣсколько голоногихъ короткоштанниковъ вы-
страиваются передъ оригинальнымъ зданіемъ съ чудес-
ными деревянными комическими фигурами на фасадѣ
— зданіе называется «Лацканъ», — тоже когда-то гиль-
дейскій домъ, цеха мастеровъ, шившихъ лацканы къ
сюртукамъ, — и о чём-то возбужденно говорять. Это —
митингъ. Затѣмъ, начинается свалка — не сошлись во
взглядахъ. Кто-то свиститъ, другой кричитъ «Зипо!» и
это — кульминаціонный моментъ игры, проходящей
подъ одобрительныя восклицанія окружающихъ дѣтей
зрителей. «Зипо» выбѣгаютъ изъ-за фонтана, преподне-
сенного Гослару чортомъ, тузятъ бунтарей, и при все
общемъ ликованіи уводятъ ихъ за уголъ старинной ра-
туши...

Красиво, пѣвуче перекликаются башенные часы.
Также они пѣли въ тотъ день и въ тотъ часъ когда по
этой площади проходилъ Гейне съ мѣшкомъ за спиной,
который по дорогѣ все разгружалъ, разгружалъ, а пе-
редъ самymъ Госларомъ выбросилъ изъ него и пару
шибилетовъ, чтобы шагать быстрѣе... Теперь пути со-
кращаютъ жужжащіе во всѣ стороны автобусы и поѣз-
да, и теперь поэты не выбрасываютъ шибилетовъ изъ
своихъ дорожныхъ ранцевъ. Хорошо еще, когда шиби-
леты въ естественномъ своемъ видѣ у поэта на ногахъ...

Дальше! Выше! По слѣдамъ Гейне, — въ Гардъ...

КЛАУСТАЛЬ

Въ Клаусталь, маленькой городокъ въ Оберъ-Гарцѣ, пріѣзжаю ослѣпительно-яркимъ горячимъ утромъ. Путь мой лежитъ, конечно, прежде всего къ «Коронѣ» (теперь «Золотая Корона»), гостинницѣ, гдѣ останавливался Гейне.

Не успѣла я сдѣлать пяти шаговъ, — откуда-то, чиз-за деревьевъ звонко, весело гаркнуло: «Добрій вѣчерь! Пауза. И опять: «Добрій вѣчерь!»

Оглядываюсь: нѣсколько широко шагающихъ туристовъ съ холщевыми мѣшками за плечами, двѣ старыхъ женщины съ нагруженными зеленью корзинами. И равнодушныя лица. Непонятные звуки непонятной рѣчи скользнули по нимъ, не задѣвъ вниманія.

Надо мнай глубокое голубое небо съ золотисто-прозрачнымъ солнечнымъ налетомъ, и подъ нимъ кто-то упорно и радостно привѣтствуетъ меня: «Добрій вѣчерь! Добрій вѣчерь!»

Внезапно шумно откидывается садовая калитка. А! Вотъ оно откуда!

Подлѣ меня выростаютъ два босоногихъ, съ палевыми головками мальчика, лѣтъ девяти и десяти, и, смѣясь, искрясь, съ забавнымъ акцентомъ: «Какъ пожеваете? Хорошо? Добрій вѣчерь!»

Они слышали со своего балкона, какъ я объяснялась съ носильщикомъ, опредѣлили мою національность, и вотъ... «добрій вѣчерь!»

Такъ здоровались, узнаю я, военноплѣнныя, бывшиe здѣсь, нѣсколько русскихъ офицеровъ и много солдатъ, ихъ очень здѣсь любили, одному даже голову разможжилъ въ каменоломнѣ и на мѣстномъ кладбищѣ похоронили.

Отъ русскихъ и переняли: «Какъ пажеваете? Добрѣй вѣчерь! Только всего.

За обѣдомъ въ маленькомъ, чистенькомъ отелѣ, жаркое подаютъ не «величиною въ горную вершину», какъ нѣкогда въ этомъ самомъ залѣ подавали Генриху Гейне, а размѣромъ въ большую мозоль, возлежащую на грудкѣ картофеля, зажаренного на маргаринѣ. Говорятъ не о мистическихъ феноменахъ и не о призракахъ, какъ пріятные надворные совѣтники, собесѣдники Гейне. Говорятъ объ углѣ, о томъ, что его мало, и къ зимѣ будетъ еще меньше. Говорятъ еще объ эвакуаціи, репараціи и ратификаціи.

Тайный совѣтникъ изъ Бремена, мой визави, сѣденькій старичекъ съ румяными щеками, подернутыми, будто вуалеткой, — густой сѣтью мелкихъ морщинъ, — показываетъ своей женѣ, тихой женщинѣ въ траурѣ на меню, и упорно, молча, тычетъ пальцемъ въ слово «меню». — Она, молча тоже, сочувственно, огорченно киваетъ головой. Тайный совѣтникъ вынимаетъ изъ жилетнаго кармана карандашъ, серьезно хмуря брови, проводить имъ по «меню», и надписываетъ готическимъ нѣмецкимъ письмомъ: *Speise-Karte*.

И это не очень смѣшно. Врядъ-ли показалось-бы смѣшнымъ, и великому на смѣшнику.

И буйная иронія Гейне, почитателя Франціи, быть можетъ склонилась-бы передъ наивной и безпомощной печалью этого жеста...

Вечеромъ, я сижу въ саду небольшого кафе на окраинѣ города. Кругомъ горы въ хвойныхъ лѣсахъ, и надъ ними еще горы, и еще лѣса. Воздухъ прѣный, хмѣль-

ной, густой, какъ смола. Смолой и пахнетъ, — въ лѣсахъ царитъ сосна.

Ко мнѣ подсаживается хозяйка, сѣдая, высокая женщина, всю жизнь, какъ я скоро узнаю, не выѣзжавшая изъ Гарда. О томъ, что я русская, она догадалась съ первыхъ моихъ словъ, и, разговорившись, волнуясь, краснѣя, увѣряетъ меня, что всѣ злосчастья, постигшія Германію и Россію, произошли, оттого что...

Но еще все поправимо... Надо только, чтобы крѣпко другъ за друга держались Германія и Россія... Она говоритъ такъ горячо, съ такимъ страстнымъ ожиданіемъ смотрить мнѣ въ глаза, — я киваю головою, я безмолвно обѣщаю, я согласна...

Успокоенная, фрау Люнеке идетъ въ домъ, и возвращается съ двумя молодыми людьми. Шахтеры. Одинъ ея племянникъ, другой — гость.

Изъ-за сосѣдняго столика встаетъ, учтиво спрашиваетъ разрѣшенія и присаживается третій шахтеръ.

Послушалъ-бы ихъ Гейне, — думаю я, — и, наѣрно, причислилъ-бы ихъ ко второму изъ «четырехъ сословій»: студенты, профессора, филистеры, и скотъ, — населявшихъ въ его дни нелюбимый имъ Геттингенъ.

Но уже чѣмъ, — а освѣдомленностью своей о Россіи эти шахтеры, несомнѣнно, заткнули-бы за поясъ любого профессора, современника поэта, и его самаго. Всѣ они побывали въ годы войны въ разныхъ мѣстахъ Россіи, страдали тамъ, болѣли, преждевременно возмужали, впитали въ души свои неизгладимую скорбь. На вопросы ихъ, я не успѣваю отвѣтить. Взволнованно, съ мягкой дрожью въ голосахъ, вспоминаютъ они мѣста, куда бросаль ихъ кровавый вихрь. И всѣ хотятъ сдѣлать что-либо мнѣ пріятное, обрадовать меня чѣмъ нибудь.

За что?

Въ шахты, доступъ постороннимъ, особо женщи-

намъ, строго воспрещенъ. Но мнѣ устроить спускъ въ шахты.

— Семь сотъ метровъ глубины! — предупреждаетъ меня одинъ изъ шахтеровъ.

— На этой глубинѣ, — литературно напоминаю я, — Гейне слышалось, какъ въ Америкѣ кричали «Ура Лафайетъ»! Какіе крики теперь доносятся изъ Америки?

Криковъ изъ Америки шахтеры никакихъ не слышали, а Гейне никто изъ нихъ не читалъ. Они переглянулись, примолкли, но одинъ поскребъ у себя за ухомъ, вспомнилъ и шепнулъ другому: — Да тотъ Гейне, Генрихъ Гейне.

— Ну, добрый вечеръ! — услыхала я опять на прощанье, по русски.

Послѣ завтра меня спустятъ въ шахту. Рѣшено.

— Добрый вечеръ! Доброй ночи...

ВЪ ШАХТЪ

Гейне пришлось заучить длинный списокъ правилъ, прежде чѣмъ спуститься въ шахты Гарца: какъ стоять, какъ держаться за воображаемыя перила, какъ прыгивать съ лѣсенки на лѣсенку, какъ соблюдать равновѣсие, и, заучивъ, ничего не видѣть, и не слышать, такъ какъ въ тѣ времена несвоевременная любознательность грозила безславнымъ концомъ на днѣ рудника.

И эта тяжелая процедура приспособливанія тѣла къ лѣсенкамъ, къ влагѣ, къ темнотѣ и копоти, дала нѣсколько легкихъ очаровательныхъ страницъ «Путешествія по Гарцу».

Соврѣменнаго туриста спускаютъ въ шахты въ «корзинѣ».

Оказалась эта «корзина», — не бѣльевой, не овощной, а ничѣмъ инымъ, какъ — лифтомъ. Правда, безъ бархатнаго диванчика, безъ зеркаль въ стѣнкахъ, но настоящей подъемной машиной, какія бывають въ благоустроенныхъ столичныхъ домахъ, на черныхъ лѣстницахъ. Съ разницей въ благоустроенныхъ столичныхъ домахъ эти машины обыкновенно изъ свѣтлаго холоднаго желѣза, гудятъ и визжатъ, и большую часть года въ неисправности. Эта машина не блестить, не визжитъ, не гудитъ, и всегда въисправности.

Длинный, съ низкимъ каменнымъ сводомъ корridorъ ведетъ изъ зеленаго напоенного утреннимъ солнцемъ лѣса, — въ широкій горный туннель. Тускло по-

блескиваютъ рельсы, на которыхъ стоять длинный рядъ телѣжекъ-вагоновъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ влажнѣй, темнѣй. Кончились рельсы, маленькая электрическая лампочка подъ сводомъ освѣтила большую черную, стоявшую въ глубокомъ размышлениіи лошадь. Въ ожидавшей спуска желѣзной клѣти уже стояла одна телѣжка-вагонъ. Другая смежная клѣть была на днѣ зіявшей черной огромной ямы.

Спутникъ мой, штейгеръ, повелъ меня въ сигнализационное отдѣленіе. Я поняла, что въ комнату, или баракъ, откуда кому-то, куда-то даются сигналы.

Но привель въ выставочный какой-то павильонъ: яркій свѣтъ, блестящія, хитрыя машины, ослѣпительно бѣлые кнопки, шары, провода, цифры, быстро выскакивавшія въ нумераторахъ на стѣнахъ, и еще какіе-то непонятные мнѣ знаки, а въ углу за столикомъ двое молодыхъ людей, въ кожанныхъ курткахъ, спокойно-привычно передвигавшіе мѣдные рычажки на стѣнѣ.

Мнѣ что-то серьезно и внимательно объясняютъ, чего я съ серьезнымъ и внимательнымъ лицомъ не понимаю, и мы возвращаемся къ лифту.

Какъ разъ во время. Два шахтера выкатывали на рельсы изъ поднявшейся снизу клѣти нагруженную черной влажной рудой телѣжку. Прозвенѣль звонокъ, въ отвѣтъ изъ глубины гулко прокатилось «у-у-у». меня посадили въ мокрый, грязный ящикъ, и засвистѣло въ ушахъ, замелькали передъ глазами близкіе и далекіе огоньки, темные странныхъ очертаній, человѣческія фигуры безъ лицъ. Широкимъ перекатнымъ эхо зазвучало: *Halt! A-a-a-a*... Разростаясь, затихая, какъ на сценѣ ропотъ толпы.

Никто не удивился необычной посѣтительницѣ. Некогда было удивляться. У маленькихъ, почти, какъ ручныя тачки, вагонетокъ, выстроенныхъ нѣсколько повыше приѣхавшей вмѣстѣ съ нами телѣжи, ждали уже темные люди съ темными лицами. Меня повели

по коридорамъ, съ такими же низкими каменными сводами, какъ наверху, но выложеннымъ широкими желѣзными обручами и затѣйливой сѣтью проводовъ. Со стѣнъ струится, капаетъ, ноги хлюпаютъ въ частыхъ лужицахъ. Душно, жарко. Огоньки лампочекъ здѣсь красные. Кругомъ нихъ дымная лиловая мгла, и далеко до слѣдующаго огонька непроглядно-черно. Въ глубинѣ коридоровъ и отвѣтвляющихся во всѣ стороны узкихъ проходаѣхъ стучать застулы. Мѣрные взмахи, удары о черныя стѣны, падающія разсыпающіяся глыбы. И молчаніе. Здѣсь не разговариваютъ. Некогда.

Шахты эти — однѣ изъ самыхъ богатыхъ въ Гарцѣ оловомъ. Работа идетъ здѣсь днемъ и ночью, съ тремя восьмичасовыми сменами. Прежде работали двѣ смены.

— Но тутъ еще не такъ страшно, — поясняетъ мой спутникъ. — Гораздо хуже въ плавильняхъ, откуда послѣ двухътрехъ лѣтъ работы, рѣдко кто выходитъ безъ болѣзни легкихъ. Почва здѣсь предательская. Какъ будто все въ порядкѣ, и вдругъ сорвется глыбай-горою, и размокжитъ головы десятку-другому людей. Это случается рѣдко, но все таки случается. Прошлой осенью, при одномъ такомъ обвалѣ убило и одного бывшаго русскаго офицера, жившаго въ лагерѣ интернированныхъ въ Вильдеманѣ.

Поднимаемся наверхъ уже не въ лифтѣ. Онъ занятъ телѣжкой съ рудою. И мысль о томъ, что одинъ разъ можно пропустить его безъ груза, такая мысль тутъ и въ голову никому притти не можетъ.

Штолни соединяются узенькими лѣсенками. Пропускаютъ ихъ небольшія четвероугольныя отверстія. Нужна обрѣтаемая долгими упражненіями акробатическая ловкость, или охота смертная, для того, чтобы одолѣть эти десять лѣсенокъ, изъ одной штолни въ

другую, съ передышками на площадкахъ — игрушечныхъ квадратикахъ.

Вылѣзаю наверхъ, вся мокрая, измазанная копотью и грязью, съ порваннымъ подоломъ платья, растрепанная...

Спутники мои учтиво не замѣчаютъ моего превращенія, и выкрикиваютъ внизъ какія-то условныя слова, перекатывающіяся глухимъ волчимъ воемъ: «У-у-у-у»...

Проводникъ Гейне, обрадовавшись просвѣщенному посѣтителю, подѣлился съ нимъ рвавшимся изъ его сердца, дорогимъ ему воспоминаніемъ о томъ, какъ въ эту самую шахту, соизволилъ спуститься однажды герцогъ, и какой онъ былъ толстый, и какъ его угощали, и какой онъ много ъѣлъ. Мои спутники уже ничьи подданные, и это мало ихъ огорчаетъ. Оба, штейгеръ и молодой шахтеръ, — подписчики «Freiheit» ившущенная имъ въ школѣ идея отечества за время войны (одинъ былъ на восточномъ, другой на западномъ фронтѣ), — преобразились, и какъ!..

Кое-что слышали они и о томъ, какъ преобразилась Россія. Съ меня берутъ обѣщаніе разскажать подробно, что знаю я.

— Сегодня вечеромъ у фрау Лунеке. Тамъ будуть «перелетныя птицы».

Они весело смѣются моему удивленію: «Увидите, что за птицы... Вечеромъ. До-свиданія!»

Сигналъ — волчій вой снизу «у-у-у-у». Побѣжали на зовъ.

Они спускались вновь въ черную яму, когда я входила опять въ сырой, темный корridorъ, за которымъ ждало меня голубое небо, солнце, лѣсь, благоуханіе...

Не мнай, кѣмъ-то мудрѣе меня, устроенъ міръ. Такъ значитъ надо — однимъ въ черныхъ ямахъ, другимъ на зеленой благовонной землѣ. И потомъ, сказано же и у Гейне: на вопросы отвѣта ждетъ лишь глупецъ...

ПЕРЕЛЕТНЫЯ ПТИЦЫ

Въ этомъ маленькомъ кафе, приткнувшемся къ косматой скалѣ, Гейне въ дни своего путешествія по Гарцу, кофе не пилъ. Самаго кафе еще не было тогда, — оно недавняго происхожденія. Хозяйка его, фрау Люнеке, та самая, что въ первый день моего пріѣзда въ Клаусталь, повела со мной переговоры о союзѣ между Германіей и Россіей, открыла его въ четвертый годъ войны, когда мужъ ея вернулся съ фронта героемъ, съ желѣзнымъ крестомъ на груди и безъ правой руки.

Публика въ этомъ кафе... Гейне, пожалуй, почувствовалаъ - бы себя *dépayse* въувѣковѣченномъ имъ Гарцѣ, очутись онъ сейчасъ здѣсь, среди этихъ прифранченныхъ шахтеровъ въ пестрыхъ, модныхъ галстукахъ, и съ « *Freiheit* » въ рукахъ, среди этихъ крикливыхъ, многоцвѣтныхъ «перелетныхъ птицъ»...

И сталъ-бы, пожалуй, перестраивать свою лиру, и ничего быть можетъ не вышло-бы...

«Перелетные птицы». — « *Wandervögel* » — по нѣмецки.

Гансъ Блюхеръ, соціологъ, профессоръ многихъ наукъ, судя по названіямъ десяти изданныхъ имъ книгъ, человѣкъ, очень ученый, посвятилъ перелетнымъ птицамъ цѣлыхъ два тома.

Въ первомъ онъ писалъ, что «перелетные птицы»

— это хорошо, оттого что означаетъ здоровое тяготѣніе молодежи къ природѣ, къ самодѣятельности, и полезно для будущаго Германіи. Во второмъ томѣ доказывалъ, что «перелетныя птицы» это — нехорошо, оттого что молодежь, въ скитаніяхъ своихъ привыкаетъ къ праздности, къ самолюбованію, и потомъ — такое тѣсное общеніе предоставленныхъ самимъ себѣ юношей и дѣвочекъ-подростковъ вовсе будто-бы не полезно для будущаго Германіи...

Но кому какое дѣло до Блюхера? Сейчасъ, въ кафе весело. «Перелетныя птицы» — ихъ человѣкъ двадцать пять, — всѣ, какъ на подборъ, — здоровы, красивы, крѣпки, задорны и привлекательны. Поцѣлуй съ любыхъ изъ этихъ алыхъ, смѣющихся дѣвичьихъ губъ, навѣрно, не сопряженъ и съ тысячной долей тѣхъ трудностей, какія пришлось преодолѣть Гейне, чтобы добыть эту разрекламированную нѣмецкими поэтами утѣху съ устъ «прелестной блондинки»...

И вѣеть отъ нихъ не «лѣтней тихой ночью, не словиннымъ пѣніемъ, не луннымъ сіяніемъ», какъ отъ гейневскихъ блондинокъ, выдержавшихъ уже такое огромное количество изданій. Отъ нихъ пахнетъ сѣномъ, землей, — оттого, что въ скитаніяхъ своихъ спятъ, гдѣ попало, на сѣновалѣ, въ лѣсу, и вѣеть отъ нихъ еще откровенно-физіологической отвагой, безшабашнымъ «хоть день, да мой...»

Прилетѣли они сегодня изъ Брауншвейга. Это далеко. Въ дорогѣ, съ остановками, съ ночевкой — двѣ ночи, два дня. Отмахивали въ сутки около тридцати километровъ. Дѣвшушки въ пестрыхъ ситцевыхъ платьяхъ, юноши въ синихъ холщевыхъ курткахъ, всѣ — голоногіе. У всѣхъ въ петличкахъ значки ферейна, свѣтленькие ленточные ордена, за плечами парусиновая котомки, и въ рукахъ разукрашенныя цвѣтами и разнотѣнными лентами мандолины... Ихъ угощаютъ, и сейчасъ они

будутъ пѣть. Молодые шахтеры, прикованные нуждой къ своимъ тачкамъ, смотрятъ на нихъ съ нескрываемой завистью. Эта забавная бродячая коммуна такой дерзкій вызовъ ихъ тяжкой, однообразной жизни...

Изъ разговоровъ съ «птицами» узнаемъ, впрочемъ, что они летаютъ лишь въ лѣтніе мѣсяцы, что большинство этихъ юношей уже служатъ въ разныхъ конторахъ, что хозяева косятся на ихъ отлучки, и приходится часто мѣнять мѣста. А дѣвушки... Почти всѣ ушедшия изъ подъ родительской опеки. Изъ-за несогласія во взглядахъ...

— И, потомъ, знаете, теперь, теперь всѣ рады избавиться отъ лишняго рта. Пускай хоть перелетной птицей, только-бы на шеѣ не сидѣла...

Въ каждомъ стадѣ, въ каждой стаѣ бываетъ воожакъ. Такой есть и у этой беззаботной стаи «перелетныхъ птицъ». Составитель маршрутовъ, запѣвало, и вмѣстѣ съ тѣмъ теоретикъ, философъ шалой кампаниіи. Это блѣдный, бѣлокурый, курчавый мальчикъ лѣтъ шестнадцати, съ синими кругами подъ многознающими уже глазами, со впалыми щеками, звонкимъ голосомъ и невѣроятнымъ аппетитомъ. Проглотивъ десятка два бутербродовъ, нѣсколько крутыхъ яицъ, нѣсколько порцій картофельного салата и другой снѣди, онъ вытираетъ ладонью губы, и, тренѣкнувъ раза два по своей мандолинѣ, объясняетъ что такое «перелетныя птицы».

По его словамъ выходитъ, что это очень хорошо, даже лучше, чѣмъ въ первомъ томѣ Ганса Блюхера. И убѣдительно, какъ дважды два четыре, что если-бы всѣ жили, какъ «перелетныя птицы», вотъ такъ съ мандолинами въ яркихъ лентахъ, ъли-бы бутерброды отъ хозяевъ кафе, не свивали-бы терпѣливо долговѣчныхъ гнѣздъ, которые все равно гибнутъ отъ первого непріятельского ядра, то жили-бы люди, не вѣдая ни горя, ни

заботъ, и, пожалуй, до войны бы не дошло, развѣ что до состязанія пѣвческихъ обществъ...

Оратору апплодируютъ, онъ раскланивается, дѣлаетъ знакъ товарищамъ, тѣ располагаются живописной группой, настраиваютъ въ ладъ свои мандолины и начинаютъ пѣть. Поютъ хорошо, стройно, съ увлечениемъ, и съ явнымъ удовольствиемъ сами себя слушаютъ. Слова пѣсенъ незатѣйливыя, безобидныя... О томъ, что весеннимъ розовымъ утромъ хорошо чирикаютъ птицы, но не худо, и когда вѣтеръ шумитъ въ лѣсу, а чудеснѣе всего быть молодымъ, и вѣрить, что самое лучшее еще впереди...

Шахтеры, молодые и старые, — газеты давно уже исчезли изъ ихъ рукъ, — подтягиваютъ. Притоптываютъ въ тактъ и два-три старика, — мѣстный сапожникъ, пекарь изъ сосѣдней деревни, стрѣлочникъ, пожилая женщина съ овощной корзиной на колѣняхъ. Однорукій мужъ хозяйки за пивной стойкой умиленно покачиваетъ головой...

Одинъ изъ шахтеровъ подошелъ къ «птицамъ», что-то шепнулъ запѣвалѣ. Онъ мотнуль головой, согласился. И вслѣдъ затѣмъ, съ поклономъ въ сторону единственной русской гостьи, затянулъ арію изъ «Царя и плотника».

Зачинщикъ демонстраціи любезно пояснилъ: «Вотъ вамъ и русская пѣсенка».

Запѣвало догадался, однако, что эта «русская пѣсенка» — не совсѣмъ какъ будто современна. И вспомнилъ: «Ахъ, да...» — Даже покраснѣлъ отъ радости.

И «птицы» запѣли — маршъ датскихъ соціалистовъ:

Schon dämmert in der Ferne das Morgenrot
Verkündet uns Freiheit und Licht..

Вотъ вотъ — какъ разъ то, что мнѣ нужно: маршъ датскихъ соціалистовъ... Утѣшили!

Отъ этого удовольствія естественный переходъ —
къ бесѣдѣ о Россіи.

— Ну, а у вაсть, всѣ уже такъ, какъ мы, коммуна-
ми, перелетными птицами? И хорошо?

Я рассказываю.

Такъ хорошо, милые мои, что и не летаютъ. Отъ
хорошой жизни не полетиши...

ДВОРЕЦЪ ЕГО ВЫСОЧЕСТВА

Для того, чтобы попасть на Брокенъ, гдѣ еще задолго до Гейне побывалиFaустъ съ Мефистофелемъ, необходимо сдѣлать привалъ въ Вернигероде. Это своего рода преддверіе къ аду. Пѣшие туристы подкрѣпляются здѣсь передъ ожидающими ихъ эмоціями. Не пѣшие ждутъ «фюникулера», который отходитъ на Брокенъ своевременно и за пять минутъ до прихода каждого поѣзда съ туристами. Съ какой бы стороны не подѣхать къ Вернигероде, алчущіе прослѣдовать дальше на Брокенъ узнаютъ «что поѣздъ только что ушелъ», и оказываются передъ неожиданной пріятной возможностью познакомиться съ достопримѣчательностями Вернигероде. Городъ маленький, тѣсный, пыльный, но кругомъ горы, лѣса, и тѣ и другіе великолѣпны

На главной площади, гдѣ ратуша, фонтанъ и три отеля, сегодня флаги, шумъ, визгъ, давка, пѣсни и неумолкающей дикій хохотъ. Если только преддверіе къ аду, то что тамъ, на Брокенѣ? Освѣдомляемся, въ чемъ дѣло... Никакого, оказывается, бѣсовскаго дѣйства. Просто, ферейнъ старыхъ студентовъ какого-то университета празднуютъ 35-ту годовщину не то ферейна, не то своего выпуска. Утвердившись ногами на стolикѣ углового кафе, можно охватить всю картину праздника.

Посреди площади у неиграющаго фонтана съ бронзовымъ амуромъ (въ обычные дни это онъ наполняетъ

бассейнъ, на сегодня, по случаю праздника ему наказали вести себя прилично) — столъ, заставленный пивными кружками, вокругъ стола степенные солидныи люди, красные, потные, бородатые, усатые, съ широко раскрытыми ртами, и поютъ. Вѣроятно, что-то очень смѣшное, оттого что пѣснъ поминутно покрываются взрывами смѣха... За ихъ стульями стѣны зрителей, свѣтлыхъ женскихъ платьевъ, дѣтскихъ головокъ на плечахъ и рукахъ отцовъ и матерей. И всѣ подтягиваются, и всѣ хохочатъ. Когда умолкаютъ долгіе Hoch! — поднимаются два почтеныхъ, толстыхъ человѣка — профессора, старѣйшие члены ферейна, съ кружками въ рукахъ, и говорятъ. Сначала одинъ, потомъ другой. Говорятъ горячо, убѣжденно, честно, что это хороший праздникъ, что это культурный праздникъ, что это бла городный праздникъ, и, поднявъ кружки, пьютъ и смѣются, и кругомъ тоже поднимаются кружки и тоже пьютъ и смѣются...

Дальнѣйшія рѣчи слушать некогда. Надо спѣшить къ другимъ достопримѣчательностямъ.

Дворецъ его Высочества... — Какъ жаль, что вчера не прїѣхали — соболѣзнують мнѣ въ писчебумажномъ магазинѣ, гдѣ я покупаю открытки — вчера состоялось бракосочетаніе молодого принца съ принцесой того-же рода по другой линіи. Жители устроили факельщугъ, весь городъ былъ иллюминованъ...

Гдѣ-то была революція, какіе-то короли развѣнчаны, какіе-то принцы въ изгнаніи. Вернигероде такими дѣлами не занимается.

Высоко надъ городомъ, въ великолѣпномъ замкѣ, окруженному вѣковымъ паркомъ, живетъ всѣми обожаемый владѣтельный князь Штольбергъ-Вернигероде, и такъ какъ свадебные гости еще не разъѣхались, то доступа въ замокъ сегодня нѣть, и сторожъ будетъ показывать намъ, уже заплатившимъ за входъ туристамъ, достопримѣчательности, имѣющіяся за стѣнами

замка. На сторожѣ дворцовая ливрея, металлические пуговицы съ гербами Штольбергъ-Вернигероде, и, упоминая его высочество, онъ почтительно поднимаетъ къ окнамъ замка глаза и почтительно опускаетъ ихъ...

Онъ водить посѣтителей отъ одного выступа въ каменной оградѣ къ другому, показываетъ на лиловыя дымныя дали, на тонкія темныя колокольни и предлагаєтъ убѣдиться, какой прекрасный видъ отсюда, оттуда, а это...

— Любимое мѣсто было покойнаго князя, а это — вотъ пушка...»

Дѣйствительно, пушка. Съ устремленнымъ на безобидный городъ ржаво-зеленымъ жерломъ. Въ послѣдній разъ она стрѣляла — сторожъ называетъ какую-то очень отдаленную отъ нашихъ дней дату. Оттого, вѣрно, и позеленѣла, что не стрѣляетъ больше — отъ злости...

— А въ этой башнѣ...

Башня тоже въ оградѣ замка, но похожа не на башню, а на крематорій.

Сторожъ внезапно умолкаетъ на полусловѣ, вытягивается и береть подъ козырекъ. Посѣтители быстро оборачиваются и замираютъ. На усыпанной желтымъ пескомъ дорожкѣ вдоль стѣны замка дама въ черномъ платьѣ и гофрированномъ чепчикѣ, катила колясочку съ поднятымъ свѣтло-сѣрымъ кузовомъ.

— Маленький принцъ... — шопотомъ пояснилъ сторожъ.

Коляска была далеко, едва слышенъ былъ шорохъ колесъ, и принцъ завѣшенъ былъ голубымъ шелковымъ пологомъ, но *deutsche Treue* — вещь серьезная... Благостное умиленіе разлилось по лицамъ, изъ устъ двухъ, трехъ дамъ, и старого учителя изъ Бремена, вылетѣло восторженнымъ шопотомъ: «Маленький принцъ... Принцъ!...»

Коляска исчезла за угломъ.

Сторожъ продолжалъ: «Въ этой башнѣ содержались раньше медвѣжата — любимцы нашего князя...» «Изъ Россіи вывезены... Князь туда на охоту ъездилъ, и, обернувшись къ двумъ русскимъ туристамъ національность которыхъ вѣрнымъ глазомъ и ухомъ опредѣлилъ, когда продавалъ имъ билеты, добавилъ: «И великий Князь Владіміръ къ намъ сюда прѣѣжалъ... Очень любилъ замокъ нашъ и Вернігероде...»

Опять поклонъ, сочувственно-пріятная улыбка въ нашу сторону, и нельзя не отвѣтить улыбкой: что-то связываетъ нась — великий князь, русскіе медвѣжата...

Но гдѣ-же они? О, медвѣжатъ постигла печальная участь. Нечѣмъ стало кормить ихъ во время войны. Но они все таки сослужили службу Германіи, эти русскіе медвѣжата. По распоряженію князя Штольбергъ-Вернігероде ихъ убили, закоптили и послали на Рождество солдатамъ на восточномъ фронтѣ...

Сторожъ опять обрываетъ, опять вытягивается и береть подъ козырекъ.

Посѣтители быстро оборачиваются, кое-кто почтильно кланяется. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нась медленно проѣзжала карета, съ палево-красными гербами на дверцахъ, съ ливрейными кучеромъ и лакеемъ на козлахъ. На кожанныхъ подушкахъ возлежали двѣ сѣдые дамы въ черномъ шелку, и милостиво, милостиво раскланивались въ одну, въ другую сторону..

И исчезли, будто съ экрана далекіе призраки. Нежели дѣйствительность?

А подальше отъ этой отжившей красавицы, подлинная красота и подлинная жизнь. На нѣсколько десятковъ метровъ выше замка маленькое, незатѣйливое кафе съ террасой на крутомъ обрывѣ. Нѣсколько студентовъ и студентокъ шумно закусываютъ за некрашеннымъ столомъ безъ скатерти.

Молодой художникъ усердно закрѣпляетъ на полотнѣ чудесную холмистую лѣсную даль.

Весело играютъ дѣти. Не хочется отсюда уходить.

Ночевать неизбѣжно въ Вернигероде. Завтра, чутъ свѣтъ — поѣзда на Брокенъ. Но ферейнъ, прузднущій свою годовщину, занялъ всѣ отели. Старѣйшій изъ нихъ *«Gothischer Hof»*, — отмѣченъ въ путеводителяхъ тремя звѣздочками: здѣсь когда-то жилъ Меланхтонъ, другъ Лютера, ученый герой Реформаціи.

Въ этомъ отелѣ одна свободная комната, но и та несвободна. Еще недѣлю тому назадъ заказана двумя членами ферейна изъ Гамбурга, и, видимо, какой-то несчастный случай помѣшалъ имъ пріѣхать къ началу торжества.

Я безъ ногъ отъ усталости. Пристраиваюсь въ углу биткомъ набитаго зала и жду подтвержденія несчастнаго случая, который дастъ мнѣ желанную радость отдыха.

Еще пѣли на площади, говорили рѣчи, звякали кружки, но уже была ночь — на площади горѣли фонари, выше звѣзды — когда ко мнѣ подошелъ «оберъ». Его тронуло мое терпѣливо страданіе. Онъ сказалъ: «Вы получите комнату Меланхтона...»

Меня ведутъ — оберъ, горничная черезъ длинный рядъ коридоровъ, раскрываютъ передо мною дверь, я — въ комнатѣ Меланхтона.

Шкатулъ, высокій пульть съ высокимъ табуретомъ, столикъ и кровать съ бѣлой периной. За этимъ пультомъ Меланхтонъ дописывалъ свою *«Аугсбургскую исповѣдь»* — я ея не читала, — въ этой кровати, подъ этой периной онъ отдыхалъ въ 1577 году, послѣ удара, нанесенного Карломъ Пятымъ Реформаціи въ сраженіи подъ Мюльбергомъ. — Въ 1923-емъ году подъ этой периной лежу я. Мысль эта глубоко волнуетъ меня, и

я долго уснуть не могу. Снится мнѣ, конечно, Меланхтонъ.

Въ чемъ-то онъ меня убѣждалъ, съ чѣмъ я никакъ согласиться не могла. Но внезапно выстрѣлила пушка, которая давно уже не стрѣляла. И я проснулась и забыла о чѣмъ спорили мы съ Меланхтономъ.

Горничная стучала въ дверь.

Къ вѣдьмамъ — на Брокенъ!

НА БРОКЕНЪ

Гейне поднимался на Брокенъ пѣшкомъ. Горный духъ, понимая какую пользу можно извлечь изъ такого «сочинителя, который может все видѣнное описать» по старался и показалъ ему Гарцъ во всемъ его утреннемъ великолѣпіи. Гейне, какъ извѣстно, возлагавшихся на него ожиданій не обманулы: въ стихахъ, и въ прозѣ, въ прозѣ и въ стихахъ...

«За радость тихую» — пережитыхъ въ этой прогулкѣ часовъ возмѣстилъ Брокену рекламой, какую всѣ Куки міра ему сдѣлать не могли бы. На каждомъ поворотѣ горной тропинки, онъ видѣлъ новое чудо, и такъ какъ шель одинъ, то каждому чуду могъ давать самостоятельную оцѣнку.

Я этой возможности лишена. Лакированный хорошенкій поѣздъ, идущій изъ Вернигероде на Брокенъ переполненъ любителями и любительницами природы, преимущественно нѣмцами, и неумолкаемый вопль изъ междометій и прилагательныхъ предупреждаетъ каждую мою попытку облечь въ собственные мысли и слова — свои впечатлѣнія и чувства.

— O! A! Entzückend! Wunderbar! Fabelhaft! Unglaublich! Reizend! Prachtvoll!

И тѣ же восклицанія, прилагательные въ обратномъ порядкѣ оглушаютъ меня уже въ первыя минуты подъема. Къ концу его, воспріимчивость моя къ горнымъ

пейзажамъ, ущельямъ, каскадамъ, нависшимъ надъ ними тысячелѣтнимъ елямъ — безнадежно притуплена. Сравненіе, восхищеніе, умиленіе подсказываютъ мнѣ со всѣхъ сторонъ, мужскими, женскими, юношескими, звонкими, сплѣтыми, хриплыми голосами, и такъ какъ среди орующихъ, захлебывающихся людей, я одна не ору, и не захлебываюсь, то безчувствіе мое возбуждаетъ жалость, которую спутники мои бессильны скрыть. Я читаю ее въ синихъ, черныхъ, голубыхъ и карихъ, ничего не выражающихъ и что то выражающихъ глазахъ, угадываю ее въ движении толкающихъ другъ друга локтей, свѣтлыхъ и темныхъ бровяхъ тоненькими и мохнатыми дужками поднимающихся въ мою сторону....

Я чувствую, что невольно конкурирую съ Гарцемъ. Моему молчаливому, неподвижному равнодушію удѣляется въ вагонѣ почти столько же вниманія, сколько и впрямь сказочному пейзажу, развертывающемуся передъ широкими раскрытыми окнами. Что-бы вернуть спутниковъ природѣ, чтобы отвлечь отъ меня ихъ со-крушенные взгляды, я оскаливаю зубы, изображаю во-сторженную улыбку — воображаю на что она была по-хожа, — движениемъ, перенятымъ у актрисъ, хватаюсь за свою записную книжку, и лихорадочно — лихорадка тоже краденая — покрываю ея страницы письменными знаками.

И тогда я услышала за собою — говорила громкимъ шопотомъ пожилая полногрудая, румяная въ сѣрыхъ букаляхъ дама: *Eine ausländische Dichterin.*

Догадалась таки: чужеземная поэтесса...

Другіе спутники тоже признали меня. Мой раскрытый, какъ у вороны, ротъ, записная книжка, карандашъ сразу утвердили меня въ правѣ находиться среди нихъ, кричавшихъ, оравшихъ, лоснившихъся отъ избытка своего *Naturgefühl*.

Кое-кто даже посторонился, чтобы свободнѣе мнѣ

любоваться можно было. Дама въ букляхъ предложила подвинуться ближе къ окну.

— Разъ вы описываете...

Я не описывала — я записывала: расходы, какіе были у меня наканунѣ въ Вернигероде. И краснѣя подъ сочувственно-почтительными взорами, я сознавала, что и этотъ честный стыдъ мой за невинный обманъ, приписывается скромности и другимъ добродѣтелямъ, которыхъ я за собою не сознавала

Когда поѣздъ остановился, мнѣ уже предложили, какъ единодушно кооптированному члену группы: «Хотите съ нами?» — Я не хотѣла. Оставалось только симулировать непониманіе языка. Симмуляція удалась. Мнѣ подарили десятокъ другой снисходительныхъ, поощрительныхъ улыбокъ: «ничего, на то и чужеземная сочинительница». И я побрела дна. Спутники мои шумной ватагой — къ ресторану, къ «Брокенгаузу», который стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ во времена Гейне. Я направилась къ площадкѣ, на которой въ хаотическомъ беспорядкѣ свалены огромныя каменные глыбы. Для нась людей, глыбы, — на самомъ дѣлѣ — мячики, и въ Вальпургіеву ночь ими играютъ черти и вѣдьмы. Гейне, когда онъ приближался къ вершинѣ Брокена слышался топотъ коня мчавшаго сюда Faуста. Быть можетъ, услышала бы и я — старалась я очень, и настраивалась, и думала о Faустѣ и Мефистофельѣ добросовѣстно, — но хлопанье пробокъ, звонъ посуды, и крики изъ ресторана разрушали всѣ мои попытки самовнушенія.

Иду къ ресторану. — О, какъ непохожъ онъ на шумную, демократическую *Wirtschaft* описанную Гейне.

Какъ нарядно, пышно, какъ сверкаютъ, сіяютъ столовы и ловкія, завитыя, накрахмаленные кельнерши, какъ мало классическихъ нѣмецкихъ студентовъ съ холще-

выми мѣшками, и какъ много космополитической элегантной, довольно и самодовольной публики. Всѣхъ этихъ американцевъ, голландцевъ, норвежцевъ, громко увѣренно разговаривавшихъ на своихъ языкахъ, привезли очевидно, уже другіе поѣзда въ то время, какъ я представляла себѣ Фауста, мечущагося по сценѣ Мариинскаго театра въ Петербургѣ, по сценѣ, залитой пламенемъ, рѣшившій его судьбу ночи...

Брокенъ знаменитъ не только ежегодными конгрессами чертей и вѣдьмъ, онъ знаменитъ еще видомъ на весь Гарцъ, и еще тѣмъ, что этотъ видъ никогда не виденъ.

Испаренія изъ многовоспѣтыхъ тѣмъ же Гейне долинъ Гарца, пока доплываютъ до Брокена теряютъ въ пути всѣ свои цвѣта радуги, кругомъ Брокена превращаются въ сизо-сѣрыя густыя облака, и видѣть что-нибудь сквозь эти зыбкія и плотныя стѣны можно лишь при очень пылкомъ воображеніи какого не хватило и у Гейне. Правда, онъ ему посвятилъ стихотвореніе:

„Heller wird es schon im Osten“

Но въ строкахъ этихъ рѣчъ не о видѣ, котораго онъ не видѣлъ, а о семимильныхъ сапогахъ, о какихъ онъ мечталъ, чтобы перешагнуть черезъ вершины къ изголовью милой...

Въ дорожную книгу Гейне вписалъ лишь четыре строчки:

Kleine Steine
Grosse Steine
Mѣhde Beine
Aussicht keine

Быть можетъ и не имъ, а искусствомъ пародистомъ написаны. Все равно, я вычитала въ нихъ оправданіе себѣ: никакого вида и я не видѣла...

Но когда уже не въ поѣздѣ, не съ любителями и любительницами природы возвращалась внизъ, а одна узкими, крутыми, каменистыми тропинками, тогда я видѣла, тогда я слышала.

И если хватить смѣлости — когда нибудь разскажу...

ПРОГУЛКА

Какъ всѣ мужчины, измѣнникомъ коварнымъ быль и Геркулесь. Любилъ и разлюбилъ, и покинутая имъ въ тоскѣ неутѣшной бродила она по дикимъ скаламъ, и съѣли ее звѣри хищные въ Альберійскихъ лѣсахъ. Ее звали Пиренея.

И въ память о ней, такъ поется въ стаинныхъ каталанскихъ пѣсняхъ, назвали Пиренеями свои горы первые обитатели этого длинного, длинного хребта, прорѣзающаго всю Францію отъ Средиземнаго побережья и до океана.

Хищные звѣри давно перевелись въ Пиренейскихъ горахъ, нѣтъ больше и разбойниковъ — «трабукаирэсъ», хотя въ деревняхъ и поселкахъ Каталоніи живы еще люди, на памяти которыхъ «трабукаирэсъ» останавливали въ горахъ путешественниковъ и монаховъ-сборщиковъ: «жизнь или кошелекъ», похищали и возвращали за выкупъ красивыхъ дѣвушекъ и дѣтей, но безвозмездно одаривали темами поэтовъ и романистовъ...

Нѣтъ, теперь нечего и некого бояться въ Пиренейскихъ горахъ и вооруженная легкой тросточкой, отправляюсь я изъ маленькаго каталонского городка Вернѣ въ далекую прогулку, къ святой обители Сэнъ Мартэнъ де Канигу.

Какъ непохожи эти горы на Швейцарскія Альпы, на Аппенины, на Гарцъ, на Шварцвальдъ... Мало лѣсу,

мало тѣни, но какая изумительная игра красокъ на горныхъ скатахъ, и ни отелей на нихъ, ни вывѣсокъ Гала-Петеръ, и Цитроэнъ, — неизбѣжныхъ аттрибутовъ горнаго пейзажа во всей Европѣ. Цѣлый часъ уже поднимаясь выше, выше, отлично утрамбованной горной дорогой, и ни одного человѣческаго жилья, ни одной души. Только блестящія будто зеленымъ лакомъ покрытыя ящерицы съ шорохомъ улепетываютъ въ кусты, и большиe жирные ужи степенно уступаютъ мнѣ дорогу Ихъ тьма здѣсь. Любятъ они очень сѣрныя воды, которыя на каждомъ шагу бываютъ изъ скалъ теплыми и горячими ключами. Но то, что вызваниваютъ и поютъ онѣ, эти свѣтлые прозрачныя струи, поглощаетъ громкій и немолчный, идущій изъ ущельевъ шумъ. Это грохочутъ Тэтъ и Кади, два бѣлопѣнныхъ, быстрыхъ потока, самая мнговодная рѣки восточныхъ Пиреней.

Красная скала нависла надъ дорогой, — огромная птица съ распластанными крыльями, дальше зіяетъ въ отвѣсномъ утесѣ черная пещера, еще нѣсколько шаговъ — крутой и жуткій обрывъ... Да, воображенію человѣческому и трудиться много не надо было, чтобы создать тутъ безчисленныя легенды, сказки, баллады, — каталонскій фольклоръ и романтику каталонской литературы. Въ этой зіяющей пещерѣ могла ютиться цѣлая шайка «трабукаирэсъ», съ этого обрыва могъ быть сброшены любои персонажъ легенды, и стоны невиннѣйшихъ и прекраснѣйшихъ усть заглушали, и сейчасъ, въ случаѣ надобности, могли бы заглушить бѣгущія въ ущельяхъ горныя рѣки.

Въ зигзагахъ дороги мелькаютъ знакомыя уже деревушки, съ неизмѣнной руиной какого нибудь дворца «Паула» — по каталонски, съ четвероугольной зубчатой башней древняго романскаго храма.

Корнейя — два, три десятка бѣлыхъ издали, вблизи грязныхъ, домиковъ — среди пышныхъ яблонь и платановъ. Въ деревнѣ этой безнаказанно живутъ кол-

дуньи, которые умеют накликать болезнь на муловъ, отнимать молоко у козъ и привораживать чужихъ мужей къ чужимъ женамъ. Ихъ всѣ знаютъ кругомъ, по окрестнымъ деревнямъ, называютъ ихъ имена, но стра-дающее отъ ихъ злыхъ чаръ населеніе бѣсильно про-тивъ нихъ, такъ какъ самосудъ надъ колдуньями строго карается по французскимъ законамъ... И въ той же Кор-нейя храмъ, дивный храмъ 12-го столѣтія, съ мрамор-нымъ розовато-блѣдымъ порталомъ, и рѣдкимъ высѣ-ченнымъ въ каменной стѣнѣ запрестольнымъ образомъ. Часть его увезъ съ собою гостившій въ Корнейѣ у мѣ-стного учителя студентъ. На память — благодушно раз-сказываютъ объ этомъ туристамъ въ Корнейѣ — не устояль.

Дальше, глубже, въ долинѣ — Вилльфраншъ, съ грозною издали, внушительной вблизи, крѣпостью — однимъ изъ созданій геніального Вобана, утверждавша-го здѣсь могущество Людовиковъ въ тѣ времена, когда они отвоевывали отъ Испаніи эту часть Каталоніи. Крѣ-пость стоитъ на горѣ, на утесахъ форты, въ высокія каменные стѣны одѣты крутые откосы. Все это теперь никому не нужно, давно заброшено и пусто: памятникъ неимовѣрныхъ и безплодно затраченныхъ человѣче-скихъ усилий... Присоединенная къ Франціи часть Ката-лоніи осталась Каталоніей, и на томъ же языкѣ гово-рятъ здѣсь, на какомъ говорили триста лѣтъ тому на-задъ, тѣ же обычай, блудутъ въ тѣхъ же церквахъ мо-лятся, все какъ было и осталось неизмѣннымъ. И изъ поколѣнія въ поколѣніе передается быль о жившой тогда въ Вилльдраншѣ Инесѣ Лліярѣ, знатной ката-лонской дѣвушкѣ, которую Богъ поразилъ любовью къ французскому офицеру. Трагическая романтическая судьба ея вдохновила извѣстного писателя Луи Бертра-на, того самаго, который не признаетъ Достоевскаго и Толстого, на большой романъ «Инфант», и нѣтъ въ Ка-талоніи грамотной дѣвушки, которая не зачитывалась

бы раззвѣченной и опоэтизированной повѣстью обѣ Инесъ Лліяръ, о жертвѣ любви къ чужеземцу и родствен-наго долга... Кatalонская Марія Кочубей, — также какъ украинская героиня, прибѣжала къ мѣсту казни, когда го лова отца ея, предпочитавшаго испанскую оріентацію французской — упала под топоромъ французскаго палача.

Въ нѣсколькихъ километрахъ отъ Вилльфранша, ма-ленькій, уютный городокъ, скорѣе деревня — Ривезальть, которому посвящено уже стиховъ, поэмъ, во-споминаній въ такомъ количествѣ, какое выпало развѣ лишь на долю острова св. Елены. Въ Ривезальть родил-ся и выросъ внукъ бѣднаго бочара — Жоффръ.

Горы тамъ не такъ высоки, не такъ круты и обна-жены, какъ всѣ тѣ, откуда я гляжу внизъ и не могу на-глядѣтъся. Мягкими синими волнами тянутся онѣ тамъ, и въ пѣсняхъ каталонскихъ зовутся ласкателю — го-рами єтѣшными, « *Montanyos regaladas* ».

И среди нихъ главный городъ французской Ката-лоніи — Перпиньянъ, родина Араго, свѣтлый, оживлен-ный веселый городъ, съ площадью Араго, съ улицей Араго, съ музеемъ Араго, съ домомъ, гдѣ жиль Араго, съ кафе Араго и съ памятникомъ Араго. Почти, какъ въ Веймарѣ: Гете, Гете, Гете и еще Гете...

Одна изъ самыхъ поэтическихъ каталонскихъ ле-гендъ, которой всѣ каталонскіе поэты отдавали дань своихъ вдохновеній, связана съ происхожденіемъ это-го города. Непосѣдливому, одному человѣку, искателю, мечтателю обязанъ онъ своимъ бытіемъ: дядюшка Пинья • *Rège Pinya*, звали его. Жиль онъ гдѣ-то да-леко, высоко въ пустынныхъ горахъ, и въ одинъ прек-расный день, взялъ да снялся съ насиженного мѣста, и погналъ своихъ муловъ, куда глаза глядѣли. Шелъ, шелъ — горы, пропасти, ущелья, конца не видать. И осѣнила его счастливая мысль спросить совѣта у пѣ-

нившейся по каменному руслу рѣри Тэтъ: «Ты вотъ, бѣгаешьъ, шумишьъ, видала, вѣрно, виды. Сдѣлай милость, укажи, какъ мнѣ въ солнечную долину пробраться?». — Съ удовольствиемъ, — отвѣтила Тэтъ — иди за мной, я покажу тебѣ дорогу.»

Недалеко отъ моря, въ зеленой равнинѣ съ двумя высокими холмами, Тэтъ задѣржала на мигъ свой быстрый бѣгъ и сказала: «Вотъ здѣсь надо тебѣ осѣсть, пахать и сѣять, а я буду орошать твою пашню»

Такъ Рѣге Pinva и сдѣлалъ и вокругъ его, изъ восьми досокъ сколоченного жилища, выросъ большой городъ, Перпиньянъ, гдѣ перебывало позднѣе много королей, ученыхъ и трубадуровъ, и долгіе годы процвѣталъ университетъ Estudi Majog, упраздненный Людовикомъ XIII-ымъ, находившимъ, что «не къ чему такъ далеко отъ Парижа, и такой университетъ» а при испанцахъ процвѣтала инквизиція, и было еврейское гетто, всего нѣсколько семействъ, но и тѣ оказались элементомъ вреднымъ и выпровождены были въ Неаполь. Книги же, написанныя однимъ изъ этихъ вредныхъ людей, рабби Леви бенъ Авраамомъ, «Ларецъ съ благовоніями», «Красота и благодать», надъ которыми проливали слезы знатныя каталонскія дамы, — хранятся и понынѣ въ городской библіотекѣ Перпиньянна.

Сэнъ Мартэнъ де Канигу, — конечная цѣль моей прогулки — мелькнуль было передо мною громадою красныхъ на солнцѣ стѣнъ и башенъ и тотчасъ вновь исчезъ за раскаленными, обнаженными горами и синими ущельями. Еще два, три поворота, еще нѣсколько ящерицъ и ужей, не спѣша уходящихъ съ дороги, и на крутомъ обрывѣ, среди хаоса дикихъ скалъ, подъ снѣжной вершиной Канигу, вырастаетъ огромное, тяжелое старинное аббатство съ реставрированной недавно церковью Сэнъ Мартэна. Десять съ лишкомъ вѣковъ сто-

ятъ здѣсь эти стѣны, и сотни тысячъ паломниковъ исходили этотъ долгій и утомительный путь: такъ какъ молитвы, приносимыя св. Мартэну, оплодотворяютъ поля, ограждаютъ скотъ отъ падежа, и молебны съ крестнымъ ходомъ, совершаемые здѣсь каждымъ лѣтомъ въ дни засухи, срываютъ съ неба желанные дожди..

Когда-то, спасался здѣсь въ пещерѣ отъ людей, отъ ихъ войнъ, жестокостей, пьяного разгула, скверны и блуда — святой отшельникъ, и въ одну глухую ночь пришелъ къ нему и попросилъ пріюта юноша въ военныхъ доспѣхахъ. Это былъ Роландъ, племянникъ графа Гюэфреда, воевавшаго съ невѣрными сарацинами. Онъ проигралъ битву, ослушавшись приказаній данныхъ ему графомъ. Отшельникъ промылъ и перевязалъ его раны, уложилъ и укрылъ своей одеждой, и когда ворвался въ пещеру гнавшійся за Роландомъ графъ Гюэфредъ, святой отшельникъ солгалъ:

— Не слыхалъ и не видаль.

Но графъ услышалъ и увидѣлъ, и мечемъ своимъ разсѣкъ на двое тѣло Роланда. Утоливъ гнѣвъ, онъ покаялся, построилъ храмъ, принялъ святой постригъ и воздвигъ чужими руками великолѣпную монастырскую обитель, гдѣ кончилъ вѣкъ свой въ искупительной молитвѣ, въ тишинѣ и благостномъ уединеніи. Это уже не легенда, а былъ...

Сейчасъ здѣсь глубокая тишина. Даже шумъ бѣгушихъ внизу рѣкъ, Тэтъ и Кади, едва, едва доходитъ сюда. Подъ аркадами пустой монастырской обители расположилась каталонская семья: отецъ, сѣдоусый пыльно-темный крестьянинъ, дородная женщина въ черной шали, двѣ легкихъ хорошенъкихъ дѣвушки — говорятъ по каталански и пьютъ золотистое вино. Высокій худой сторожъ, съ породистымъ задумчивымъ лицомъ, тихимъ голосомъ разсказываетъ, что черезъ нѣсколько дней пріѣдетъ изъ Перпиньяна «монсіньюръ»

— будетъ служить молебенъ, чтобы дождь наконецъ пошелъ...

Онъ сокрушенно указываетъ головой на жаркое, безоблачное небо, на раскаленныя горы. И пыльно-темный каталонецъ, утѣшеннный вздыхаетъ:

— Ну, вотъ... Слава Богу! А то вѣдь — пропадеть все, что на поляхъ....

— Ничего... Пріѣдетъ монсеньеръ, отслужить молебенъ, и дождь пойдетъ. Всегда ужъ такъ. Послѣ молебна — дождь...

GALANTO VILO

Такъ Гомеръ Прованса — Фредерикъ Мистраль называлъ Авиньонъ: *Galanto vilo*. Милый, нарядный, благородный, ласковый городъ. Всячески можно перевести это опредѣленіе, и каждый изъ этихъ эпитетовъ оправданъ обликомъ, воздухомъ, звучностью этого города, пейзажемъ.

Благородство — въ одухотворенности его готики, въ строгихъ линіяхъ старыхъ домовъ. Нарядность по чти торжественная въ обиліи великолѣпныхъ портальныхъ, карріатидъ, нишъ съ древними статуями языческихъ боговъ и христіанскихъ святыхъ, — на каждой улицѣ и на каждой площади. Милая ласковость въ самихъ людяхъ, въ грудахъ цвѣтовъ на каждомъ шагу, въ той неуловимой и никакими словами неопредѣлимой прелести, какую сообщаетъ городу южное солнце, южная растительность, всегда дающая иллюзію беззаботности и ничѣмъ неомрачаемой радости.

И удивительно, что раздражаетъ въ каждомъ иномъ многопосѣщаемъ туристами городѣ, нисколько не раздражаетъ и не шокируетъ здѣсь. Толпы иностранцевъ, разноязычіе, шумное оживленіе. Здѣсь, въ этихъ узкихъ улицахъ, на этихъ тѣсныхъ площадяхъ, — оно — пріемлемо и естественно. Живая іллюстрація къ давнему Авиньону, какимъ онъ былъ въ пору своего расцвѣта и всему миру зрячаго блеска. Въ тѣ годы,

когда утверждались здѣсь римскіе папы (и такъ утвердились, что понынѣ въ ходу остались выраженія «папскій городъ» — «нашъ папскій городъ» — и надѣ скалистымъ холмомъ надъ Роной воздвигли единственный въ мірѣ памятникъ, ни съ какимъ зданіемъ несравнимый «дворецъ папъ».

Тогда улицы и площади кишали иностранцами, послами, торговцами, авантюристами, недобродѣтельными женщинами, носителями всякаго рода оружія, монахами, художниками. Кто только ни перебывалъ при папахъ въ этомъ городѣ? Даже изъ Румыніи, изъ Польши, отъ татарскаго хана — пріѣзжали сюда послы.

Только Россія никѣмъ и ни разу не была представлена здѣсь въ золотой вѣкъ Авиньона, въ XIV вѣкѣ. Россія была тогда подъ татарскимъ игомъ...

Когда-то городъ съ шумной, многоязычной, пестрой толпой отдѣляли отъ папскаго дворца кордоны папскихъ воиновъ въ латахъ и шлемахъ. Теперь дворецъ и широкую площадь передъ нимъ ограждаетъ отъ оживленнаго космополитического города — традиція. Какая-то непереходимая грань.

И это изумительно. Всего два шага отъ центра Авиньона, отъ небольшой четырехугольной площади, которая называется теперь тройнымъ именемъ «Площадь городскихъ часовъ», «Площадь мэріи», «Площадь Клемансо», а въ короткій вѣкъ великой французской революціи называлась, понятно, «Площадью Революціи». Всего два шага отдѣляетъ эту площадь, гдѣ вѣчный митингъ, вѣчный балъ, вѣчная ярмарка... отъ Дворцовой Площади — передъ папскимъ дворцомъ. Не аллегорическихъ, а реальныхъ два шага, а будто двѣ, три версты отдѣляютъ одну отъ другой. Такое здѣсь спокойствіе, величавость, миръ.

И даже стада англичанокъ здѣсь не забавны и американцы не смѣшны. Быть можетъ и не мода, не шаб

лонъ, и не снобизмъ привели ихъ сюда, а любопытство иного, высокаго порядка. Кто знаетъ, быть можетъ за этими вуалями, очками, подъ этими кожанными куртками и вязанными свитерами сокровенный, человѣческій страхъ тлѣна, и тоской о вѣчности волнуютъ этихъ гуторящихъ, суетящихся людей исполинскія стѣны, башни дворца, выдержавшія испытаніе пяти вѣковъ, не сдавшія снаружи ни одной колонной, ни однимъ выступомъ, ни однимъ порталомъ.

Вечерами еще разительнѣе контрастъ этой большой едва освѣщенной, безмолвной, пустынной площади съ «Площадью городскихъ часовъ» — гдѣ кафе, рестораны, лари, кіоски, кинематографы, бары, неизбѣжные «дэнсингі», отели, визгливые газетчики, мороженники, пестрота, толчя, и ни звѣздъ, ни мѣсяца, ни самаго неба не видать изъ за многоцвѣтныхъ лампіоновъ и бумажныхъ фонарей. Площадь эта, когда то называлась еще «Площадью водопоя». Въ то время, когда въ теперешнемъ зданіи мэріи, а въ XIV вѣкѣ, кардинальскому дворцу, жилъ кардиналъ Колонна, а у него жилъ гостемъ Петрарка, на эту площадь передъ окнами дворца приводили воловъ поить, и въ своихъ письмахъ къ Боккачіо, къ другимъ, оставшимся въ Италии друзьямъ своимъ, Петрарка, называя Авиньонъ самымъ распутнымъ въ мірѣ городомъ, неизмѣнно добавлялъ въ скобкахъ « и самый грязный».

Онъ и сейчасъ не очень опрятенъ, и доля мужества требуется для того, чтобы пройти въ жаркій день сѣть узенькихъ въ аршинъ переулковъ, уходящихъ крутыми уступами внизъ къ набережной Роны, такъ называемый «Старый еврейскій кварталъ»: «*La vieille Juiverie*».

Но въ пяти минутахъ отъ этого давняго гетто — широкія аллеи платановъ вдоль свѣжей зеленой рѣки а подняться выше, на вершину холма, въ которую упирается дворецъ, и голова кружится отъ благовоній, которыхъ неугомонный мистраль несетъ на эту скалу со

всѣхъ концовъ широкой, цвѣтущей, изрѣзанной Дюрансомъ и Роной долины.

Авиньонъ съ возвращенiemъ папъ въ Римъ долгіе еще годы оставался магнитомъ, привлекавшимъ сюда художниковъ, поэтовъ, трубадуровъ, ученыхъ, и папскіе легаты соперничали въ меценатствѣ и вниманіи къ поэтамъ, художникамъ, граверамъ, чеканщикамъ и ювелирамъ. Нѣтъ дома въ Авиньонѣ, гдѣ въ жилишѣ давнихъ обитателей города не сохранилась бы какая либо художественная реликвія старины.

Объ антикварныхъ лавкахъ, изъ нихъ иныхъ ютятся въ самыхъ глухихъ и грязныхъ переулкахъ города, и говорить нечего. Это — неисчерпаемые источники художественныхъ рѣдкостей и цѣнностей.

Въ годы революціі, когда опустошительный вихрь пронесся по всѣмъ дворцамъ и храмамъ, множество цѣнныхъ вещей зарыто было въ погребахъ, попрятано по крестьянскимъ усадьbamъ, и лишь во второй половинѣ XIX вѣка стали извлекаться изъ ямъ и подваловъ.

И исторія Авиньона, исторія, полная драмъ, трагедій, борьбы, романтики, страшной были и поэтической легенды, не прекратилась съ отъѣздомъ папъ.

Площадь передъ папскимъ дворцомъ — Дворцовая площадь въ годы революціі была переименована «отнынѣ и во вѣки вѣчные» въ Крѣпостную площадь. Эти вѣки вѣчные длились всего нѣсколько мѣсяцевъ. 10-го Термидора она уже именовалась опять, какъ до революціі и теперь, Дворцовой площадью. Чему только свидѣтельницей ни была она, лишь она одна въ этомъ городѣ?

Къ подъѣзду этого дворца однимъ раннимъ весеннимъ утромъ подъѣзжалъ Кола ди Ріенци, римскій трибунъ, вчерашній кумиръ толпы и римской интеллигенціи, возносившей его за безкровную революцію, усыпавшей цвѣтами его путь, а затѣмъ развѣнчавшей его и не находившей достаточно грубаго сквернословія для

того, чтобы заклеймить и опорочить его передъ пресмыкающейся передъ нимъ чернью. Любопытно, что въ числѣ другихъ содѣянныхъ будто бы ди Ріенци политическихъ, государственныхъ грѣховъ, ставилось ему въ вину то, что онъ выкупался въ купели императора Константина....

Подъ это улюлюканье толпы «выкупался въ купели императора Константина» и бѣжалъ Кола ди Ріенци изъ Рима къ папамъ въ Авиньонъ, гдѣ мнимымъ плѣнникомъ жилъ въ угловой четырехугольной башнѣ, которая такъ хороша днемъ, на солнцѣ, и такъ многорѣчива и внушительна ночью. Каждая пядь земли на этой площади, каждый камень этого дворца равенъ содержательностью томамъ исторіи.

Празднества, религіозныя процесіи, пышные пріемы, состязанія трубадуровъ, любовные, поэтическіе турниры и казни, казни, казни...

Папскія празднества нерѣдко кончались разнузданными оргіями и любители найдутъ въ письмахъ Петарки къ его друзьямъ немало любопытныхъ подробностей. Но при этихъ папахъ созданы были, помимо дворца, большинство поражающихъ понынѣ своей художественной законченностью религіозныхъ и свѣтскихъ памятниковъ искусства въ Авиньонѣ и въ окрестныхъ городахъ.

А со своими врагами папы расправлялись не всенародно. Они хотѣли и старались быть «любезными народу» и личныхъ своихъ враговъ упраздняли инымъ безшумнымъ путемъ. Во дворцѣ показываютъ теперь лѣсенки въ толстыхъ стѣнахъ, гдѣ вредные католической церкви люди или опасные для папской власти, упразднялись незримо и неслышно.

Лишь съ XVI-го столѣтія Дворцовая площадь стала лобнымъ мѣстомъ.

Здѣсь жгли за колдовство, за ересь, евреевъ жгли за то, что они рѣзали христіанскихъ младенцевъ на

Пасху и распространяли чуму, отравляли колодцы, потомъ вѣшали гугенотовъ, и каждая казнь была событиемъ, повергвшимъ въ ужасъ и трепетъ населеніе.

Революція укрѣпила нервы авиньонцевъ. Гильотина заработала такъ усердно въ Авиньонѣ, что къ цвѣту крови скоро привыкли и отрубленныя головы не снились больше чувствительнымъ людямъ. Предсѣдатель революціоннаго трибунала Маніе поставилъ себѣ задачей истребить двѣнадцать тысячъ человѣкъ и своимъ сподвижникамъ напоминаль настойчиво за предѣлы этой цифры не выходить. «Я не хочу, чтобы дошло до тринадцати тысячъ — я суевѣренъ». Робеспьеръ былъ имъ очень доволенъ, и увѣковѣчилъ свое расположеніе къ нему фразой: «Манье человѣкъ вѣрный. Гильотина работаетъ у него неустанно». Въ хроникахъ Авиньона воздано, впрочемъ, должное и противникамъ якобинцевъ. Послѣ 9-го Термидора эти тоже отвели душу на той же Дворцовой площади.

А тамъ, когда улеглись политическія грозы, началось паломничество въ Авиньонъ неутомимыхъ скитальцевъ. Стендаль часами простоявалъ передъ витринами ювелировъ, потомковъ вывезенныхъ папами изъ Италии — Джіованні Бартоло, Марко Ландо, Николло Гримальди. И восхищался одинаково какъ изумительными запястьями, подвѣсками, застежками, такъ и глазами авиньонскихъ женщинъ, «глазами, о какихъ и понятія не имѣютъ въ Парижѣ».

Прозперь Мериме, назначенный инспекторомъ археологическихъ и художественныхъ памятниковъ на Югѣ Франціи, первый обратилъ на него вниманіе художниковъ и поэтовъ. Мистраль и Додѣ увѣнчали своими талантами ставшій Меккою для художниковъ всѣхъ странъ — Авиньонъ. Городъ традицій, романтически печальныхъ былей, поэтическихъ легендъ и вѣчнаго солнца.

Galant vilo — лучше Мистраля о немъ сказать нельзя.

АНГЛЪ

— Орлиное гнѣздо?

Это Просперъ Меримэ воскликнулъ такъ когда увидалъ впервые на скалистой горѣ кучу древнихъ домовъ и башенокъ съ зіяющими бойницами и полуразрушенными колоннами и каріатидами. Англъ — старинная вотчина графовъ Форбенъ, воздвигнувшихъ въ эпоху религіозныхъ войнъ на этой скалѣ въ пяти километрахъ отъ Авиньона городокъ-крѣость. Хитрое и фантастическое сооруженіе изъ исполнинскихъ каменныхъ кубовъ: отъ замка графовъ Форбэнъ осталась лишь усѣченная часть — домъ, отличающійся отъ другихъ лишь размѣрами. Крѣпкія стѣны, глухія настороженные и между ними узенькие переулочки. Когда-то надежные засады, теперь тоже, но не для воиновъ, а для веселыхъ курчавыхъ, темноокихъ провансальскихъ малышей, играющихъ здѣсь въ прятки.

Отъ башни, съ которой нѣкогда вѣрные слуги графа де Форбэнъ выглядывали непріятеля, не осталось и слѣда, и не пальбой, не струями кипящаго масла, не вязанками горящаго хвороста, какъ въ тѣ, преданіемъ ставшіе времена, встрѣчаются теперь поднимающихся къ Англу туристовъ.

Ласковымъ привѣтствіемъ, веселой шуктой и смѣхомъ. Провансальцы не любезны, какъ парижскіе французы. Они ласковы. Они не острятъ. Они остроумны.. И они не улыбаются учтиво, какъ французы съвера.

Они смѣются отъ чистаго сердца и всякому поводу рады посмѣяться, а если повода нѣтъ, то создаютъ его безъ натяжки и усиля.

Дорога къ Англу отъ Авиньона идетъ частью вдоль Роны, а тамъ межъ рядами провансальскихъ фермъ — усадьбы съ длинными аллеями кипарисовъ, которые такъ хорошо оттѣняютъ этотъ солнечный смѣющійся пейзажъ. Какую то ноту торжественности, сосредоточенности придаютъ ему кипарисы. Словно обуздываютъ его ярко зеленое, буйно цвѣтущее ликованіе. И на крутомъ поворотѣ чудесной дороги внезапно встаетъ на скалистой горѣ Англь.

Графы Форбэнъ давно перекочевали въ другой замокъ на берегу Роны, а маленькая горная община на протяженіи вѣковъ не ощущала потребности прибавить къ давнимъ домамъ-преданіямъ новую постройку и нарушить стиль средневѣковаго городка-крѣпости. Населеніе росло — тѣснилось. Въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ. И не смотря на то, что на каждомъ углу, на каждомъ обрывѣ всегда торчать мольберты художниковъ, вѣрныхъ паломниковъ этого уголка Прованса, въ Англѣ не нашлось ни одного зараженнаго духомъ современности провансальца, который бы догадался построить отель, убѣжище для туристовъ. Только примитивное кафѣ и впрямь орлинымъ гнѣздомъ примостилось надъ самыми краемъ зацѣлованной солнцемъ красноватой крутой скалы.

Многоверстная, духъ захватывающая даль съ терраски незатѣйливаго кафе. Три округа — Воклюзъ, Гаръ, Устье Роны — экспонируютъ тутъ свои пейзажныя чудеса. Холмы и лѣса, золотой эмалью покрытыя Рона и Дюрансъ, розовыя озера боярышника, молочно-блѣдая моря акацій и фруктовыхъ деревьевъ въ цвѣту. И надъ всѣмъ этимъ буйствомъ — строгіе темные кипарисы. Силуэты иноковъ на шумномъ и яркомъ празднике.

А на площади въ Англѣ — четыре аршина въ дли-

ну, три въ ширину, какъ на скатерти въ двѣнадцать персонъ — темнозеленый бронзовый бюстъ длинноусаго сердитаго мужчины — Арманъ де Понмартэнъ. Не знаете, кто такой? Я тоже не знала, покз не побывала въ Англѣ. Авторъ нѣсколькихъ романовъ, нѣсколькихъ пьесъ, нѣсколькихъ сборниковъ стиховъ, редакторъ-издатель многочитавшихся когда то на югѣ Франціи газетъ и журналовъ: «Вѣстникъ Воклюза», «Южный Курьеръ», въ исторіи литературы отмѣчаемый какъ «ожесточенный противникъ Сенъ Бева» и еще за болѣе достойную заслугу: онъ первый угадалъ большого поэта въ Миоссэ.

Но все это не столь интересно для русскаго туриста, какъ то, что дѣдъ этого самого сердитого господина жилъ въ Россіи въ качествѣ эмигранта, бѣжавшаго изъ Франціи въ 1791 году, что Суворовъ предлагалъ ему службу въ русской арміи, что въ Подольской губерніи, на моей родинѣ, родился его отецъ, въ той ея приднѣпровской части, гдѣ знакомы и памятны мнѣ каждая лѣсная тропинка, каждый тополь, а ихъ тамъ такъ много, какъ здѣсь въ Провансѣ кипарисовъ и не хуже, если не прекраснѣе провансальскихъ кипарисовъ — поля Подольской губерніи...

Въ имѣніи графини Потоцкой, гдѣ въ то время нашла убѣжище почти вся семья герцога Поляньяка — въ мемуарахъ граф. Потоцкой, вышедшихъ до войны много страницъ посвящено этимъ гостямъ — пріютился и графъ Понмартэнъ съ семьей.

Бывшій полковникъ французской арміи графъ Понмартэнъ, чтобы отплатить за оказанное ему гостепріимство, занялся режиссурой домашнихъ спектаклей, въ которыхъ участвовалъ и въ качествѣ актера. Широкое радушіе, которое оказывалось въ Россіи французскимъ эмигрантамъ, однако, тяготило щепетильного графа, и онъ высказалъ это однажды въ разговорѣ съ Суворовымъ. Будущій герой «Чортова Моста» успокоилъ его

такимъ замѣчаніемъ: «Ничего, это гостепріимство въ кредитъ. Будеть время, когда русскіе эмигранты будутъ искать убѣжища во Франціи. Расквитаетесь...»

Не легенда нашихъ дней. Въ біографіи Армана де Понмартэна съ датой 1864 года приведены эти вѣщія слова великаго фельдмаршала.

Безъ всякой задней мысли, и не зная ровно ничего объ этомъ ожесточенному противникѣ Сенъ Бева, оказалшемся почетнымъ гражданиномъ обчины Англь оттого, что женился на дѣвушкѣ, роду которой принадлежалъ одинъ изъ этихъ древнихъ, изъ исполинскихъ кубовъ сложенныхыхъ домовъ — поднималась я въ Англь. И не за долгомъ вовсе, ибо ни кредиторомъ Франціи, ни рода графовъ де Понмартэнъ себя не мыслю.

А вотъ доля этого долга, и какая! — незабвенный день въ этомъ городѣ-балладѣ, досталась отчего то мнѣ. За что? «Кого, скажите, мнѣ благодарить?»

«ДУБЪ»

Домъ — дворецъ, старый, темный втиснутый въ узкій переулокъ въ двухъ шагахъ отъ главной артеріи Авиньона, Бульвара Республики. Надъ черными бронзовыми воротами переплелись двѣ большія высѣченныя изъ камня дубовые вѣтки и дубовые корни: гербъ перваго въ Авиньонѣ архіепископа, Джуліяно де ла Ровере, позднѣе — папы Юля II.

Отсюда название, выведенное на пиястрѣ „Le Rouge“ — провансальское слово, означающее дубъ.

Флорентійские дворцы Строцци и Ручеллаи напоминаетъ этотъ романтично безмолвный, всегда глухо запертый, изъ большихъ четыреугольныхъ плитъ сложенный огромный домъ, съ желѣзными решетками на окнахъ.

Дворецъ маркиза Барончелли — такъ онъ значится въ путеводителяхъ по Авиньону.

Исторія его восходитъ къ концу XIV-го столѣтія, къ заговору, однимъ изъ участниковъ которого былъ Бернардо Бандини-Барончелли, нанесшій смертельный ударъ Джуліяно Медичи, брату Лоренцо Великолѣпнаго. Покушеніе имѣло мѣсто въ церкви *Santa Maria del Fiore*, въ ризницѣ которой успѣлъ скрыться Лоренцо. А въ тотъ же вечеръ всѣ заговорщики были перевѣшаны, и Леонардо да Винчи, находившійся тогда во Флоренціи, увидавъ во время прогулки неожиданный орнаментъ изъ труповъ на стѣнахъ *Bardgello* останово-

вился и зарисовалъ въ своемъ альбомѣ одинъ изъ нихъ. Чѣмъ то, вѣрно, сильнѣе другихъ, поразило его искаженное гримасой умное, насыщливоое лицо.

Это былъ маркизъ Бернардо Барончелли, заколотый Джуліяно Медичи. Въ ту же ночь семья Барончелли покинула Флоренцію, а тамъ и Италію, и въ Авиньонѣ нашла пріютъ и покой.

Однимъ изъ Барончелли и выстроенъ этотъ дворецъ, который лишь снаружи неприступно строгъ и внушительно важенъ, и гербъ будущаго папы Юлія II-го принесла ему въ приданое не то сестра, не то племянница Юлія II-го, тогда въ Авиньонѣ еще только архіепископа Джулія де ла Ровере.

Отъ былого великолѣпія дворца не осталось и слѣда. Несмѣтныя богатства маркизовъ Барончелли вошли въ преданіе.

Единственный отпрыскъ этого рода, не очень молодой, милый, простой человѣкъ, даровитый провансальский поэтъ, именуетъ себя уже только Фолько Барончелли и занимаетъ его не прошлое его именитаго рода, а его «Manada» въ Камаргѣ, которой онъ отдаѣтъ все свое время и всѣ свои силы. «Manada» — это бычье стадо, не убийныхъ быковъ, а благородныхъ геревъ аренъ и на аренахъ Прованса неизмѣнныя побѣдители — питомцы маркиза Барончелли. Родной братъ его извѣстный въ кинематографическомъ мірѣ режиссеръ — Жакъ Барончелли.

Дворецъ же «Дубъ», построенный однимъ изъ его предковъ, въ которомъ была еще жива и крѣпка связь съ Италіей и который въ этихъ стѣнахъ ковалъ еще планы мести Медичи, дворецъ этотъ принадлежитъ теперь провансальской писательницѣ, поэтессѣ, коллекціонершѣ, имя которой извѣстно всему Провансу — Жаннѣ-де-Фландрези, авторшѣ любопытной книги «Любовь и женщина въ литературѣ XIX вѣка», превосходныхъ монографій о древнихъ памятникахъ

въ Провансѣ, обѣ Арлѣ, о провансальскомъ фольклорѣ и нѣсколькихъ сборниковъ провансальскихъ легендъ.

Дворецъ Барончелли, громада изъ нѣсколькихъ десятковъ залъ, пустыхъ, запущенныхъ, съ облупившейся лѣпкой, съ выцвѣтшими фресками, съ негодными пушками въ вестибюлѣ, съ подвалами и погребами, полными старинной утвари, пріобрѣтенъ не для жилья, а для музея, въ которомъ представленъ будеть въ графикѣ весь Провансъ, вся его многовѣковая исторія.

Несчетное множество художественныхъ цѣнностей разсѣялось на протяженіи вѣковъ по всему міру, изъ провансальскихъ усадебъ, дворцовъ, храмовъ и библіотекъ.

— Жаннъ-де Фландрези нѣсколько лѣтъ провела въ скитаніяхъ по Греціи, Италіи, Испаніи, Англіи, перебывала во всѣхъ замкахъ Эльзаса, Бельгіи и Франціи. И всюду копировала, списывала, срисовывала, защелкивала фотографическимъ лаппаратомъ. Выполнила огромную задачу, возстановила образно все увезенное, похищенное, ушедшее навѣки изъ художественныхъ хранилищъ Прованса..

Въ залахъ дворца снаружи глухо безмолвныхъ кипитъ работа. Реставраторы, рисовальщики, каменщики, подъ руководствомъ неутомимой Ж. де Фландрези, возрождаютъ давнее великолѣпіе «Дуба». Каждый стукъ гулко оетдается по безчисленнымъ комнатамъ. Разговаривающіе невольно понижаютъ голоса; чтобы не давать пищу не скромному эху. На длинныхъ изъ простыхъ досокъ сколоченныхъ столахъ, груды рисунковъ, снимковъ гравюръ, рукописей, брошюръ, по угламъ кучи книгъ, старинныхъ фоліантовъ, не умѣстившихся на шкапахъ, выстроенныхъ вдоль стѣнъ, груды картинъ въ рамкахъ и безъ рамъ. И въ этомъ невообразимомъ хаосѣ, улыбаясь, остря (француженка-южанка, и виѣшне плѣнительная) легко и свободно разбирается владѣлица дворца, распредѣляя работу

межъ двумя, тремя сотрудниками: ученый аббатъ, археологъ, архивистъ.

Мистраль незадолго до своей смерти писалъ: «Надо заставить народъ любить свою страну, свой языкъ, свое прошлое. И самое могучее средство, это образъ, рисунокъ, картина. Рисунокъ —вѣрнѣйшее послѣ слова отраженіе нашей мысли, а для тѣхъ, что не понимаютъ или не воспринимаютъ слова, рисунокъ, образъ — убѣдительнѣйшее толкованіе слова».

Жаннѣде-Фландрези выполняетъ завѣтъ великаго провансальского поэта патріота.

Только графически — рисунками, гравюрами, картинами старыхъ и современныхъ художниковъ представлена въ музѣ Прованса вся исторія, архитектура, искусство и природа страны.

Часть дворца отведена бездѣнной библіотекѣ Ж. де Фландрези, провансальской литературѣ, начиная отъ трубадуровъ и кончая «фелибрами» — пишущими на провансальскомъ языкѣ писателями нашихъ дней.

Для историковъ, художниковъ — музей этотъ будетъ незамѣнимъ подспорьемъ въ работѣ.

«Дубъ» — эмблема неутомимаго творчества папы Юлія II-го — утверждается въ Провансѣ уже не символическими, а подлинными корнями.

КАМАРГЪ

Въ провансальскомъ городѣ Арлѣ, увѣковѣченномъ словомъ Додѣ и музыкой Бизе, которая для Ницше была милѣе музыки Вагнера, въ Арлѣ, куда за яркимъ солнечнымъ свѣтомъ ъздилъ Ванъ Гогъ, и гдѣ самое прекрасное то, чего уже нѣтъ: руины античнаго театра, стѣны древнихъ аренъ, развалины циклопического дворца императора Константина, въ этомъ городѣ на широкой, многоводной Ронѣ, всегда весело. Чему то — всѣ всегда смѣются, всегда молоды и красивы женщины, а совсѣмъ старыя искупаютъ утерянную красоту и свѣжесть молодости ласковымъ добродушіемъ, юморомъ и безконечной снисходительностью къ юности, которой все дозволяется и все прощается, оттого, что жизнь коротка, и жизнь дана для счастья.

Но быть въ Арлѣ, насладиться его беззаботностью, небомъ, душистыми махровыми садами, паштетами, сказками милыхъ древнихъ сказочницъ, цѣльными днями грѣющихъ на паперти чудеснаго стариннаго храма св. Трофима, и не побывать въ Камаргѣ — не полагается. Въ Камаргѣ надо съѣздить непремѣнно. И если на вопросъ, который вамъ неизбѣжно предложатъ въ кафе, ресторанѣ, отелѣ, на набережной, въ Аллеѣ усопшихъ — гдѣ теперь между вѣковыхъ платановъ однѣ пустыя гробницы, а нѣкогда покоились именитые греки и римляне — если на вопросъ: «Были въ городѣ святыхъ Марій?» — вы не съумѣете отвѣтить

«Ну, да, конечно!» — то можете быть уверены, что ощущение уюта, ласки, чувства, что васъ здѣсь, въ Арлѣ, всѣ горячо полюбили, и вы всѣмъ очень, очень нужны, — эта милая увѣренность покинетъ васъ безвозвратно.

Надоѣхать въ Камаргъ, зная заранѣе, что дорога туда идетъ узкоколейная, неудобная, ползущая муравьемъ; что въ отелѣ, гдѣ придется быть можетъ заночевать, неопрятно и дорого, а лихорадку можно схватить, и не замѣтивъ, какъ она проскользнетъ въ кровь и на долгіе мѣсяцы.

Не успѣль поѣздъ кукушка проползти и двадцати минутъ отъ тонущаго въ садахъ, окруженного свѣтло синими лѣсистыми холмами Арля, и уже — все иное. Горизонтъ раздвигается, холмы таютъ, поля переходятъ въ выжженные солнцемъ пустыри, и невѣдомо что щиплютъ овцы и быки. Не убойные, а породистые буйволы, герои провансальскихъ аренъ, которыхъ не убиваютъ, какъ на испанскихъ аренахъ, а лишь въ ловкости и безстрашии состязаются съ ними провансальские торреадоры. Это на испанской аренѣ бой конченъ, когда льется кровь, когда въ спину или затылокъ быка мѣтко брошено копье. Въ Провансѣ не любятъ крови. Побѣдитель, — и не торреадоромъ онъ здѣсь называется, а «гуардіанъ», — не убить долженъ своего рогатаго соперника, а прилѣпить ему — разъяренному быку, — между роговъ ленточный бантъ цвѣтовъ своей дамы. Въ Провансѣ нѣть больше владѣтельныхъ герцоговъ и князей, нѣть при дворахъ ихъ рыцарей и трубадуровъ, но традиціи эпохи рыцарей и трубадуровъ — вѣрно хранять только они одни, лихіе безстрашные наѣздники, герои аренъ.

Долгій часъ — по обѣимъ сторонамъ дороги чахлый кустарникъ, густой, цѣлкій, пыльный, — за ними гнойныя пятна болотъ, очаговъ извѣчныхъ жуткихъ лихорадокъ. И диву даешься, какъ пробираются люди

сквозь эту чащу кустарника, черезъ эти болота — къ домамъ, къ фермамъ, крыши которыхъ краснѣютъ чуть ли не на горизонтѣ, далеко отъ полотна.

И вдругъ, блестящая голубая гладь. Это море. Крѣпость, тяжелой темной громадой вырастающая передъ желтыми дюнами. Но это не крѣпость, — а храмъ.

«Городъ Святыхъ Марій» — одна улица, нѣсколько десятковъ убогихъ домиковъ, два три жалкихъ отеля, гдѣ цѣны, однако, такія, какъ въ лондонской «Са-войѣ» или въ парижскомъ «Грандъ Отель», желтолицые отъ вѣчныхъ лихорадокъ старики, рѣдкой красоты дѣвушки, болотные цвѣтки, и красавцы юноши, не то испанского, не то цыганского типа.

Къ этому берегу двѣ тысячи слишкомъ лѣтъ тому назадъ, по преданію, причалила лодка съ спасавшимися на чужбину первыми христіанами: Маріей Якова, Маріей Клеоповой, Маріей Магдалиной, Воскресшимъ Лазаремъ, Святымъ Трофимомъ, Госифомъ Аримафейскимъ, Максимомъ, Сидоніемъ и египтянкой Саррой, ихъ прислужницей, по другой версіи — женой Понтія Пилата. О томъ, что это было именно такъ, что къ этому побережью Средиземнаго моря, въ нѣсколькихъ часахъ отъ Марселя и Ниццы, черезъ моря и океаны, прибило когда-то весельную лодочку со святыми людьми, — подтверждено учеными и именитыми отцами католической церкви. Сомнѣваться въ этомъ не приходится. Еще при «добромъ и мудромъ» королѣ Рене и съ благословенія папы закрѣплена была за этимъ клочкомъ морского берега его высокая слава, и въ разныхъ углахъ Прованса выросли монастыри, храмы, дивные памятники зодчества, въ память о святыхъ, которые въ этихъ мѣстахъ проповѣдывали слово евангельское, учили людей добру, любви къ ближнему, учили ихъ строить жилища, сѣять хлѣбъ, растить плоды, борясь и одолѣвать природу. Житія всѣхъ провансальскихъ святыхъ повѣствуютъ о самоотверженной

дѣйственности, о самопожертвованіи, о героическомъ строительствѣ.

Отшельникомъ, въ лѣсную глушь ушедшімъ отъ міра, былъ въ Провансѣ лишь св. Жиль, изъ Греціи родомъ, и понынѣ самый почитаемый святый, къ которому когда то за словомъ поученія, наставлениія и мудрыми совѣтами пріѣзжали короли, могущественные монархи, и передъ которымъ смиренно склонялъ свою голову Карлъ Великій.

Другіе святыя совершили свои подвиги въ міру Святой Бенедиктъ строилъ мостъ черезъ Рону, соединившій Авиньонъ съ міромъ, отъ которого онъ отрѣзанъ былъ бурной прихотливой рѣкою. Святая Марта освободила городъ Тараконъ отъ чудовища Таракъ, которое было, быть можетъ, ничѣмъ инымъ, по предположенію нѣкоторыхъ ученыхъ, какъ занесеннымъ къ берегамъ Роны, крокодиломъ. Но какъ бы тамъ ни было, съ освобожденіемъ населенія отъ страха, угнетавшаго его долгіе годы, началась для него новая жизнь и процвѣтаніе. Другой святой, въ Воклюзѣ, гдѣ нѣсколько вѣковъ спустя жилъ Петрарка, своей отвагой избавилъ жителей отъ чудовища «Кулобръ». Изображенія Таракса и Кулобра имѣются во всѣхъ городахъ Прованса въ музеяхъ и на открыткахъ, и дѣйствительно, очень страшны. Святой Трофимъ поучалъ въ Арлѣ, гдѣ воздвигнутъ ему дивный храмъ, съ порталомъ, которому нѣть равнаго въ Европѣ. Марія Магдалина ушла въ Сенъ Бомъ, гдѣ были построены ея стараніями монастыри и пріюты. Марія Якова и Марія Клеопова оставались до конца своихъ дней на томъ берегу, куда прибило ихъ лодку. Крѣпость на этомъ берегу воздвигнута была въ концѣ X вѣка, въ годы нашествія сарракиновъ. А святыя мощи святыхъ Марій открыты были лишь въ 1448-омъ году. Съ тѣхъ поръ поселокъ, получившій название города Святыхъ Марій, стала мѣстомъ паломничества для вѣрующихъ, ежѣ-

годно въ маѣ тысячами пріѣзжющихъ и приходящихъ сюда со всѣхъ концовъ Франціи, Италіи, Испаніи. И каждый годъ, конечно, какъ и въ Лурдѣ, здѣсь совершаются «чудеса». Прикладываніе къ мощамъ святыхъ Марій исцѣляетъ преимущественно отъ лихорадки и облегчаетъ роды. Но нѣтъ такихъ язвъ, уродства, проклятья, посланного человѣчеству, которыя непередаваемой жутью, неописуемымъ ужсомъ не были бы представлены въ паломникахъ, рыдающихъ, кричащихъ объ исцѣленіи и ждущихъ его въ теченіе трехъ дней съ 21 по 25 мая.

Раки съ мощами Святыхъ Марій помѣщаются подъ самыми сводами, откуда лишь въ дни паломничества спускаются на канатахъ внизъ, не на полъ, впрочемъ, а въ уровень съ головами молящихся. Къ стѣнкамъ гробовъ тянутся тогда тысячи головъ, рукъ, воспаленныхъ глазъ, воспаленныхъ губъ.

Одновременно идетъ служба и въ подземельи храма, бывшей крѣпости. Тамъ молятся цыгане прислужници святыхъ Марій, египтянкѣ Саррѣ. Отчего — нельзя было узнать изъ многихъ прочитанныхъ источниковъ — цыгане, прибредающіе сюда ежегодно тысячи и уже много сотенъ лѣтъ, избрали жену Понтія Пилата своей святою чудотворящею помогающей въ кочевьяхъ, въ разныхъ предпріятіяхъ, заговорахъ и заклятияхъ. Здѣсь, въ часовнѣ безъ свѣта, стоять на возвышеніи раскрашенная каменная статуя египтянки Сарры, увѣшанная амулетами, цѣпочками, вѣнками, лентами, бусами, монистами, запястьями,—приношніями вѣрующихъ цыганъ. Что служба идетъ одновременно наверху и внизу, — это не совсѣмъ вѣрно сказано. Сарра была только служанкой, и іерархія строго блюдется и здѣсь. Служба ведется въ такомъ порядкѣ: сначала наверху, гдѣ въ торжественныхъ бѣлыхъ съ краснымъ ризахъ выстраиваются пѣвчіе. Затѣмъ перерывъ. Одинъ изъ служащихъ священниковъ съ нѣсколь-

кими пѣвчими спускаются внизъ, и тотчасъ изъ подземелья вырывается многоголосый дикій гулъ: это молятся на своеі языкѣ вслѣдъ за католическимъ священникомъ — цыгане. Когда священникъ съ нѣсколькими пѣвчими появляется опять наверху, снизу долго еще несется глухой ревъ, будто въ бурю шумъ океана. Онъ тотчасъ покрывается хоромъ моленій католиковъ - христіанъ. И опять въ томъ же порядкѣ.

Но отчего египтянка Сарра попала въ святые? Очень просто: она совершила подвигъ. По однимъ толкованіямъ, подвигъ ея былъ уже въ томъ, что она по-слѣдовала на чужбину за людьми, къ которымъ привело ее томленіе по вѣрѣ. По другимъ, только благодаря ей имъ и удалось спастись отъ преслѣдовавшихъ ихъ гонителей. Сарра была хороша собою, и, чтобы угодить ей, взялся править лодкой одинъ отважный лодочникъ. Когда лодка причалила къ берегу Преванса, и путешественники, измученные долгимъ и опаснымъ перѣездомъ, сошли на сушу, ни у кого не оказалось ни одного динара, чтобы заплатить лодочнику. Съ нимъ расплатаилась Сарра; она обнажилась передъ нимъ и показала ему свое прекрасное тѣло. Только всего. Лодочникъ былъ этимъ вознагражденiemъ вполнѣ удовлетворенъ и, поблагодаривъ, повернуль обратно, къ Галилею.

Такъ гласитъ легенда.

Кромѣ трехъ утреннихъ обѣденъ въ храмѣ святыхъ Марій, въ дни паломничества, еще вечерня, еще всенощная, и по особому разрѣшенію иные паломники остаются подъ спущенными раками святыхъ всю ночь.

Найти комнату, уголь, ночлегъ въ какомънибудь домѣ, въ эти майскіе дни — удача, счастье. И далеко не всѣмъ выпадаетъ оно на долю. Большинство паломниковъ спить подъ открытымъ небомъ. Мѣста въ деревянныхъ баракахъ, которыми застраивается поселокъ, и обстраивается далеко кругомъ, удерживаются чуть ли не за полгода впередъ. И не всѣ пріѣзжающіе сюда

однѣми молитвами заполняютъ свои дни. Для другихъ нужны и развлеченія. Они получаютъ ихъ въ избыткѣ. Бой быковъ, на импровизированной аренѣ, гдѣ «гуардіяны» состязаются въ изумительной ловкости и безстраши, гдѣ тренеры буйволовъ, — среди нихъ отпрыски знатнѣйшихъ и древнѣйшихъ въ Провансѣ родовъ, — демонстрируютъ свою вѣрность традиціямъ страны. Скачки, джигитовка на дикихъ лошадяхъ, къ которымъ ни одинъ простой смертный не рѣшился бы подойти ближе, чѣмъ на сто шаговъ. Цыганскій хоръ, цыганскія пѣсни, цыганскія пляски, гаданья, и лари, гдѣ съ бою берутся амулеты и образки, вѣточки съ вѣнковъ, украшавшихъ раки съ мощами, лоскутки съ пестрыхъ тканей, увѣшивающихъ Сарпу, жену Понтія Пилата...

Въ храмѣ - крѣпости въ это время, при свѣтѣ восковыхъ свѣчей и лампадѣ, простертые на каменныхъ плитахъ люди молятъ о чудѣ, и въ звонъ цыганскихъ бубенъ, свистъ кнутовъ, визги пляшущихъ, врывается внезапно жуткое рыданье, изступленный плачъ молящихся тамъ, за полуприкрытыми желѣзными дверьми храма.

Городъ святыхъ Марій ничѣмъ не напоминаетъ Лурдъ, гдѣ такъ пышно, богато, благоустроено, лояльно, гдѣ содержатели отелей и ресторановъ, врачи, поліція, духовенство, по европейски стройно согласуютъ свои дѣйствія.

Врядъ ли когда либо и будетъ здѣсь благоустроенность, методичность и налаженность. Городъ святыхъ Марій въ Камаргѣ утратилъ бы тогда свое своеобразіе неувядамой легенды, которая уже шесть вѣковъ такъ властна надъ душами несмѣтныхъ тысячъ вѣрующихъ.

СЕРПАНТИНЬ

Со звонкимъ смѣхомъ, съ музыкой и весельемъ ассоциируется это милое граціозное слово. Въ провансальскомъ городкѣ Карпантрасъ, недалеко отъ Авиньона, именуется такъ бывшее еврейское гетто. Вьющаяся длинной змѣей между высокихъ, мертвыхъ домовъ узкая темная, грязная улица — *Serpentine*.

Горячее провансальское солнце никогда ни одного луча не бросаетъ сюда. Мѣсяцъ тоже освѣщаетъ болѣе утѣшныя мѣста. Дождевыя лужи здѣсь никогда не высыхаютъ, и кучи мусора такъ холмисто солидны, что, мнится, — онѣ блюдуть традиціи давнихъ, давнихъ временъ, когда улица эта съ заходомъ солнца запиралась съ двухъ концовъ на крѣпкіе замки и когда обитатели ея не могли, не рискуя жизнью, переступить ея тѣсныя границы. Ни одного еврея ни въ одномъ изъ этихъ домовъ теперь нѣтъ. Дома частью пустые, частью вмѣщаются склады какихъ — то товаровъ, и лишь въ нѣсколькихъ, лучше другихъ отразившихъ натискъ времени, еще юится прившая итальянская и алжирская бѣднота.

Евреи въ современномъ Карпантрасѣ на перечеть; четыре, пять семействъ теперь живутъ, гдѣ имъ нравится.

Карпантрасъ колыбель французского еврейства. Уже въ XI вѣкѣ была здѣсь культурная, богатая еврейская община, и тогда построена была здѣсь синагога —

точный сколокъ съ синагоги въ Амстердамѣ, построенной въ УІ вѣкѣ. Синагога эта, втиснутая теперь межъ двумя высокими домами, отнесена къ историческимъ национальнымъ памятникамъ... И туристамъ показываютъ ее, какъ всякий другой памятникъ. Раввина община не имѣетъ. Вѣнчаетъ, благословляетъ приходящихъ въ жизнь и уходящихъ изъ нея раввинъ изъ Авиньона.

Въ синагогѣ, стѣны которой видали виды,—музейный холодъ и музейная чистота, которыя отличаются отъ холода и чистоты другихъ забытыхъ храмовъ лишь особымъ нетлѣннымъ ароматомъ ливанского кедра, изъ котораго сдѣланы хоры, амвонъ высокие съ чудесной, чуть потемнѣвшей золотой росписью подсвѣчники о восьми рукахъ: меноры. Продолговатый корабль храма въ строгихъ чистыхъ линіяхъ, кедръ и свѣтло-сѣрий камень, четкая грань хрустальныхъ люстръ, и лишь одно въ глубокой нишѣ небольшое яркое пятно: золотое креслице съ полуистлѣвшей обивкой изъ алаго узорнаго дамаска. Въ это креслице клали на нѣсколько мгновеній новорожденныхъ мальчиковъ передъ совершеніемъ надъ ними священного обряда. Тронъ символизировало собою это, трогательное игрушечное кресло. Символически новорожденные пріобщались на немъ грядущему величію, вѣрнѣе этимъ минутнымъъ знакомъ отличія вознаграждались за муки и униженія, которыя ждали ихъ въ этомъ мірѣ.

Золотой вѣкъ еврейства въ Провансѣ былъ недолгъ. Въ 1110-мъ году въ близкомъ оѣ Карпантраса городкѣ Люнелль, гдѣ теперь нѣть ни одного еврея, евреями была основана старѣйшая на Западѣ Академія Науки. Нѣкогда знаменитый университетъ въ Монпелье со свободной медицинской кафедрой основанъ былъ евреями при Вильгельмѣ VIII.

Изъ Карпантраса, гдѣ небольшая еврейская община существовала уже во второмъ вѣкѣ христіанской

эры, вышли еврейскія общины, разсѣявшіяся по всему Провансу вплоть до Марселя.

Провансальское еврейство не дало философовъ, поэтовъ, какими прославили свой народъ евреи Испаніи и Сиріи, но изъ среды его вышли ученые раввины, въ темныхъ домахъ узкихъ и грязныхъ гетто одолѣвавшихъ вѣковую мудрость, и отличные ораторы, заступники за своихъ единовѣрцевъ.

А для примѣненія этого заступническаго искусства поводовъ было не мало.

Историки единодушно отмѣчаютъ гостепріимство, которое оказано было евреямъ на югѣ Франціи въ ту пору, когда ихъ преслѣдовали по всей Европѣ. Въ XІІІ и особо въ періодъ пребыванія въ Авиньонѣ римскихъ папъ, въ XIV вѣкѣ, во всѣхъ городахъ долины Дюранса и Рона строились синагоги. Евреевъ было такъ много въ то время въ Провансѣ, что въ XІІІ и XІІ вѣкахъ въ Авиньонѣ происходили съѣзды раввиновъ всего міра.

Евреи, правда, носили знакъ отличія, изображеніе колеса на груди, еврейскія женщины должны были причесываться, закладывая на макушкѣ косы двумя рожками, имъ запрещалось показываться на улицахъ, во время христіанскихъ религіозныхъ процессій, въ воскресные дни, въ часы народныхъ празднествъ, имъ запрещалось во многихъ городахъ торговатъ новыми товарами, пользоваться услугами христіанскихъ аптекарей и акушерокъ, запрещалось разговаривать безъ крайней дѣловой необходимости съ христіанами. Въ богатой библиотекѣ Карпантраса сохранились протоколы процесса противъ одного еврея, уличеннаго въ «conversatium familiaris» въ томъ, что онъ дружески разговаривалъ съ одной христіанской вдовой. Но все же Провансъ имѣлъ славу «еврейскаго рая».

Къ евреямъ даже казнь примѣнялась столь кроткая, что эта привилегія, данная имъ благоволившимъ

къ нимъ римскими папами, вызывала зависть и рождала ненависть къ нимъ христіанскихъ преступниковъ. Евреевъ казнили путемъ «расплющиванія». Это былъ очень пріятный способъ смерти, такъ какъ, утверждаютъ историки Прованса, «осужденный терялъ сознаніе уже отъ первого удара двухъ желѣзныхъ палицъ, одновременно изо всего размаху опускавшихся палачами на его виски, и дальнѣйшіе удары, не причиняя ему никакой боли, служили уже только для остраски зрителямъ».

Ухудшилось положеніе евреевъ въ Провансѣ и на долгіе вѣка въ время чумы, разразившейся надъ Провансомъ въ XIУ вѣкѣ, въ 1348-мъ году, когда христіанскимъ міромъ правиль просвѣщеннѣйшій изъ всѣхъ семи авиньонскихъ папъ, Климентъ VI.

Первыми мѣропріятіями противъ эпидеміи во всѣхъ городахъ Прованса были расправы съ евреями. Задавшись цѣлью изничтожить весь христіанскій міръ, евреи отправляли колодцы въ городахъ и деревняхъ. И человѣколюбцы того времени, умѣвшіе добираться до источниковъ бѣдствій, широко огласили всѣ подробности этого дьявольского плана. Директива шла изъ Толедо, откуда командированъ былъ лютый врагъ христіанства Яковъ а Паскатѣ съ цѣлью отрядомъ исполнительныхъ агентовъ. Паскатѣ со своими сообщниками прибылъ въ Савойю, въ Шамбери, гдѣ нашелъ надежныхъ помощниковъ, въ лицѣ мѣстнаго раввина Пейрэ и богоага еврея Абогэ. Отсюда, изъ Шамбери, отправители разсыпались по всѣмъ городамъ Прованса и, отправляя колодцы, ссыпали смерть на каждомъ своемъ привалѣ. Извѣстенъ былъ даже составъ ядовъ, вызвавшихъ эту страшную чумную эпидемію: смѣсь изъ пауковъ, лягушекъ и ящерицъ. Ингредіенты другого яда были еще смертоноснѣе: нижня дольки христіанскихъ сердецъ, свалянныя съ просфорнымъ тѣстомъ. Еврейскую общину, пріютившуюся въ живописной деревушкѣ близъ Карпан-

траса, сожгли цѣликомъ въ одну ночь. Днемъ и ночью хватали евреевъ, женщинъ, дѣтей десятками, сотнями топили, рѣзали и вѣшали. Кроткій способъ расплющивания евреевъ былъ на время совершенно упраздненъ.

За евреевъ заступился просвѣщенный и гуманный Климентъ У1, долги которого евреямъ возросли къ тому времени до цифры въ десятки тысячъ флориновъ. Буллами, за которыхъ съ каждой еврейской общиной взималось сообразно ея платежеспособности, Климентъ У1, взывая къ христіанскимъ чувствамъ населенія и грозя карами и отлученіемъ отъ церкви за распространение ложныхъ слуховъ и за суевѣrie, пріостановилъ эти расправы...

Когда упразднено было въ Карпантрасѣ гетто, когда отмѣнены были изображенія колесъ и прически рожками, евреи долго не рѣшались разставаться ни съ внѣшними знаками отличія, ни со своими темными зимой и лѣтомъ скользкими, грязными переулками.

Въ началѣ 19-го вѣка ихъ насилию выселяли оттуда. А эмблемы страстотерпчества годы еще служили предметомъ споровъ и раздоровъ между просвѣщеннымъ и темными элементами общинъ. Послѣднимъ они мнились знакомъ достоинства, а отреченіе отъ нихъ — измѣнной вѣрѣ отцовъ. Прически же женскія, косы рожками, шли къ точенымъ оваламъ еврейскихъ красавицъ — старинныя хроники и легенды Прованса полны восхваленій ихъ чаръ, и противъ этой прежней мѣты отчужденія и униженія бессильны были всѣ вольности, дарованныя евреямъ. Высокая прическа, косы рожками вошли въ моду въ началѣ 19-го вѣка и не только въ Провансѣ...

Старая, съ худенькой дѣвичьей фигуркой, съ ми-лымъ подвижнымъ лицомъ еврейка, показывавшая мнѣ въ Карпантрасѣ синагогу, знаеть обо всемъ этомъ не изъ книгъ, изъ которыхъ многое вычитать можетъ каждый туристъ. Она знаетъ о прошломъ Карпантрасѣ отъ

д'ѣда, который зналъ отъ д'ѣда, отъ прад'ѣда, и на зам'чаніе: «Однако, вѣдь, у васъ въ Карпантрасѣ былъ папскімъ легатомъ Ингемберъ, истинный человѣколюбецъ. Всѣ историки называютъ его искреннимъ другомъ еврейства», — тонкія губы раздвигаются въ улыбку: «О, если нашъ Ингемберъ былъ другомъ еврейства, то не трудно представить себѣ, чѣмъ были еврейству другіе папскіе легаты... Далекое это все. Еще во мнѣ что-то иной разъ всплыветъ, д'ѣда разсказы помню. Дѣти мои въ Ліонѣ, въ Парижѣ учились. Что имъ до прошлаго этого городка? А внуки мои, тѣ и вовсе...»

Она махнула рукой. Разсѣкла ею воздухъ...

На просьбу сказать что нибудь на жаргонѣ, симпатичный гидъ, изъяснявшаяся на отличномъ французскомъ языкѣ, произнесла нѣсколько ни на что не похожихъ словъ, ни съ какимъ языкомъ и ни съ какимъ діалектомъ отдаленнааго сходства не имѣвшихъ.

Но, быть можетъ, на этомъ странномъ нарѣчіи говорили когда-то въ жуткихъ домахъ-клѣткахъ, обитатели которыхъ могли переговариваться шопотомъ и протягивать другъ другу руки черезъ раздѣлявшую дома ихъ скользкую, темной змѣей вьющуюся улицу... Серпантинъ.

И тогда, конечно, звучало оно иначе, не антикварнымъ курьезомъ, какъ теперь на залитой солнцемъ площади, оно звучитъ въ устахъ этой старой умной женщины, которая еще что-то смутно помнитъ, но внуки которой — «тѣ и вовсе...»

СИНІЙ ДОМИКЪ

Здѣсь, на окраинѣ Экса-въ-Провансѣ доживалъ свой вѣкъ Поль Сезаннъ.

Онъ не весь синій — этотъ домъ — только крыша, рамы оконъ, ставни, ограда и ворота выкрашены въ цвѣтъ провансальскаго неба, въ цвѣтъ Средиземнаго моря, но съ холма, на которомъ стоитъ домъ, онъ кажется сплошнымъ яркимъ синимъ пятномъ, вырѣзаннымъ изъ одного изъ полотенъ художника, насыщенныхъ, напитанныхъ этими основными тонами провансальскаго пейзажа — ярко - синимъ и ярко - зеленымъ.

Французскій художникъ и авторъ многихъ художественныхъ монографій, Эмиль Бенаръ, разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, какъ, пріѣхавъ въ Провансъ, въ Эксъ, съ тѣмъ, чтобы принести дань своего поклоненія уже признанному художественному Парижемъ Полю Сезанну, онъ долго разыскивалъ въ Эксѣ уроженца и жителя этого города. Эксъ, аристократическая, гордый своими традиціями, городъ, гдѣ чуть ли не каждый старый домъ — бывшій дворецъ, въ стѣнахъ котораго хозяева принимали коронованныхъ гостей всесего міра. Каждый домъ на главной улицѣ города, — проспектъ Мирабо—не улица, а почти паркъ изъ четырехъ рядовъ высокихъ широко-вѣтвистыхъ платановъ, музей, хранилище безцѣнныхъ художественныхъ реликвій, историческихъ былей и легендъ, рѣдкихъ рукопи-

сей и автографовъ. Обитатели этихъ дворцовъ, съ на-глухо запертыми тяжелыми, кованными воротами, съ рѣшетками на окнахъ, — ревниво оберегаютъ свои со-кровища, свои традиціи, свою знатность, и пребывая въ Эксѣ или наѣзжая въ свои старые дома изъ ста-рыхъ деревенскихъ усадебъ, не смѣшиваются съ дру-гимъ населеніемъ города, мелко - буржуазнымъ и приш-лымъ.

Обитатели этихъ домовъ, гдѣ могли быть и были цѣнители таланта Поля Сезанна, не могли дать свѣдѣ-ній разыскивавшему его Эмилю Бенару, и оттого, что дозвониться или достучаться въ одинъ изъ этихъ двор-цовъ не каждому смертному дано, и оттого, что нѣть пророка въ своемъ отечествѣ, пока слава этого проро-ка не прогремѣла за предѣлами его отечества.

Поль Сезаннъ былъ сыномъ шляпочника, выходца изъ Италіи, изъ Чезены, и вовсе уже незнатной матери, полу-француженки - полу-креолки. Наживъ на шляп-ной мастерской небольшое состояніе, отецъ художни-ка открылъ банкирскую контору, потомъ ликвидиро-валъ и контору, пріобрѣлъ загородную усадьбу, боль-шой домъ съ великолѣпнымъ паркомъ, а сына - под-ростка отдалъ въ Бурбонскій лицей и радовался его успѣхамъ. Онъ видѣлъ въ нихъ залогъ осуществленія своихъ завѣтныхъ мечтаній: сынъ будетъ адвокатомъ или нотаріусомъ. Въ этомъ лицѣ Поль Сезаннъ подру-жился съ Эмилемъ Зола, уроженцемъ Марселя, и оба, далекіе отъ мысли о своихъ грядущихъ судьбахъ, дули во всѣ легкія — Сезаннъ на пистонѣ, Зола на кларне-тѣ. Ихъ стараніями наладился школьній, любитель-скій оркестръ, и есть еще въ Эксѣ старики, помнящіе, какъ шествовали въ праздничные дни впереди оркестра, съ набухшими на лбу жилами, съ надутыми щеками бу-дущій авторъ Ругонъ - Макаровъ и будущій «король красокъ». Между уроками и упражненіями на пистонѣ

будущій художникъ «баловался», пачкая чернилами, карандашами, а затѣмъ и красками листы бумаги, и альбомовъ. Послѣ долгихъ настоящій П. Сезанна, ему, любимцу семьи, разрѣшили разрисовать стѣны въ двухъ-трехъ комнатахъ загороднаго дома. Фрески эти отмѣчены теперь во всѣхъ художественныхъ гидахъ по Пропавансу, и самый домъ, именуемый теперь замкомъ — Jas de Bouffon — (поле вольнаго вѣтра) — рѣдкому туристу доступная достопримѣчательность.

Краски скоро заглушили въ Сезаннѣ увлеченіе пистономъ, и когда Зола уѣхалъ въ Парижъ, въ ихъ письмахъ, изъ Экса въ Парижъ и изъ Парижа въ Эксъ, уже рѣчь шла о томъ, какъ бы Сезанну сбѣжать съ юридического факультета, куда опредѣлилъ его отецъ, и заняться живописью, которая «есть все, ибо если можетъ что человѣкъ сказать, то, конечно, только красками». Зола былъ того мнѣнія, что и словомъ можно кое что сказать, но друга своего не разувѣрялъ, а убѣждалъ пріѣхать въ Парижъ, и, считаясь съ скучностью отца Сезанна, соблазнялъ его доступнымъ бюджетомъ:

«Комната обойдется тебѣ въ 20 франковъ, завтракъ — 90 сантимовъ, и обѣдъ 1 фр. 10 сант. Значить, на питаніе 60 франковъ въ мѣсяцъ. Потомъ — мастерская, натурщики — 10 фр. Скажемъ еще 10 фр. уйдетъ на полотно, кисти, краски. Всего — 100 франковъ. Если отецъ ассигнуетъ тебѣ 125 фр., то 25 у тебя останется на прачку, освѣщеніе, табакъ и развлеченія. Но можно еще подработать — этюды, сдѣланные въ мастерской извѣстнаго художника, или копіи съ полотенъ Лувра идутъ очень недурно. Надо только умѣть находить покупателей».

Но отецъ долго не соглашался ассигновать на занятіе, казавшееся ему совершенно неприбыльнымъ, — 125 франковъ въ мѣсяцъ, — и Сезаннъ послѣ отѣзда

Зола изъ Экса два года еще слушалъ лекціи, дома велъ. войну, съ товарищами не сходился, и, быть можетъ, эти годы одиночества и заронили въ немъ мотивы его будущихъ картинъ: «Покинутая усадьба», «Домъ по-вѣщенного», и одиночествомъ, и нелюдимостью окра-сили всю его дальнѣйшую жизнь.

Однако, ни Парижъ, ни семья, — своя уже семья, скоро, впрочемъ, расклеивавшаяся, ни даже занимавша-ся слава, надолго оторвать его отъ солнечнаго сине-зеленаго Прованса не могли.

Онъ возвращался опять и опять, скитался по дерев-нямъ, морскому побережью, ночевалъ въ рыбачьихъ по-селкахъ, на сѣновалѣ, сближался съ деревенскими по-литиканами, и знаменитыхъ его «Игроковъ» каждый туристъ тотчась узнаетъ въ любомъ деревенскомъ ка-бачкѣ или кафе Прованса. Изъ каждого горнаго уще-лья, изъ каждой долины, гдѣ Сезаннъ писалъ, и часто тутъ же оставлялъ, забывая или теряя, этюды, уносиль онъ съ собою тайное видѣніе Прованса — зелено - синее, солнечное.

Синій домикъ, на откосѣ дороги, ведущей отъ Экса къ руинамъ старѣйшаго въ Провансѣ галльскаго посе-ленія, Межгорья, — послѣдняя обитель Сезанна.

Ни одной картины, ни одного этюда здѣсь не осталось. Все въ музеяхъ, и въ рукахъ коллекціонеровъ, и не мало полотенъ Сезанна было въ Россіи, въ Третьяковской галлереѣ и у Шукина.

Въ большой мастерской, залитой солнцемъ, съ изу-мительнымъ видомъ изъ широкаго во всю стѣну окна, — остались только мольберты, кисти, ящикъ съ высох-шими красками, школьныя тетради съ рисунками на поляхъ, наивными и смѣлыми, евангеліе и молитвен-никъ.

А показываетъ эти реликвіи и благоговѣйно раз-

сказываетъ о художникѣ провансальскій поэтъ, близкій къ Сезанну въ послѣдніе годы его жизни, Мишель Пропансъ.

Въ синемъ домикѣ, который онъ пріобрѣлъ и живеть въ немъ тоже бирюкомъ, какъ его умершій другъ, вѣрно и преданно оберегаетъ онъ память Сезанна, свою тихую радость...

НИМЪ

Въ путеводитель по Ниму одной изъ достопримѣ-
чательностей города отмѣчена — могила Діаны.

Какъ сюда затесалась греческая богиня и какъ она умерла, будучи по чину бессмертной, ни печатные, ни живые гиды не объясняютъ. Могилы, гдѣ покоится прахъ нетлѣнной и бессмертной, впрочемъ, нѣтъ. Есть только храмъ Діаны, да и храма въ сущности нѣтъ. Есть только что-то отъ стѣнъ, что-то отъ древнихъ колоннъ и нѣсколько тяжелыхъ надробныхъ мраморныхъ плитъ. Одна изъ этихъ плитъ, вѣроятно, и прикрывала собою могилу Діаны, если она, дѣйствительно, тутъ умерла. И возможно, что умерла, такъ какъ классические боги, попавъ въ Галлію, дѣлались, повидимому, лже-классическими и снисходили до всякихъ человѣческихъ дѣлъ... Такъ, напримѣръ, другой греческій богъ, родной внукъ Геркулеса, Нимозъ, очутившись въ теперешнемъ департаментѣ Гарда, тогда каменной пустоши у подножія лѣсистыхъ горъ, именуемыхъ теперь Севеннами, прежде всего занялся строительствомъ. Онъ то, этотъ Нимозъ, и положилъ начало городу, называюще-
муся теперь Нимомъ, а Кастальскіе ключи забили здѣсь уже позднѣе, когда императоръ Августъ основалъ здѣсь «колонію Нимозъ». Тогда прозрачныя бирюзо-
вые воды включены были въ каналы, въ бассейны, и римскія матроны могли удовлетворять здѣсь свои гигіеническія потребности.

Надъ этими, дѣйствительно чудесными каналами раскинулся амфитеатромъ великолѣпный паркъ, въ которомъ хвоя смѣшана съ почти тропической растительностью. Но съ темныхъ, высокихъ Севениъ дуетъ холодный вѣтеръ, и я высоко поднимаю мѣховой воротникъ и хочу и не могу изобразить на свемъ лицѣ сочувствіе восхищенному умиленію гида, повторяющаго: «Здѣсь купались римскія матроны...» Храбрыя были матроны — я бы ни за что...

Этотъ паркъ, эти прозрачные бирюзовые каналы — наряднѣйшая, привлекательнѣйшая часть города, старѣйшаго послѣ Марселя галльского города, и отлично сохранился здѣсь памятникъ — знаменитый «Квадратный Домъ». Онъ восхитителенъ — этотъ домъ, но не квадратенъ вовсе, а четырехуголенъ, и о томъ, какъ неподражемы геніи, красота — говоритъ стоящій противъ «квадратнаго дома» городской театръ... Тѣ же колонны, тотъ же планъ постройки, но какъ это не то и какъ это безпомощно пародично.

Этотъ «квадратный домъ» — теперь въ немъ убогій античный музей — и нимскія арены, едва-ли не грандіознѣе римскаго Колизея, видали виды.

И двадцать вѣковъ скользнули по нимъ, едва оставивъ нѣсколько царапинъ, нѣсколько желтыхъ пятенъ.

Ни одинъ городъ въ Провансѣ не воевалъ такъ упорно и долго, какъ этотъ мирный, теперь благодушный, праздный на видѣ, опрятный, нарядный Нимъ. — Вся его исторія — длинный перечень войнъ, кровопролитій, разрушенія, уничтоженія.

То, что строили одни, сносили другіе. То, что создавали католики — уничтожалось альбигойцами, то, что воздвигали протестанты, сокрушалось католиками. И въ этомъ стариннѣйшемъ городѣ — удивительно, — нѣтъ почти старины, кромѣ двухъ-трехъ несокрушимыхъ памятниковъ римскаго владычества. Какъ въ папскомъ городѣ Авиньонѣ, какъ во французскихъ Афи-

нахъ — въ Провансальскомъ Эксѣ — здѣсь лабиринты узкихъ темныхъ улицъ. Но какая разница! Безъ поэзіи старины, безъ романтики руинъ или безмолвныхъ старыхъ дворцовъ. Духъ Латинской культуры не успѣвалъ утвердиться, на смѣну ему шла пуританско-протестантская суровость. И люди, повидимому, полагали не стьюшимъ труда дѣломъ строить впрокъ, съ разсчетомъ на вѣчность. И оттого такъ скучно сѣры, однотонны улицы старого Нима, а новые съ элегантными особняками и классическими названіями: улицы Адріана, Агриппы, Тита, Веспасіана — эти, банально нарядны и мыслимы въ любомъ современномъ городѣ любой страны.

Только передъ красотою, передъ чудесной гармоніей «квадратнаго дома» — дара императора Агриппы римской колоніи, да передъ исполинскими аренами — оказались бессильными всѣ виды оружія и всѣ проявленія ненависти. «Квадратный домъ» служилъ правительственнымъ учрежденіемъ то для одной, то для другой власти, и у каждого правителя находились «пѣвцы», доказывавшіе соотвѣтствіе стиля зданія съ идеологіей данной власти. Въ дни Террора въ «квадратномъ домѣ» засѣдалъ революціонный трибуналъ, и были уже тогда мастера печатнаго слова, воспѣвавшіе геній невѣдомыхъ древнихъ строителей, уготовившихъ это чудесное строеніе для того, чтобы въ стѣнахъ его «свободный народъ могъ вершать судъ надъ своими угнетателями...»

Одно время, въ первые дни консульства, «квадратный домъ» служилъ конюшней мѣстному гарнизону — это его назначеніе, кажется, никѣмъ не было воспѣто.

На аренахъ въ эти весенніе дни хорошо сидѣть на верхнихъ галлереяхъ и любоваться чудеснымъ видомъ на окрестности Нима. Бои быковъ устраивают-

ся часто. И бои здѣсь не для слабонервныхъ дамъ, не игрушечныя *courses libres* завершающіяся въ тотъ мигъ, когда матадоръ нальпляетъ быку цвѣтной бантъ между рогами. Бои въ Нимѣ — подлинныя классическія «корриды» съ пикадорами, матадорами — преемниками славныхъ династій, и молодые люди снимаются въ Нимѣ наряженные альгавазилами и бандорильерами и въ магазинахъ продаются открытки «прекрасныхъ дамъ», которымъ знаменитые матадоры, герои корридъ, подносили свой беретъ на острѣйшіе бандерилии.

Ни альбигойцы, ни кальвинисты, ни поколѣнія протестантскихъ проповѣдниковъ и наставниковъ — къ одной такой исконно Нимской протестантской семье, принадлежитъ и Андре Жидъ, — не сумѣли искоренить въ населеніи Нима занесенной изъ знойной Испаніи жажды острыхъ впечатлѣній, зрѣлища удали, смѣлой ловкости и крови....

Ближайшіе бои быковъ лишь въ началѣ мая, а уже теперь въ мартѣ говорятъ о нихъ въ Нимѣ и не только гиды — туристамъ, но и въ кафэ, въ ресторанахъ и уже спорятъ о шансахъ быковъ той или другой ганадеріи.

Въ глухомъ, теперь скучномъ городкѣ Люнелѣ, близъ Нима, евреями, выходцами изъ Испаніи, основана была въ 11-омъ вѣкѣ Академія Наукъ. Часть ея — медицинскій факультетъ — перенесенъ былъ позднѣе въ Монпелье. Въ Нимѣ въ эпоху гоненій на евреевъ въ Испаніи и Португаліи пріютилась значительная еврейская община, вмѣстѣ съ нѣсколькими учеными раввінами, привезшая сюда цѣнныя манускрипты, цѣнныя реликвіи.

На унылой скучной улицѣ Русси помѣщается теперь невзрачная, убогая молельня, и показываетъ ее туристамъ уморительно забавная сторожиха-еврейка.

Тоненькая, миловидная, цыганского типа, съ алой ленточкой въ черныхъ кудряхъ съ пестрыми бусами на

смуглой шеѣ и толстеннымъ годовалымъ цыганенкомъ на рукахъ. Говорить по-французски свободно, но съ страннымъ какимъ-то акцентомъ.

— «Какой вашъ языкъ родной?»

— «Всѣ» — отвѣчаетъ.

— «Какъ всѣ? А по-еврейски говорите?»

— «Нѣть, только вотъ по-еврейски не говорю. А то на какомъ хотите — по-турецки, армянски, гречески, по-арабски — тоже могу».

Полиглотъ. Отецъ — синагогальный служка былъ: въ Сиріи, на о. Критѣ, въ Константинополѣ, въ Персіи, еще гдѣ-то. Подъучилась въ скитаніяхъ.

Красивые черные глаза ея смѣются, бусы настройной шеѣ звенятъ, толстый цыганенокъ на ея рукахъ чemu-то хохочетъ, и отчего этотъ юный сынъ Израиля такого яркаго цыганскаго типа, я не отваживаюсь спросить...

Очаровательная сторожиха. Для нея одной и «квадратнаго дома» императора Агриппы стоитъ побывать въ Нимѣ, въ городѣ наименѣе интересномъ изъ всѣхъ городовъ Прованса.

Нимъ — Мартъ, 1927.

БЪЛЫЯ ДОЩЕЧКИ

Городокъ маленький, Лектуръ, въ департаментѣ Жеръ, бывшей Гасконіи, а чичероне у меня добросовѣстные и показываютъ, что можно показать, объясняя съ обстоятельностью, какой могли бы позавидовать столичные гиды. Даже слишкомъ обстоятельно, и съ видимымъ наслажденіемъ — въ кои вѣки забредеть сюда, въ эту глушь туристъ, — да еще иностранецъ? Показали музей съ четырьмя обломками колоннъ романского периода, съ нѣсколькими надгробными плитами, съ которыхъ время давно стерло надписи и оставило бугорки, портретъ генерала Сюперви, уроженца Лектура, побывавшаго въ Россіи вмѣстѣ съ Наполеономъ. Показали старую темную больницу, нѣкогда замокъ графа Арманьяка, большого драчуна и забияки, озорно воевавшаго съ Людовикомъ XIII и жестоко наказанного за драчливость и озорство. Онъ предавалъ и убивалъ. Его предали и убили.

Мои гиды, благочестивыя католички, очень уже немолодыя дѣвушки, опуская глаза, нѣсколько иначе объясняютъ его преждевременную гибель. Графъ Арманьякъ тайно обвѣнчался въ одной изъ башенъ бывшаго замка, теперь неуютной, непривѣтной больницы, — съ родной сестрой, Изабеллой, — о красотѣ которой нынѣ еще поется въ гасконскихъ пѣсняхъ. И за это, конечно, постигла его кара Божія...

Изъ другой башни замка, узнаю я, спускался когда-

то маркизъ Монморанси, замышлявшій отложеніе отъ Франціі Лангедока вмѣстѣ съ Гасконіей. Это было уже при Людовикѣ XIV-омъ, который тоже предпочиталъ единую и недѣлимую Францію федеративной, но маркизъ былъ обольстителенъ, и знатныя дамы города Лектура испекли для него большой сладкій пирогъ, благочестивыя кармелитки свили крѣпкую шелковую бичевку, бичевку умѣстили въ пирогѣ, и маркизъ, угостивъ своихъ тюремщиковъ пирогомъ, спустился ночью на шелковой бичевкѣ на землю, бѣжалъ и до цѣли не добѣжалъ. Его поймали и казнили въ Тулузѣ, въ липовой рощѣ близъ Каталонскаго моста, такъ красиво бѣлѣющаго надъ голубою Гаронной. Показали еще тинистую лужицу — фонтанъ Діаны, — безголовую, безрукую позеленѣвшую статую прекрасной нѣкогда богини, а поодаль отъ нея высокій ажурный крестъ надъ могилой Св. Клер, отказавшагося исполнить приказаніе римскаго сатрапа — отслужить мессу передъ статуей Діаны, и обезглавленнаго за непокорность. Въ старой церкви XIII-го столѣтія вели по всѣмъ придѣламъ, объясняли какое святое изображеніе кѣмъ и когда по жертвовано и какія историческія художественныя цѣнности увезены были во время революціи, попрятаны въ погребахъ по сосѣднимъ деревнямъ и больше въ Лектурѣ не возвращались... Все... Статую маршала Ланна, тоже уроженца Лектура, получившаго отъ Наполеона за хорошее поведеніе подъ Монтебелло графскій титулъ и вторую фамилію Монтебелло, показывать нѣть надобности. Она стоитъ на единственной площади Лектура и такъ грузна, такъ бѣла, что достаточно одного кивка головы: «Ну вотъ, и это...» — А «это» — единственная достопримѣчательность Лектура, отмѣченная въ путеводителяхъ. Мои чичероне добавили еще, впрочемъ, что пріѣзжавшіе однажды въ Лектурѣ потомки маршала Ланна — графа Монтебелло очень довольны остались опрятнымъ видомъ статуи и постамента. Еще бы...

Еженедѣльно въ традиціонный субботній день большой уборки статью эту всѣ обывательницы Лектура поочередно не за страхъ, а за совѣсть, чистятъ, трутъ и полощатъ нечувствительного къ ихъ патріотическому усердию маршала...

Нѣть, не все, — кладбище оставалось еще посмотреть. Но тутъ ни одного памятника примѣчательного не оказалось, и такъ какъ гиды мои замѣтно конфузились того, что лектурское кладбище такъ мало напоминаетъ генуэзское Кампо-Санто и Перъ-Лашезъ, то я остановила свое вниманіе на чудесной аллеѣ тополей и не только удовольствія ради этихъ двухъ отцвѣтшихъ скучно и безрадостно живущихъ дѣвушекъ, а отъ чистаго сердца восхищалась стройными и печальными стволами. Дѣвушки хотѣли уже увести меня домой, да и пора было — древній колоколь длительно и пѣвуче звалъ къ вечернѣ — когда за низкой оградой кладбища я замѣтила нѣсколько странно стоявшихъ, странно воткнутыхъ въ землю бѣлыхъ дощечекъ.

— А это что?

Вышли за ограду. Неогороженный зеленый пустырь на обрывѣ, внизу, за поросшими мелкимъ кустарникомъ уступами, широкая проѣзжая дорога, желѣзодорожное полотно, широкая богатая долина Жеръ. А на пустырѣ не нѣсколько, какъ показалось изъ за ограды, а много, десятковъ восемь-девять, продолговатыхъ, четвероугольныхъ наклонно вставленныхъ въ землю бѣлыхъ дощечекъ, и по одной, по другой сторонѣ, по маленькой грудкѣ камушковъ. Догадку мою о собачьемъ, о кошачьемъ или игрушечномъ, дѣтьми придуманномъ кладбище мои чичероне, смѣясь, опровергаютъ. Не собачье, не кошачье, не игрушечное, а настоящее человѣческое кладбище... Только, — что подъ этими бѣлыми дощечками лежать не христіане, не добрые католики, какъ тамъ за оградой, а сенегальцы... Во время войны обучали ихъ въ мѣстномъ гарнизонѣ европейскому ис-

кусству убивать людей, и такъ какъ они не вынесли европейского климата, то всѣ перемерли. Всѣ до единаго. Восемьдесятъ восемь человѣкъ.

Больницы, этой темной больницы, гдѣ убить былъ графъ Арманьякъ, обвѣнчавшійся, Папъ и всѣмъ кардиналамъ наперекоръ, съ родной сестрою,—этого гордаго нѣкогда замка, сенегальцы такъ боялись, что скрывались, заболѣвая, притворялись спящими, трясясь отъ лихорадки, и стискивали зубы, когда имъ пытались влить лекарство. Изъ больницы никто изъ сенегальцевъ не вышелъ живымъ. Микстуры и порошки европейскихъ врачей ни одного изъ ихъ сородичей не исцѣлили. Въ превосходномъ романѣ братьевъ Таро «Самба Діуфъ», сенегальцы, которыхъ силою и обманомъ увозутъ воевать, утѣшаютъ себя тѣмъ, что они знаютъ лишь отъ сборщиковъ податей, объясняющихъ имъ, что раньше они были беззащитными и несчастными людьми, а съ тѣхъ поръ, какъ стали французскими подданными и платить налоги, они счастливые люди, ибо находятся подъ защитой могущественной державы... И въ романѣ Таро, сенегальцы умираютъ, такъ и не повидавъ «короля тубабовъ». А когда принявъ однажды взводнаго фельдфебеля за «короля тубабовъ», они приходятъ въ волненіе, и свои жалобы и упованія выкрикиваютъ какими то непонятными звуками, въ штабѣ летить донесеніе, тотчасъ воспроизведенное газетами, о томъ, что «въ сенегальскихъ войскахъ настроение бодрое и воинственное...». На «бѣлыхъ дощечкахъ» сенегальского кладбища въ Лектурѣ такія же трогательныя имена, какъ у черныхъ героеvъ романа Таро: Бони Боба, Леа Мари, Синьо Олери...

Мои спутницы не читали книги Таро, но то, что онѣ рассказываютъ мнѣ о Бони Боба, Леа Мари, Синьо Олери далеко превосходитъ печалью — печальный вымыселъ Таро. Война оказалась злостнымъ конкурентомъ для беллетристовъ. Какъ бы хитро что ни замыслили,

куда замысловатъе и сложнъе драмы и трагедіи дѣйствительности, узлы которыхъ завязывались и разрѣшались въ годы войны.

Сенегальцы, учившіеся въ Лектурѣ убивать «аллемановъ» и умиравшіе, не успѣвъ примѣнить на дѣль пріобрѣтенныхъ знаний, въ часы досуга, вязали корзины для обывателей, чинили обувь, натирали полы и трогали сердца кротостью и незлобивостью. Но только патріотами они не были, рассказываютъ мои чичероне... «Патри» называли не Францію, давшую имъ всѣ блага культуры, а какія то свои пустыни, названія которыхъ и не выговорить культурному человѣку... «Вотъ этотъ, Бони Боба, отличный былъ слесарь и подрабатывалъ недурно, и не мало денегъ перевѣль куда то своимъ роднымъ, но вѣчно рюмилъ... Муа — жаме — маманъ — патри...»

Мои спутницы быстро переглядываются — быть можетъ не слѣдовало вовсе показывать мнѣ этого пустыря съ бѣлыми дощечками... Такъ ужъ онъ не похожъ на другіе памятники «павшимъ героямъ», красующіеся теперь по всей Франціи въ каждомъ городкѣ, въ каждой деревушкѣ, въ каждомъ поселкѣ...

Онѣ послѣдно уводятъ меня. Разсказываютъ по дорогѣ, какіе они смѣшные, забавные были эти черные люди, съ ихъ непонятною рѣчью и непонятною тоскою о какой то тамъ «патри»...

Бѣлые дощечки — такъ отчетливо вижу передъ собою каждую изъ нихъ — самый жуткій, самый потрясающій памятникъ войны изъ многихъ сотенъ, какіе приходилось видѣть въ скитаніяхъ по Франціи. И неотвязно и немолчно звучитъ въ ушахъ: «Муа — жаме — маманъ — патри...»

БУРЖЬ

Сердце Франціі — такъ называли эту богатую, пышную глушь Просперъ Меримэ, Жоржъ Сандъ, такъ называютъ провинцію Берри и понынѣ французскіе этнографы. Сердце Франціі — состоящее, какъ всякое сердце изъ двухъ частей: Шеръ и Эндръ, не перемѣстилось. Здѣсь французы у себя дома, и есть вокругъ главнаго города департамента Шеръ, вокругъ уютнаго, тихаго Буржа — очаровательныя деревушки, маленькия, чистенькия городки, гдѣ ни одного пансіона, ни одного отеля, гдѣ негдѣ остановиться туристу. Нѣть оріентациіи на иностранцевъ, на туристовъ съ валютой. Да и колебанія франка мало кого тутъ волнуютъ. Живуть на дѣдовскихъ, прадѣдовскихъ земляхъ, въ прочно скомплексованныхъ старыхъ домахъ, а вновь вырастающіе строятся тоже съ разсчетомъ, по меньшей мѣрѣ, на вѣчность...

Наполеонъ говорилъ о Буржѣ: «Хорошій стратегіческій пунктъ... Надо имѣть въ виду, въ случаѣ чего...» Одно время, когда союзная армія продвигалась къ Парижу, о перенесеніи столицы въ Буржъ поднималась рѣчь и въ Конвентѣ. До этого не дошло, къ счастью для Буржа, который отъ якобинскаго террора пострадалъ мало. Храмы пообчистили немногіо, но все цѣнное въ нихъ заблаговременно попрятано было жителями въ надежныхъ мѣстахъ, а какъ улеглись революціонныя бури, вновь получило свое назначеніе. Не прихотью коро-

лей, а въками, упорно и любовно создавались и собирались художественные сокровища Буржа. Подлинное коллективное творчество, въ которомъ участвовала окрестная знать, все помѣщичье дворянство, богатая буржуазія. Въ эти наши дни во дворцѣ Жака Кейра, банкира короля Карла VII-го, выставка фарфора и керамики. Въ пяти шести огромныхъ залахъ ни одной новой, ни одной современной вещи XIV, XV, XVI вѣка. И всѣ выставленные предметы взяты на время у обладателей ихъ, изъ окрестныхъ замковъ, усадебъ, у жителей самого Буржа, гдѣ на десять домовъ, два уже, навѣрно, музеи, хранилища художественныхъ сокровищъ, переходящіхъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Какъ земля, угодья, садъ. Глаза пра-прадѣда оцѣнили, сбереженіями предковъ добыто. Внуки, правнуки любуются и берегутъ, и быть можетъ въ тѣхъ же шкапахъ, на тѣхъ же полкахъ стоять эти изумительныя блюда, тарелки, ковши, кубки, изъ которыхъ пили рыцари и гости ихъ — короли. Имея на всѣхъ этихъ экспонентовъ — графовъ, виконтовъ, маркизовъ — часть длинно резвертывающагося свитка французской исторіи.

Съ Буржемъ связана значительная часть царствованія глуповатаго и ничтожнаго Карла VII-го, о которомъ такъ самоотверженно позаботилась Жанна д-Аркъ. Отсюда изъ Берри и двинулась она въ послѣдній роковой для нея путь. Въ Менъ на Іеврѣ близъ Буржа, гдѣ отъ замка Карла VII-го осталась лишь некрасивой трубою торчащая сломанная башня, ходила она съ тѣмъ, чтобы издали хоть взглянуть на помазанника Божія, который предавался тамъ любовнымъ утѣхамъ съ Агнесой Сорель. Въ то время, какъ прекрасная Агнеса Сорель за красоту свою прозванная Красой Пречистою, раззоряла государственную казну, и придворные шептались о томъ, что чувственный хмѣль, какимъ блестящая фаворитка опаивала короля, ослаблялъ его и безъ того слабую волю, ради этого самаго короля обрекла

себя на смерть юная Жанна д-Аркъ и жертвовалъ для него огромнымъ состояніемъ, добытымъ трудомъ, геніемъ — Жакъ Кейръ. Какая живописная красочная фигура, этотъ Жакъ Кейръ — именемъ его названъ и въ Парижъ небольшой переулокъ близъ Бастиліи, соединяющій бульваръ Генриха 1У-го и улицу св. Антуана. И какъ чтуть жители Буржа память своего именитаго гражданина. Кондитерская Жака Кейра, помѣщающаяся въ похожемъ на пузатый старинный коммодъ — домѣ, гдѣ онъ родился. Нагрудники для маленькихъ дѣтей съ изображеніями Жака Кейра, леденцы отъ кашля — Жакъ Кейръ. Въ парфюмерныхъ магазинахъ — кремъ и губная помада — Жакъ Кейръ, и на лентахъ, обвивающихъ матросскія шапочки черноглазыхъ, круглощекихъ малышей золотыми буквами — Жакъ Кейръ. Послѣднее, золотыя эти буквы на матросскихъ шапочкахъ, быть можетъ имѣть даже воспитательное значение. Сынъ мѣховщика, достигшій почета, вліянія, ссужавшій деньгами короля и всю придворную знать, былъ первымъ искателемъ заморскихъ рынковъ для Франціи... Суда его плыли по всѣмъ морямъ, причаливали къ берегамъ Африки и Греціи, и отвагой своею, предпріимчивостью заразилъ онъ не одного современника. Его примѣромъ плѣнившись, нормандскій дворянинъ Жанъ де Бетанкуръ тоже поплылъ въ невѣдомую даль, и послѣ долгихъ странствій привезъ Франціи царскій подарокъ — завоеванные имъ Канарскіе острова...

Въ наше время, каждый путешествующій француузъ за одну прочитанную малайцамъ или папуасамъ лекцію о новыхъ достиженияхъ французской культуры, о творчествѣ Клоделя или «театрѣ Батайя» — получаетъ орденъ почетнаго Легіона и болѣе реальная награды. Жакъ Кейръ былъ по иному награжденъ. Паденіе его вліянія, причины травли, какую вела противъ него придворная знать и духовенство, его трагическій конецъ — тюрьма, бѣгство, скитанія на чужбинѣ, одинокая

смерть — какой богатый сюжет зля исторического романа, драмы или по крайней мѣрѣ, фильмы.

Родственники короля, шептуны и наперсники — все должники щедрого банкира, усердно чернили его въ глазахъ Карла VII-го намеками на нечистые источники, изъ которыхъ Жакъ Кейръ будто бы черпалъ свои богатства... Но Карла VII - го нечистые источники не очень смущали. Онъ былъ глухъ къ этимъ навѣтамъ. Тогда завистники и враги королевского банкира нашли другой, болѣе вѣрный путь къ сердцу Карла VII-го. Уязвили его ревность. Прекрасная Агнесъ Сорель жаловалася Жака Кейра своимъ довѣріемъ и дружбой. Короля навели на мысль о томъ, что она жаловала его и другимъ, болѣе нѣжнымъ чувствомъ. И этому хочется вѣрить, глядя на статую Жака Кейра передъ его дворцомъ — теперь это чудо Ренессанса собственность государства, — на его тонкое изящное лицо, которое, конечно, должно было быть глазамъ королевской фаворитки утѣшнѣе, чѣмъ неуклюжій, нескладный, тупоносый, безцвѣтноглазый Карлъ VII-ой... Прекрасная Агнесъ Сорель умерла внезапно. Таинственная смерть ея укрѣпила подозрѣнія короля и рѣшила судьбу самоутверженнѣйшаго его друга, Жака Кейра... Грѣшная Агнесъ Сорель, задаренная королемъ замками въ Берри, Неверѣ, въ Венсенѣ подъ Парижемъ, добрая дочь церкви, признала правильнымъ и судъ надъ Іоганной, дерзавшей бредить королемъ... И удивляясь приходится тому, что Бернаръ Шоу этой романтической ситуаціи не использовалъ, не раззвѣтилъ ея для своей пьесы...

Въ богатой библіотекѣ города Буржа — 60.000 томовъ — гдѣ цѣнныя исторические уникумы размѣщены по шкапамъ рядомъ со всякой дешевой современной дребеденью, гдѣ, подержавъ въ рукахъ книгу, надо долго смыывать приставшую къ пальцамъ пыль и паутину — въ этой библіотекѣ, куда рѣдко заглядываетъ мѣстный читатель, а появленіе иностранца — сенсация,

имѣется любопытная, по старой орфографіи напечатанная книжечка — свидѣтельство святыхъ отцовъ церкви, быть можетъ, тѣхъ самыхъ, что подписывали смертный приговоръ Жаннѣ д-Аркъ, свидѣтельство о чистотѣ отношеній между Карломъ VII и Агнесь Сорель. «Онъ жилъ съ нею очень честно *très honnêtement* и когда пріѣзжалъ къ ней въ одинъ изъ ея замковъ, то всегда въ сопровожденіи многочисленной свиты, иногда и королевы, и никогда не оставался съ нею наединѣ»..

Восхитительная брошюрка! Въ рамки русской рѣчи не уложить, къ сожалѣнію, этой безподобной смѣси благочестія и обнаженной непристойности...

Имя Жака Кейра было реабилитировано, но когда его уже въ живыхъ не было.

Дворецъ его — теперь музей, зданіе для выставокъ, для офиціальныхъ пріемовъ — живая о немъ, свѣтлая память... Легко, стройно стоять на маленькой площади его многобашенная ажурная громада. Вмѣстѣ съ великолѣпнымъ соборомъ, не уступающимъ по величинѣ и красотѣ ни Шартрскому, ни Парижскому Собору Бого-матери, — два нерушимыхъ памятника многовѣковой культуры. Чудесные символы прочной слаженности жизни, въ сторонѣ отъ космополитической толчеи, отъ шумныхъ французскихъ перекрестковъ, въ самомъ сердцѣ Франціи въ этомъ Буржѣ, гдѣ сейчасъ въ 10 часовъ вечера — тишина, будто въ глухой деревнѣ въ поздній ночной часъ..

И какъ хорошо!

ПИКАМПО

Въ деревушкѣ Люссакъ, въ Жирондѣ, рядомъ съ почтой — лавка, гдѣ продаются сыръ, пуговицы, макароны, ленточки, кофе, эспадрильи, грабли, чернила, всякое другое добро и почтовыя открытки. Эти не очень разнообразны: шато, шато, шато. Большѣе двухъ-этажные съ мезонинами дома, иные съ одной или двумя бышнями, другіе безъ башенъ, безъ всякаго намека на знатную древность и родство съ феодалами. По французски это — замки, по русски просто помѣстительные, впрокъ построенные барскіе дома. Но, кромѣ шато, еще одна открытка имѣется въ этой лавкѣ. Открытка съ сюжетомъ, съ выраженіемъ, почти поэма. Густая заросль, куда-то въ невидимую даль уходящій скатъ. Въ самой густотѣ чащи стоитъ въ дорожномъ костюмѣ молодой человѣкъ и, скрестивъ руки немного печально, почти торжественно что-то созерцаетъ. Подпись: «Люссакъ-Пикампо».

— Это что?

— Ахъ, это...

Лавочница, милая, широкая, любезная, улыбается мнѣ изъ за груды толстыхъ, шерстяныхъ, сѣрыхъ и коричневыхъ чулокъ.

— Это? Это Пикампо.

— А кто онъ такой?

Лавочница разсмѣялась: не молодой человѣкъ на открыткѣ носить имя Пикампо, а лѣсокъ, гдѣ онъ сто-

ить. На что онъ смотрить и что вызвало такую торжественную печаль на его лицо — никто: ни лавочница, ни двѣ ея покупательницы, ни покупатель, темный, старый, сморщенный, какъ онъ, растолковать не могъ. Но посовѣтовали обратиться къ аптекарю: онъ все знаетъ и радъ съ пріѣзжими потолковать. И, дѣйствительно, аптекарь объяснилъ: «Камень мучениковъ. Еще бы не задуматься, на камнѣ этомъ человѣческія жертвы приносились когда-то».

Онъ явно смакуетъ впечатлѣніе, произведенное на меня, и наставляетъ меня, какъ пройти къ Пикампо.

«Налѣво, направо, вверхъ, а тамъ прямикомъ...»

На маленькой площади со старой церковкой перекатываются куда-то, откуда-то винные бочки, большія, малыя; онъ пустыя и шумятъ, и два дюжихъ парня съ засученными рукавами вязаныхъ фуфаекъ перекрикиваются ихъ шумъ на не очень понятномъ мѣстномъ діалектѣ. Двѣ лавочки закрыты, дѣтей не видно. Всѣ на поляхъ, на виноградникахъ: сборъ въ полномъ разгарѣ.

Сворачиваю въ переулокъ — здѣсь пахнетъ уже тягуче - терпко и приторно, мгновеніями до тошноты. Въ широкой темной пасти длиннаго низкаго строенія полуголые люди давятъ виноградъ. Останавливаюсь. Очень ужъ зреюще занятое. Огромный, не очень глубокій чанъ. Два молодца съ голыми выше колѣнъ ногами, выводятъ чарльстонъ по скомканнымъ, смятымъ, утратившимъ свѣжій сизоватый, матоватый налетъ, гроздьямъ. Въ рукахъ у нихъ большие тяжелыѣ песты. Но работаютъ они ногами, песты пускаются въ ходъ, когда совсѣмъ устанутъ ступни или пододвинутъ надо новую груду подбрасываемаго снизу винограда, или отодвинутъ выжатую до послѣдней капли. Широкая, густая, синевато - красная, какъ застоявшаяся бычья кровь, струя стекаетъ въ стоящей ниже глубокій чанъ, а оттуда насосомъ выкачивается въ третій, исполненныхъ размѣровъ, водруженный высоко, и оттуда

уже — такъ объясняютъ мнѣ — выдыхаютъ эти соки жирондистскихъ виноградниковъ тяжелые свои пары до тѣхъ поръ, пока не наполняютъ ими бочки. А въ бочкахъ плѣнъ уже долгій, а въ бутылкахъ — еще дольше. И все это очень сложно, трудно, требует много рука, труда, заботъ, и обливающійся потомъ, красный, дородный, широколицый хозяинъ, просвѣщающій меня, заканчиваетъ объясненія наставительной сентенціей: «Если бы въ Парижѣ знали, чего тутъ намъ стоить одна хорошая бутылка вина, то...»

— То его бы не пили? — договариваю я.

Дружный скептическій смѣхъ. Такое разрѣшеніе соціальной нѣсправедливости, никому тутъ не улыбается. Мнѣ предлагаю взять на память нѣсколько гроздѣй винограда. Беру и иду къ Пикампо. Только вышла изъ деревни и сбилась съ дороги. По одну сторону ровные далкіе ряды виноградныхъ лозъ, по другую, ряды унизанныхъ изнемогающихъ подъ бременемъ тяжелыхъ кистей лозъ. Сухо, жарко, безпыльно, ароматно. На десятки верстъ кругомъ ни одной фабрики, ни одного завода. Исполинскіе черные пальцы трубъ не пачкаютъ тутъ воздухъ копотью и пылью. Но гдѣ лѣвая, гдѣ правая сторона, гдѣ дорога къ Пикампо, не пойму... А тутъ еще все суживается колея, и надо сторониться въ самый виноградникъ отъ наѣзжающей сзади фантастическихъ размѣровъ телѣги. Важный, грузный, рыжій волъ съ завитыми, какъ мѣдная оркестровая труба, рогами посмотрѣлъ на меня однимъ чернымъ огромнымъ глазомъ, повелъ широкими ноздрями и еще шире закачалъ боками. Изъ телѣги веселое общество малышей и подростковъ всѣхъ возрастовъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ слѣдило, какъ почтительно отступала я передъ воломъ въ цѣпкіе кусты, и стратегія моя явно забавляла и шедшихъ за телѣгой взрослыхъ. Но эти — ихъ было трое — маленькая черная женщина, маленький черный мужчина и высокій сѣрый ста-

рикъ — переглянулись, высокій старики окрикомъ остановилъ ноевъ ковчегъ и обратился ко мнѣ съ привѣтственной рѣчью.

Куда? Откуда? Воль не кусается и лучше всего сазди; вмѣстѣ съ ними...

Когда услышалъ, что я Пикампо ищу, радостно оживился. Оказалось — по дорогѣ. Тамъ какъ разъ его виноградникъ, куда вотъ, всѣмъ семействомъ, съ семи-строю, зятемъ, племянниками, племянницами и внучатами, онъ и собрался.

Теперь я на вѣрномъ пути. Колея скоро врѣзается въ рощу, свѣжую, душистую и старики показываетъ мнѣ широкую, зеленую поляну, гдѣ ежегодно 24 августа танцууетъ молодежь нѣсколькихъ окрестныхъ деревень. Уже 56 лѣтъ на его памяти, а по какой причинѣ въ этотъ именно день — запамятовалъ. Длиннымъ кнутомъ показываетъ онъ мнѣ на свои виноградники въ радужно - золотистой пыли за рѣдѣющими деревьями. Тамъ, тамъ и вотъ еще тамъ... Бѣлый виноградъ, синій виноградъ... Богатъ и славенъ, какъ десятки другихъ такихъ же крестьянъ тутъ, не очень сильныхъ въ грамотѣ, пыльныхъ, сѣрыхъ, съ закорузлыми руками, съ невылазными подъ ногтями слоями грязи. Изъ погребовъ ихъ вывозятся въ міръ тысячи бутылокъ знаменитыхъ бѣлыхъ и красныхъ бордосскихъ винъ. Ихъ жизнь — весна, лѣто, осень на виноградникахъ. Короткие зимніе мѣсяцы въ тѣсныхъ грязныхъ домикахъ бокъ о бокъ со скотиной, допотопные печи на земляномъ полу подъ кирпичнымъ навѣсомъ, коптящія керосиновые лампочки, долгій сонъ и подсчитыванье денегъ, вырученныхъ съ урожая, съ продажи свѣжаго, прошлогодняго вина, выдержаннаго, стараго...

Этотъ въ географіи Франціи нѣсколько освѣдомленнѣе другихъ, своего возраста односельчанъ. Сыновья его были на войнѣ, и самъ онъ не только въ Бордо много разъ їздилъ, но въ свое время по виннымъ сво-

имъ дѣламъ до самой испанской границы добирал-ся... И обѣ этомъ онъ съ гордостью разсказываетъ. Испанская граница отсюда въ трехъ часахъ. Я выра-жаю свое изумленіе и восхищеніе его предпримчиво-сти и отвагѣ. Мое усердіе вознаграждено. Уже остано-вился волъ, спутники старика съ длинными ножница-ми и небольшими деревянными корзинками ринулись въ виноградникъ. Стариkъ подлѣ меня на опушкѣ Пи-кампо, и я узнаю: вотъ тотъ шато на холмѣ за спу-скомъ, отъ графа Х. давно перешелъ къ мѣстному кре-стьянину - винодѣлу. Шато виконта У. — тоже... За-мокъ графини Сегюръ, которая книжки писала для дѣ-тей — тоже... Еще тамъ вотъ, гдѣ Медокъ, Сотернъ, Барсакъ, — кнутъ упирается въ западъ, востокъ, югъ — тамъ еще у большихъ господъ остались ихъ шато. По пальцамъ перечесть, да и у такихъ лишь, что сами въ этомъ дѣлѣ толкъ понимаютъ... Вино — такая шту-ка — съ нимъ шутить нельзя. Отъ неба и отъ человѣ-ка оно беретъ самое важное и все. Солнце, но уже са-мое жгучее ему давай, трудъ, но ужъ въ такой мѣрѣ, что минуты ни для чего другого не остается. И еще съ небомъ приходится изъ за него воевать.

Слышали позапрошлой ночью, какъ по тучамъ па-лили?

Я слышала и видѣла. Нежданная въ это время го-да гроза разразилась ночью. И съ молніями, зашны-рявшими по небу, вступили въ бой огненно - красныя, ярко - синія, желтыя змѣи, забухавшія съ земли. Раке-тами крестьяне - винодѣлы разрѣжали грозу, предупреж-дая градъ, смертоноснаго врага винограда. Это было фантастично и жутко, и раскаты грома, затихавшго, уда-лявшагося, казались глухимъ ропотомъ негодованія на дерзость человѣка.

«Камень мучениковъ», котораго я не нашла бы безъ указаній старика, оказался среди колючихъ гу-стыхъ кустовъ, за любопытство порвавшихъ мнѣ чул-

ки и оцарапавшихъ ноги. Неживописный и неинтересный выступъ глубокаго каменнаго грунта, который въ этихъ мѣстахъ на десятки километровъ уже выдолбленъ на строительный камень. И оттого здѣсь такая изумительная акустика: звукъ, шагъ, шорохъ въ травѣ переносится на далекія разстоянія, и съ необычайной, даже пугающей на первыхъ порахъ четкостью.

Старикъ не отпускаетъ меня съ пустыми руками. Онъ самъ срѣзаетъ для меня кисти чудеснаго сладкаго винограда въ теплой, золотистой бронѣ, убѣждаетъ взять «на память о Пикампо» кучу блѣдно - зеленыхъ, клейкихъ, нѣжно - розовыхъ внутри фигъ и, въ придачу, еще «ну, пожалуйста», — горсть орѣховъ.

Очень ужъ видимо радъ былъ неглупый старикъ слушаю поболтать съ новымъ человѣкомъ.

Дорога моя домой идетъ подъемомъ и долго еще я вижу, оборачиваясь, согбенныхъ межъ рядами лозъ, большихъ и маленькихъ людей, будто цѣлюющихъ возвращенные ими, выхоленные ими кустики...

БУРДИГАЛА

Похоже на вурдалакъ. А всего лишь клѣтчатая суконная фуражка. «Бурдигала» — фабричная марка, и название свидѣтельствуетъ объ образованности шапочнаго фабриканта: оно у исторіи заимствовано, изъ древней, очень древней исторіи. Такъ назывался когда-то городъ Бордо. Но кому могло бы прійти въ голову назвать фуражку такимъ всеизвѣстнымъ обыденнымъ словомъ, какъ Бордо. То-ли дѣло Бурдигала? Надѣять человѣкъ такую Бурдигалу и навѣрно возвышается въ собственныхъ глазахъ.

Или пароходики, неуклюжіе, темные, двухъэтажные ящики, шмыгающіе по грязно-желтой, густо-разбавленной глиной, широкой Гароннѣ. Называютъ ихъ въ Бордо не просто пароходиками, а «ласточками» или «гондолами»... Для того, чтобы съ вокзальной набережной попасть въ людный, шумный центръ города, носильщикъ на вокзалѣ посовѣтовалъ мнѣ сѣсть въ «гондолу», а городовой «на ласточку». И оба эти два слова, означающіе пассажирскій гробоподобный пароходикъ, произносили съ интонаціями лирическими, мечтательными, будто завороженные возвышающимъ обманомъ поэтическихъ метафоръ...

Погружаюсь въ «ласточку». И при желаніи быстро-тою оправдать сравненіе съ поднебесной вѣстуньей солнца и тепла темный ящикъ не въ силахъ это сдѣлать. Ему приходится лавировать между судовъ всѣхъ

странъ міра, допотопныхъ и современныхъ, между катерами, элегантными яхтами, торговыми норвежскими шхунами, морскими пароходами, парусными огромными лодками и судами, напоминающими древнія триремы, и другими, еще болѣе необычными, съ голыми, черными мачтами, съ безобразнымъ хаосомъ снастей. Гаронна всего лишь рѣка, правда, до моря рукой достать, но Бордо считается третьимъ во Франціи портомъ, и всѣ примѣты большого порта подчеркнуты густо. Грязь, суeta, пестрота, экзотическая женщины на набережныхъ, ракатъ-лукумъ и халва на ларяхъ, мужчины въ тюрбанахъ и живописныхъ хитонахъ, похожіе на Махатма-Ганди и на факировъ, выступающихъ въ Парижѣ въ «Олимпіи». Бѣдные школьники! Сколько именъ и событий надо заучивать о Бордо, и какъ они должны ненавидѣть его за грузъ, какой онъ взваливается на ихъ память. Варвары, римляне — эти оставили, какъ вездѣ, развалины, почитаемыя археологами, туристами, ничего не смыслящими въ археологіи, и комитетами общественного призрѣнія: къ этимъ развалинамъ можно приткнуть въ качествѣ сторожей инвалидовъ и чиновничихъ вдовъ, которые ни на какое другое амплуа не годятся. Потомъ, начало государственности, король и королева Шариберъ, Дагоберъ, Элеонора Аквитанская. Звучныя имена, и память ихъ почтена на вывѣскахъ ресторановъ и общественныхъ бань. Затѣмъ вторженія арабовъ — ихъ и сейчасъ въ Бордо много: одни продаютъ ковры, другіе учатся медицинѣ въ бордосскомъ университѣтѣ, по количеству ученыхъ свѣтиль будто бы не уступающемъ парижскому, одѣваются по европейски, густо пудрятъ свои лоснящіяся черные щеки и похожи уже на испанцевъ. Гасконскій периодъ — это, когда Жиронда была Гасконіей, сама себя госпожа, во Францію экспортировала только остряковъ, хвастуновъ, «Cadets de Gascogne» весельчаковъ, и французскимъ королямъ поставляла шутовъ.

Знаменитый, дерзкий озорной шутъ Генриха III, Шико тоже былъ гасконецъ. А тамъ, старанія протестантовъ и католиковъ перещеголять другъ друга цифрами зарѣзанныхъ, удушенныхъ, отравленныхъ, цифрами сожженныхъ деревнь, разрушенныхъ храмовъ, вѣка, когда всѣ сословія проходили стажъ человѣкоистребленія и дугоугашенія, въ скалистыхъ пещерахъ отшельники замаливали грѣхи міра, и въ кельяхъ, надстроенныхъ надъ подземными скитами, французскіе Пимены безстрастно отмѣчали шелестъ развертывавшагося свитка Исторіи...

Бурдигала уже называлась Бордо и уже были въ этомъ городѣ сохранившіеся понынѣ чудесные храмы св. Михаила, св. Андрея, когда мэромъ города выбранъ былъ человѣкъ, пользовавшійся популярностью, какой никто въ Жирондѣ ни до, ни послѣ него похвастать не могъ. Это былъ царедворецъ, любимецъ Генриха IV, богатый землевладѣлецъ, внукъ рыбопромышленника Экзема, отъ отца, женатаго на еврейкѣ, унаследовавшій уже дворянское званіе, сумѣвшій обойтись безъ знатныхъ предковъ, философъ Монтенъ. Люди, заслуживающіе полнаго довѣрія, утверждаютъ, что его знаменитые « Essays » положили начало свободной философской мысли во Франціи, и когда надо кого нибудь похвалить за умъ, за умѣніе ясно излагать свои мысли, за элегантный скепсисъ, то говорятъ: « Въ немъ что то отъ Монтеня ». А французскіе католическіе писатели нашихъ дней, какъ Моррасъ, Доле, Маритенъ, полагаютъ, что отъ Монтеня пошло все зло невѣрія, всепринимающаго и всеразрушающаго скептицизма и объясняющаго это тѣмъ, что въ жилахъ его къ чистой крови рыбопромышленниковъ примѣщалась кровь еврейская.

Мэромъ онъ былъ плохимъ: не разбирался въ налогахъ, пеняхъ, когда городѣ посѣтила чума, тоже мужества не проявилъ — убѣжалъ въ свой замокъ Монтенъ и трехлѣтнее свое пребываніе на посту мэра озна-

меновалъ двумя лишь цѣнными мѣроприятіями. Однажды онъ былъ свидѣтелемъ того, какъ мальчишки уличные съ улюлюканьемъ, свистомъ, а полицейской съ нагайкой преслѣдовали молодую хорошенъкую дѣвушку. Въ чемъ дѣло? Оказалось, что дѣвушка, горничная какой-то знатной дамы, позволила себѣ надѣть башмаки, что строго запрещалось служанкамъ и вообще женщинамъ низшаго званія. Монтенъ обратился тогда съ воззваніемъ къ дамамъ города Бордо, очень обстоятельно, очень галантно доказалъ имъ, что разстояніе между ними и служанками ихъ не сократится отъ того, что плебейскія ноги тоже будутъ обуты, отечественная же промышленность отъ этого выиграетъ, оттого, что слугъ больше, чѣмъ господъ и т. д.... Теперь въ Бордо не встрѣтить ни одной босоногой горничной или кухарки. Другая, не менѣе важная реформа: во времена Монтена блудницу, уличенную въ блудѣ, сажали въ деревянную клѣтъ и спускали въ Гаронну. Женщина кричала, вопила, крики ея собирали толпу на набережной, и всегда въ толпѣ находились зрители, заинтересованные въ спасеніи этой женщины, и ее спасали. Философъ Монтенъ — «Опыты» его за вольнодумство уже тогда осуждены были римскимъ духовенствомъ (умный папа Григорій XIII-й тотчасъ впрочемъ, запретъ этотъ снялъ) — нашелъ эту мѣру борьбы съ безнравственностью совершенно нецѣлесообразной и упразднилъ ее. Веселый, благодушный король Генрихъ IV мѣроприятіе это очень одобрилъ, блудницамъ же было предложено оправдать какой нибудь общественной, государственной полезностью дарованную имъ милость. Онъ оправдали ее — вылѣли изъ своей корпораціи пѣвунь, плясунь, развлекавшихъ заморскихъ, торговыхъ гостей, которые ихъ искусства ради задерживались въ Бордо дольше, чѣмъ требовали дѣла ихъ, и тутъ же оставляли вырученное за сбытые товары золото.

Эти эпизоды, кажется, не входять въ школьную программу исторіи и географіи. И врядъ ли изъ учебниковъ тоже можно узнать о первой встрѣчѣ въ Бордо Тальена съ Терезой Кабарю, о встрѣчѣ, рѣшившій день 9 Термидора. Не влюбись Тальенъ въ Терезу Кабарю, не попади она въ тюрьму, не томился бы Тальенъ въ этотъ знаменитый день тоской и страстью, не свергнуль бы онъ въ тотъ день Робеспьера, и кто знаетъ, быть можетъ, статуя Робеспьера стояла бы теперь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ полагается стоять статуямъ жирондистовъ, которыя, впрочемъ, тоже не стоять...Ихъ не успѣли придать къ памятнику свободы, поставленному въ 1894 г. на краснай широкой площади Пяти Рядовъ, а тамъ, очевидно, уже не до нихъ было... Быль тутъ другой памятникъ, превосходный, судя по стариннымъ гравюрамъ, памятникъ Наполеону, но въ первые же дни Реставраціи недавніе пламенные бордосскіе бонапартисты сбросили статую въ Гаронну. Теперь, вмѣсто нея, на шумномъ, нарядномъ проспектѣ Турни памятникъ павшимъ на послѣдней войнѣ, памятникъ банальный и невыразительный, какъ штампъ.

«Бурдигала» — что на какомъ то языкѣ означало рынокъ — большій міровой рынокъ и теперь, съ преобладающими въ уличной толпѣ, въ кафе, въ ресторанахъ южными, смуглыми, рѣзкими лицами, звуками испанской и гортанной арабской рѣчи въ уличномъ говорѣ.

Но имѣются тутъ и не для историковъ, не археологовъ, не политиковъ милыя сердцу воспоминанія. Здѣсь жила Марселина Дебордъ-Вальморъ. Неудачница въ любви, милая Марселина, оцѣненная и вознесенная уже послѣ смерти, вдохновлявшаяся только жалостью и любовью, писавшая о любви и о дѣтяхъ — неувядаемы и несравненны ея стихи о дѣтяхъ и для дѣтей, — жалѣвшая Беранже, брошенного въ тюрьму Пейроннѣ, реакціоннымъ министровъ Карла X-го, и жалѣвшая Пейроннѣ за то,

что онъ бросилъ въ тюрьму Беранже — прожила подъ этимъ дождливымъ небомъ Бордо много лѣтъ. Играла въ труппѣ Сюзанны Латани, директрисы Большого Театра, тяжко нуждалась и когда попросила однажды 50 франковъ аванса, получила отъ директрисы вмѣсто аванса пощечину: «Въ ваши годы не просятъ авансовъ».

Франческо Гойя, очутившійся въ Бордо эмигрантомъ — испанскимъ бѣженцемъ — не плѣнился ни однимъ заказомъ изъ многихъ, посыпавшихся на него градомъ и написалъ въ бытность свою въ Бордо только портретъ тихой, всегда грустной, нѣжной Марселины.

Ищу книжный магазинъ ея подруги Сесиль Реми, гдѣ она получала книги даромъ — денегъ не было, чтобы покупать. Я нахожу этотъ домъ — ном. 57 на Бульварѣ Интенданства. Но, увы! Ни Сесиль Реми, ни Марселины — никакихъ слѣдовъ. Корсетный нарядный магазинъ съ громадной, зеркальной витриной, по которой хлещетъ, повидимому, никогда не прекращающейся въ Бордо дождь... Такъ же вотъ лиль онъ, не переставая, и въ дни, когда посѣтила городъ Екатерина Медичи, и она отомстила негостепріимному небу шуткой, вошедшей въ исторію, но столь непристойной, что повторить ее нѣть рѣшимости...

ЗВЕЗДА МАДРИДА

Въ этомъ городкѣ Либурнъ, въ сорока минутахъ отъ Бордо, исторія будто-бы такъ когда-то куралесила, что если бы всѣ ея выходки увѣковѣчить памятниками, то памятниковъ было-бы тутъ больше, чѣмъ домовъ.

Такъ утверждаютъ уполномоченные исторіи, и вѣрится съ трудомъ. Даже не вѣрится вовсе. Ни тому, что теперь Либурнъ ведеть оживленную торговлю, что поѣзда и суда ежедневно увозятъ тысячи литровъ вина, что испанскіе, итальянскіе, германскіе виноторговцы пріѣзжаютъ сюда на дѣловыя свиданія съ винодѣлами Жиронды. Здѣсь Гаронна протекаетъ, грязнѣйшая, неживописнѣйшая въ Европѣ рѣка. Въ это не вѣрить нельзя — очевидность.

Цѣлыхъ два часа бродила я по скучнымъ, пыльнымъ, безличнымъ улицамъ, и въ памяти, какъ назойливо пристающій иногда припѣвъ, болталась одна фраза: «Тамань — прескверный городишко».

Никакіе историческіе труды и описанія Жиронды не убѣдятъ меня въ томъ, что въ этомъ «прескверномъ городишкѣ» что-то когда-то происходило и что-то происходитъ теперь. Одинъ изъ тѣхъ городовъ, гдѣ «никогда ничего не случается». Въ двухъ книжныхъ лавченкахъ неинтересное старье, въ витринахъ модныхъ магазиновъ новинки позапрошлаго сезона, женщины безвкусно одѣты, у мужчинъ за столиками въ кафе, за прилавками въ магазинахъ унылые лица, и частые,

широкіе з'вки дѣлають ихъ похожими на орангутан-
говъ. ^

Но вотъ вниманіе мое привлекла яркая афиша на дверяхъ кинематографа. На ней была изображена дѣвушка въ испанскомъ костюмѣ, съ кастаньетами, съ розой въ зубахъ. Очень красивая, очень молодая, гра-циозная, какъ всѣ танцовщицы на афишахъ, наклеиваемыхъ на двери кинематографовъ. Но смотрѣла я на нее долго: очень уже забавно и трогательно было несоотвѣтствіе банально пестраго костюма, банально страстной вызывающей позы съ лицомъ дѣвушки, совсѣмъ не испанского типа. Круглое, нѣжное, съ ямочкой въ подбородкѣ, съ робкими, испуганными, какъ будто глазами. А у маленькихъ ножекъ въ зеленыхъ туфелькахъ подпись: «Звѣзда Мадрида» — и шрифтомъ мельче біографическихъ подробности: «семнадцать лѣтъ, только что вернулась изъ триумфального турне по Америкѣ, въ Либурнѣ, уступивъ просьбамъ дирекціи, въ теченіе недѣли будетъ выступать въ своихъ знамени-
тыхъ испанскихъ танцахъ съ кастаньетами.

Къ стилю дирекціи жители Либурна, повидимому, привыкли: у кассы не было ни души. Реклама не дѣйствовала.

Налюбовавшись на Звѣзду Мадрида, я пошла разыскивать по даннымъ мнѣ знакомыми адресамъ часо-выхъ дѣлъ мастера и магазинъ, где надо было купить багетъ для рамки. Оба магазина оказались запертыми. Въ сосѣднихъ лавкахъ объясняютъ: евреи, и не торгуютъ въ этотъ день, самый важный въ году — «судный день».

Узнаю тутъ-же, въ москательной лавкѣ, что въ этомъ городишкѣ нѣсколько десятковъ еврейскихъ се-
мействъ и «тампль жвиѳъ», построенный на средства мѣстныхъ еврейскихъ богатѣевъ: Лопезъ, Перейра, Гон-
залезъ, Гондарра, Монтецца, Нунезъ.

Звучныя имена! Выходцы, стало быть, изъ Испаніи,

до которой отсюда часа три, четыре ъзы. И вдругъ этотъ «тампль жвифъ» въ Либурнѣ — сколокъ съ знаменитыхъ своей красотой еврейскихъ храмовъ въ Кордовѣ, въ Толедо. На улицѣ Стараго Рынка, куда послаль меня москательщикъ, никакого «тампля» не оказалось. Булочница на этой улицѣ и барышня въ табачной лавкѣ посовѣтовали мнѣ пойти къ городскому саду, за которымъ въ небольшомъ переулочкѣ долженъ былъ быть какой-то «тампль» — протестантскій или еврейскій, онѣ точно не знали, и тамъ-ли еще онъ, тоже ручаться не могли. Въ переулочкѣ за убогимъ городскимъ садомъ я «тампля» не нашла, но нашла городового, единственнаго, какого привелось мнѣ видѣть въ Либурнѣ.

Порывшись въ засаленной, растрепанной книженкѣ, онъ даже покраснѣлъ отъ удовольствія, что могъ услужить чужестранкѣ, и направилъ въ другой конецъ города, на улицу Ламотъ.

На улицѣ Ламотъ, съ ухабистыми тротуарами, съ плохенькой мостовой, скучными слѣпыми домами, ни одного зданія, сколько нибудь похожаго на храмъ, я не нашла.

И хотѣла уже было, скрѣпя сердце, повернуть къ вокзалу, когда вниманіемъ, съ какимъ я вглядывалась въ стѣны домовъ, заинтересовался проходившій мимо почтальонъ.

— А! Да передъ вами-же... Въ номерѣ 17-омъ. Во дворѣ...

Осторожно открываю сѣрыя, старыя ворота и отшатываюсь изумленно назадъ: навстрѣчу мнѣ густой паръ и брызги мыльной пѣны.

Прачешная? Браню мысленно услужливаго почтальона и пячусь назадъ. Но здоровый, сочный, добродушный смѣхъ удерживаетъ меня въ воротахъ.

— Ну, чего же вы испугались?... Войдите! Вѣмъ кого?

За широкимъ фасадомъ черноволосой женщины я успѣла уже разглядѣть другой фасадъ — полукруглого, небольшого каменного зданія, непонятныя мнѣ письмена на фронтонѣ, а подъ ними другую надпись, понятную, по французски: «Спѣшите, спѣшите, въ храмъ Господень».

Женщина за огромной лоханью утвердительно спрашивала и сокрущенно оправдывалась: «Вы тоже въ тампль? Да? Подумайте, развѣ я бы затѣяла сегодня стирку, если бы мнѣ сказали... Такая непрѣятность! А они, вѣрно, всѣ уѣхали въ Бордо молиться, какъ въ прошедшемъ году...»

«Они», — выяснилось, — были либурнскіе евреи, а «тоже» оттого, что въ храмѣ уже кто-то былъ.

— Барышня какая-то... Не здѣшняя. Войдите! Вдвоемъ все таки пріятнѣе...

Только глубокой ночью, когда въ одинокомъ домѣ человѣкъ перебираетъ скорбныя свои воспоминанія, да еще въ могильномъ склепѣ, развѣ, можетъ быть такая тишина, какая была въ этомъ странномъ храмѣ, непохожемъ ни на одинъ изъ безчисленныхъ храмовъ, видѣнныхъ мною въ моихъ скитаніяхъ.

Голыя стѣны мягко - янтарного цвѣта, узкія, матовыя окна, съ готическими заостреніями, какъ въ католическихъ церквяхъ. Ни стульевъ, ни амвона. Высоко, подъ самыи куполомъ, темный щитъ Давида, подъ нимъ завѣшенная чернымъ ниша — хранилище Торы. Направо отъ него другая ниша, меньше и въ ней золотыми буквами выведенныя имена жертвователей - строителей храма. Я слышала ихъ уже въ москательной лавкѣ: Гонзалезъ, Переяр, Нунэзъ и др.

Посрединѣ, за накрытымъ темнымъ сукномъ узкимъ, высокимъ столомъ съ однимъ восьмисвѣтникомъ изъ старого, тяжелаго серебра — стояла спиною ко мнѣ дѣвушка. Тоненькая, стройная, въ темно-зеленомъ пальто и такого же цвѣта шляпкѣ..

Она не пошевельнулась, не повернула головы въ мою сторону, не подняла глазъ отъ молитвенника, лежавшаго передъ нею. Это было мѣсто священнослужителя, гдѣ она стояла, нарушая законъ: въ еврейскихъ храмахъ женщинамъ отводятся мѣста на хорахъ, или за перегородкой, далеко отъ амвона. Дѣвушка молилась безмолвно, покачивая время отъ времени головой, скорбно, почти по старчески, и, когда выпрямилась, ударила себя маленькимъ розовымъ кулачкомъ въ грудь и торжественнымъ, глубокимъ шопотомъ молвила начальное слово молитвы покаянія, я увидѣла лицо ея въ профиль. Нѣжный, милый, юный и мнѣ знакомый. Словесъ какои-то близкій, совсѣмъ свѣжій въ памяти...

Тогда лишь рѣшилась я сдѣлать шагъ, другой, и тотчасъ подтвердила мелькнувшая у меня и показавшаяся мнѣ нелѣпой догадка. — Это была дѣвушка съ только что видѣнной афиши, «Звѣзда Мадрида». Сомнѣній быть не могло. Тѣ же тихіе, испуганные глаза, та же ямочка, та же непередаваемая словами «музыка лица».

Еврейская дѣвушка, быть можетъ, и не испанка во все, на гастроли съ кастаньетами занесенная въ этотъ тоскливыи городокъ, въ этомъ странномъ пустомъ храмѣ, гдѣ она была и паствою и пастыремъ, — съ этимъ печальнымъ, вдохновеннымъ лицомъ.... «Звѣзда Мадрида!»...

ЗВЪРИНЕЦЪ БР. ИВАНОВЫХЪ

Шумъ зеленой, быстрой Нэзъ, бѣгущей изъ Пиреней, заглушенъ барабаннымъ боемъ. Широкіе въ красныхъ, лиловыхъ и желтыхъ листьяхъ платаны на площади мэріи заслонены огромными грязно-сѣрыми фургонами. На снѣжныя вершины Пиреней въ золотыхъ киверахъ никто не смотритъ.

Все населеніе деревушки Ганъ на улицѣ. Высшій классъ — булочница, сапожникъ, мясникъ, зеленщица и парикмахеръ — въ дверяхъ своихъ магазиновъ.

Событие, не часто обрушающееся на эту маленькую, тихую деревушку: циркъ... У рослого рыжаго барабанщика съ грязно-торчащими, будто изъ мѣди отлитыми усами одинъ помощникъ свой — маленький, щуплый, малиновый, робкій, испуганно-вздрагивающій при каждомъ его выкрикѣ. А впереди помощники добровольцы — мѣстная крестьянская дѣтвора. Шумная, возбужденная, грязная, сопливая орава. Малиновый человѣчекъ въ широкомъ, не по его головѣ черномъ беретѣ, съѣзжающемъ ему на уши и затылокъ, только, только успѣваетъ толкнуться въ воздухъ желтой афишкой — нѣсколько паръ красныхъ рученокъ уже вырываются изъ робкихъ его пальцевъ и передаются дальше, другимъ, прохожимъ, встрѣчнымъ. Одинъ такой листокъ, полу-смятый, надушенный лукомъ и чеснокомъ, попадаетъ и ко мнѣ.

Афишка подтверждаетъ, обстоятельнѣе лишь, ли-

тературнѣе, то, о чёмъ подъ бой барабана ореть барабанщикъ.

«Циркъ братьевъ Ивановыхъ. Величайшіе укротители нашей эпохи, братья и сестры Ивановы, въ безстрашныхъ схваткахъ съ дикими хищниками» и т. д. Мелкимъ шрифтомъ примѣчаніе: «Если у кого изъ жителей не-нужный, старый осель, то дирекція съ удовольствіемъ его купить».

Ивановы... Соотечественники? Здѣсь, въ этой пиренейской глухи?

Ровно въ половинѣ девятаго, какъ наказано на афишѣ, отправляюсь на праздникъ родного искусства. Уже у кассирши, черноокой, чернокудрой, внушительной, освѣдомляюсь: «Ивановы — рюссы?» На что получаю широкую, любезную улыбку, билетъ въ первомъ ряду, подтвержденіе «рюссы, рюссы», и уже вдогонку, когда меня оттѣснили напиравшіе сзади, — поясненіе: «Предки...».

Предки? Какъ это понять? «Величайшіе укротители нашей эпохи», — значить потомки предковъ, которые были русскими? Но развѣ потомки не сохраняютъ расовыхъ, національныхъ черты своихъ предковъ? Или... И отчего такъ весело и хитро улыбалась кассирша?

Въ сердце мое вползъ уже червь сомнѣнія. Пробираюсь подъ брезентовый навѣсъ, въ первый рядъ, съ этимъ червякомъ, подтачивающимъ мой патріотическій пафосъ, но съ твердымъ рѣшеніемъ: первого же брата Иванова, или сестру Иванову, какую удастся поймать въ антрактѣ, остановить и спросить: кто предокъ, кто потомокъ, сохранили ли живую связь, поговорить по русски, и уйти домой.

Послѣдній актъ намѣченной программы улыбался мнѣ особо... Представленіе еще не начиналось, но уже изъ звѣриныхъ клѣтей, изъ рядовъ публики, съ земляного пола струились ароматы, какіе одолѣвать не всякому дано... Бодрюсь, настраиваюсь и пока что знаком-

люсь съ звѣрями. Двѣ пятнистыхъ гіены, пантера, россомаха, два льва, львица и два сѣреныхъ, смѣшно трусящихъ по своей клѣти звѣрька, которыхъ герольдъ, днемъ скликавшій на представлѣніе барабаннымъ боемъ, называетъ норвежскими волками и аттестуетъ «сказочно жестокими». Львы, одинъ старый, важный, презрительно-равнодушный, лежалъ и громко сопѣлъ. Другой, помоложе, то вставалъ, то ложился, изгибалъ надменно хвостъ, вскидывалъ высокомѣрно голову, и короткимъ, негромкимъ рыкомъ проявлялъ свое нетерпѣніе. Когда его выпустили въ эстрадную, широкую клѣть вмѣстѣ съ львицей, они радостно облобызались и, къ великой потѣхѣ публики, запрыгали, не какъ цари пустыни, а какъ молодые телята. И тогда грозный окрикъ пресѣкъ начинавшійся скандалъ: «Ольга! Ванка!». Откуда то, между зрителями и зарѣщетенной эстрадой, появился укротитель, одѣтый ковбоемъ, небольшой, сухой, въ широкополой шляпѣ, закрывавшей ему лицо. Но звѣри, укрощавшіеся имъ, носили русскія имена: «Ольга! Ванка...». Уже почти не оставалось сомнѣній въ томъ, что это только потомокъ Ивановыхъ: предокъ, навѣрно, сказалъ бы: «Ванька», а не «Ванка...».

Однако, выждавъ удобное мгновеніе, подхожу и спрашиваю: «Рюссы?». Величайшій укротитель нашей эпохи не понялъ сразу. Пришлось повторить, и пока повторяла, узкіе, плутоватые, черные глаза подъ ковбойской шляпой щурились, припоминали, придумывали, и сиплый голосъ, на французскомъ языкѣ, на какомъ говорять въ Марсель, въ Провансѣ, отвѣтилъ: «О, предки, давно...».

Мошенникъ! И предковъ русскихъ не было у него, никогда, ни въ какой давности. Ивановъ, узнала я на другой день, былъ такой русскій укротитель звѣрей, дѣйствительно, «величайшій укротитель нашей эпохи», но давно переманилъ его изъ Франціи Гагенбекъ въ Гамбургъ, и славнымъ его именемъ пользуются всѣ бала-

ганные, ярмарочные укротители на всемъ югѣ Франціи и въ Испаніи, куда проникла тоже слава подлиннаго Иванова.

Самозванный Ивановъ выступалъ одинъ безъ братьевъ и сестеръ, которыми, повидимому, обзавестись труднѣе, чѣмъ предками... Укрощаѣлъ безобиднаго, добродушнаго стараго льва и рѣзвую, шаловливую Ольгу, кор-милъ сахаромъ изъ своихъ губъ смѣшную, проворную сластену-рассомаху, — генъ и пантеру, злыхъ страшныхъ, — не обезпокоилъ, а укрощеніе сказочно-жестокихъ норвежскихъ волковъ, оказавшихся премилыми, ловкими, воспитанными свѣрьками, поручилъ блѣдному, рахитичному мальчику, въ красной косовороткѣ и широкихъ, черныхъ шароварахъ. Мальчикъ окрикивалъ звѣрюшекъ тоже по марсельски, но позади меня двое молодыхъ людей въ черныхъ беретахъ, признали въ немъ не только русскаго, но даже — «О, какой маленький большевикъ!».

И сосѣдки ихъ, темнолицая женщины въ черныхъ косынкахъ, не спрашивали объясненій. Кивали головами, соглашались: слово большевикъ здѣсь знакомое слово... Надѣть тѣмъ, какъ попалъ «маленькой этотъ большевикъ» въ укротители бродячаго цирка, задумываться некогда... Поважнѣе заботы. Сосѣдка моя съ правой, сосѣдъ съ лѣвой стороны — зеленщица, зеленщикъ мѣстные, предлагаютъ мнѣ яблоки, орѣхи. И ссылаются на X. — русскію фамилію называютъ: «Тоже наши покупатели... изъ за большевиковъ изъ Россіи уѣхали, пансионъ здѣсь открыли, — хорошие господа...».

Про русскихъ, тоже «хорошихъ господъ», разсказываетъ мнѣ на другой день и табачный торговецъ, продающій мнѣ газеты. У этихъ ферма, гдѣ-то недалеко отъ Гана, и еще выше въ Пиренеяхъ тоже русскіе что-то разводятъ, что то сѣютъ, сажаютъ...

Звѣринецъ бр. Ивановыхъ уже снялся съ площади меріи, и не заслоняютъ больше безобразные фургоны

достопримѣчательности деревушки: старинную тюрьму съ двумя окошечками на цѣпь Пиреней, и поэтическую рѣку Нэзъ, тюрьму, служащую уже вѣка украшеньемъ пейзажа, да еще милый, будто съ иллюстраціи къ старой балладѣ скопированный, домикъ мѣстнаго врача. Въ этомъ домикѣ жила когда то Прекрасная Коризанда, возлюбленная Генриха IV, выросшаго въ этой части Пиреней, нѣкогда Беарнѣ, и снабдившаго ее на долгіе вѣка легендами, былями и анекдотами изъ своей богатой, пестрой, занятной жизни.

«Генрико нусте», — что на мѣстномъ беарнскомъ діалектѣ значить — Генрихъ нашъ, — долго еще будетъ народу тутъ любезенъ, и не только знаменитой курицей въ крестьянскомъ горшкѣ...

Ни климатъ Пиреней, ни чудесный пейзажъ, ни цѣлебные источники не создали этому краю такой рекламы, какъ этотъ добрый, веселой памяти король...

НА РОДИНЪ ДОБРАГО КОРОЛЯ ГЕНРИХА

Читать хорошия книги о посѣщаемыхъ впервые странахъ и городахъ не только полезно. Большинство туристовъ это подчасъ утомительное занятіе предоставляетъ любителямъ, иные бродятъ по міру, скучая, какъ скучаютъ дома, другіе довольствуются тѣми крохами, обѣдками знанія, которые подаютъ имъ путеводители и гиды. Книгами, старыми рукописями, полуистлѣвшими хрониками, подготавлиющими къ путешествію, не гнушились и большие поэты: Гейне, напримѣръ, или Жакъ Деллиль. Этотъ именитый французскій эмигрантъ на каждомъ этапѣ своего эмигрантскаго кочевья по Германіи, Швейцаріи находилъ въ книгахъ воспоминанія, оживлявшія стѣны, среди которыхъ онъ бродилъ. Любопытство, но высокаго порядка.

«Домъ, камень, руина, воспроизведенные, поясненные на печатныхъ страницахъ — писаль Деллиль — приближаютъ меня не только къ прошлому, но и къ тѣмъ, что дышать, двигаются, говорять среди этихъ стѣнъ и какую-то вязь плетутъ съ тѣми, кому память о себѣ оставлять живущіе теперь среди чужихъ мнѣ оградъ».

Бѣдные, бѣдные туристы — послушать только, какъ сервируетъ имъ гидъ замокъ королей Наваррскихъ и Беарна въ миломъ городѣ По. Суетливый, юркій, съ вороватыми глазами онъ прежде всего сообщаетъ имъ, что видѣлъ изъ оконъ дворца на снѣжную цѣпь Пиренеевъ и широкую, быструю рѣку По — великолѣпнѣй. Увѣрив-

шись, когда по командѣ его они повернули головы къ окнамъ, въ томъ, что съ мнѣнiemъ его они согласны, онъ переходитъ къ исторіи. Невѣжество его такъ откровенно и безстыже, что даже три пожилыхъ англичанки, осматривающія замокъ оттого, что «такъ надо», и нѣсколько американцевъ — оттого, что осмотръ замка — въ программѣ, составленной для нихъ Кукомъ, время отъ времени, не очень часто, впрочемъ, недоумѣнно поднимаютъ брови и перешептываются. А коренастый, похожій на Бріана, французъ со скромнымъ, застѣнчивымъ юношемъ — учитель, повидимому, съ воспитанникомъ, тотъ выразительно пожимаетъ плечами и ворчитъ.

Гидъ не смущаясь, скользитъ глазами по туристамъ, по платью, по кольцамъ на ихъ пальцахъ, предопредѣляя чаевые, и выкрикиваетъ: «Экранъ, вышитый Жанной д-Альбрѣ; спальня королей Наваррскихъ; мебель эпохи Людовика XIV-го; столъ съ мозаикой изъ агата и порфира, подарокъ Бернадотта, шведскаго короля Карла-Іоганна...»

Столъ красивъ. Англійскія, американскія головы разглядываютъ его долго. То, что беарнскій адвокатъ, уроженецъ По, командующій республиканской арміей, потомъ соратникъ Наполеона, призванъ былъ править Швеціей и Норвегіей въ 1810-мъ году, а Генрихъ IV-й, которому онъ этаотъ столъ подарилъ, убить былъ Равальякомъ въ 1610-мъ году, ихъ эстетическому упоенію не мѣшаетъ. Но французъ съ тихимъ мальчикомъ уже далеки отъ туристовъ и гида. во второмъ залѣ, я еще дальше — въ третьемъ. Въ этомъ очаровательная реликвія: скорлупа огромной черепахи, служившая колыбелью Генриху IV-му, когда объ его грядущей роли въ исторіи Франціи не помышляла даже его мать, умная, смѣлая Жанна д'Альбрѣ. Очень, вѣроятно, неудобно было въ этой скорлупѣ здоровому крѣпышу, но, быть можетъ, входило это лишеніе комфорта въ педагогической планѣ

этой исключительной для своего времени женщины, матери и народоправительницы.

Будущій король Франціи росъ въ деревнѣ, съ крестьянскими дѣтьми, одѣвался, питался, какъ они, ходилъ въ школу съ ними, крѣпко, сочно ругался, говорилъ на мѣстномъ діалектѣ, въ десять лѣтъ умѣлъ, какъ его деревенскіе ровесники, запрягать, осѣдлать лошадь, удить рыбу, ловить чижей, воровать яблоки изъ чужихъ садовъ и раздѣлялъ со сверстниками то, что влетало имъ за проказы.

Недалеко отъ моей деревушки Гань въ нѣсколькихъ километрахъ отъ По, небольшой виноградникъ при не-затѣйливой усадебкѣ. Виноградникъ, именуемый «веселымъ» — историческій или такимъ сдѣлала его вѣрная Жаннѣ д-Альбрѣ и Генриху IV-ому народная память, связавъ съ нимъ милое преданіе. Очень крѣпкое вино давалъ когда-то холмистый клочекъ земли и виномъ этимъ поила Жанна д-Альбрѣ сына, «дабы не былъ онъ плаксивъ и всегда твердъ и бодръ духомъ». Сейчасть копается на этой землѣ сѣдой, съ темнымъ чеканнымъ лицомъ, беарнецъ въ деревянныхъ сабо, въ кругломъ черномъ беретѣ, такомъ точно, какіе носили здѣсь, когда Генрихъ IV-ый, уже присоединя свою на три четверти протестанскую родину къ католической Франціи, увѣрялъ своихъ земляковъ: «Я присоединяю Францію къ Беарну, а не Беарнъ къ Франціи». — Сторожъ вспомившаго Генриха IV-го «веселаго виноградника» плохо говоритъ по французски, пріѣзжающіе изъ Парижа для него иностранцы и противъ Франціи у него зубъ: она отняла у него сына, погибшаго подъ Верденомъ. Гдѣ это, онъ плохо себѣ представляеть, но у меня, случайной собесѣдницы, разспрашивается долго: видны ли тамъ Пиренеи, какъ съ порога этого дома, и такъ же ли грѣеть тамъ ноябрьское солнце, какъ здѣсь. Когда въ бесѣдѣ нашей всплываетъ имя Генриха IV, старикъ говоритъ,

и даже не въ прошедшемъ времени: «Хорошій парень. Оставался бы тутъ, ужъ навѣрное бы. .».

Онъ не договорилъ, но понятно было безъ словъ: оставался бы «лу буоне Генрико» въ Беарнѣ и не было бы въ двадцатомъ вѣкѣ войны съ Германіей... Какъ дважды два...

Отчего такъ свѣжа еще въ Беарнѣ память этого короля, имя которого обычно воскрешаетъ въ памяти лишь слова о курицѣ въ крестьянскомъ горшкѣ, слова, которыхъ онъ никогда не произносилъ?

Русскій туристъ, графъ Орловъ, въ 1822 году объѣздившій всю Францію, въ одномъ изъ собранныхъ въ три тома увлекательнѣйшихъ и содержательныхъ писемъ къ своей двоюродной сестрѣ графинѣ Софіѣ Страсгановой, возмущается тѣмъ, что въ одной части дворца, въ По помѣщается тюрьма. «Какое кощунство! Тюрьма, лишеніе свободы, страданіе подъ тѣмъ кровомъ, гдѣ жилъ Генрихъ IV, живое воплощеніе радости, свободы и всепрощенія?» Гр. Орловъ, очевидецъ, а, быть можетъ, и участникъ Наполеоновскихъ войнъ, не совсѣмъувѣренъ былъ въ величинѣ Наполеона, но величіе Генриха IV-го, человѣческое прежде всего, не монаршье, было для него несомнѣнно. Спустя сто лѣтъ къ такому заключенію пришелъ французскій историкъ Пьеръ де Весьерь, выпустившій недавно отличную, увлекательнѣе всякаго романа, книгу въ шестьсотъ страницъ: «Генрихъ IV-ый». «Онъ былъ великій король оттого, что онъ былъ большой и необычайно одаренный человѣкъ».

Патріоты своей живописной родины, деревенскій учитель, кюре, сельскій врачъ, беарнцы, не дѣлающіе политической карьеры и не домогающіеся депутатскихъ мандатовъ обращаютъ вниманіе прѣѣзжихъ на статую Людовику XV въ По. О надписи на памятникѣ, которой гордятся современные беарнцы, упоминаетъ въ своихъ письмахъ и графъ Орловъ. Не больше, не менѣе: «Внуку нашего доброго Генриха». Все, чѣмъ могъ Беарнъ

почтить *le prince charmant*. О королевской черепа ховой колыбели въ тѣхъ же письмахъ графа Орлова подробности ярче, лучше изложенные, чѣмъ у французскихъ историковъ Беарна. Графъ Орловъ злоключенія этой колыбели разсказываетъ, впрочемъ, со словъ коменданта дворца, полковника Эспалунга, занимавшаго эту должность и въ годы якобинской власти. Когда въ департаментъ Беарнъ въ главный его городъ По командированъ былъ для водворенія революціоннаго порядка нѣкій Монестѣе, до революціи преданный трону кюре въ Оверни, то первое свидѣтельство революціоннаго рвенія, какое онъ потребовалъ отъ беарнцевъ, было уничтоженіе дорогой имъ реликвіи. На революціонномъ празднествѣ толпа, настроенная Монестѣе для этого патріотическаго подвига, уничтожила королевскую колыбель. Не подлинную, однако, а оказавшуюся у одного изъ жителей По имитацио черепашней скорлупы. До первыхъ дней реставраціи настоящая хранилась въ подвалѣ у столяра Саффора. Столяръ этотъ тайно исповѣдывалъ религію своихъ предковъ, протестансскую, отъ которой когда - то политики ради, изъ государственныхъ соображеній отрекся Генрихъ 1У-ый, изъ усть Кальвина друга и духовника его матери, получившій первыя наставленія въ вѣрѣ.

Въ дни Жанны д-Альбрэ По называли «маленькой Женевой» — *Cette petite Genève de Pau* — такъ значительно было въ ней преобладаніе протестантовъ надъ католиками. Въ настоящее время послѣ всѣхъ войнъ, пронесшихся грозами надъ страной во имя преобладанія католиковъ надъ протестантами, на четыре католическихъ храма — три протестантскихъ, въ часы службы переполненныхъ молящимися.

Но парящій надъ городомъ дворецъ, много разъ перестраивавшійся, безъ большого искусства реставрированный, слишкомъ нарядный, слишкомъ парадный,

врядъ ли похожъ на пуритански-строгую обитель Жаны д-Альбрэ, осуждавшей излишества и роскошь.

Изъ реликвий историческихъ, какія показываютъ здѣсь, многія тоже сомнительной подлинности, а прошлое этого края, исторія его интересны чрезвычайно. Нигдѣ, быть можетъ, не сохранило прошлое такой связи съ настоящимъ, какъ въ этомъ краю. Словно людямъ отпущенъ былъ сразу и авансомъ надолго огромный зарядъ вѣры, героизма, фантазіи, удали, жизненности, кипучести, веселья, юмора, страсти и вотъ — вѣка, вѣка прошли, а понынѣ еще питаются этимъ запасомъ...

ЗНАТНЫЙ ГЕРБЪ.

По серебристому полю — воль. Рогатый; крѣпкій, знающій себѣ цѣну. Или на такомъ же свѣтломъ фонѣ — корова. Почтенная, широкая, тяжелая — матрона!

Это гербъ большинства городовъ въ Нижнихъ Пиренеяхъ. Символь интересовъ, какими живеть край, сохранившій любопытнѣйшія черты республики землепашцевъ, скотоводовъ, пастуховъ, какимъ былъ десять-двѣнадцать вѣковъ тому назадъ.

На иныхъ гербахъ пояснительные символы. Въ деревушкѣ Ганъ, гдѣ я живу, на гербѣ, кромѣ коровы, еще двѣ мозолистыхъ, широко-распластанныхъ руки.

А въ Олоронѣ-Сентѣ-Мари, бѣло-синемъ, почти итальянскомъ городѣ, межъ двухъ зеленыхъ горныхъ потоковъ, — надъ очень рѣшительного дѣловитаго вида рыжеватымъ, гладкимъ, опрятнымъ быкомъ — темно-красный крестъ. Этотъ небольшой городокъ, не вмѣщающей теперь и десяти тысячъ населенія, былъ когда-то и епископствомъ и графствомъ. Духовная власть, призывающая паству къ вѣрноподданности миропомазанныкамъ, всѣми способами старалась выставить изъ Олорона миропомазанныковъ. А эти, собирая для похода ратниковъ и въ казну налоги именемъ святой церкви, — героически старались ослаблять власть церкви. А тамъ — не стало ни королей, ни властолюбивыхъ епископовъ, но остались чудесные храмы, создан-

ные руками народа и «мозгомъ народа» — его зодчими, иконописцами, рѣзчиками и ваятелями.

Почти десять вѣковъ, почти безъ реставраціи стоять здѣсь высоко надъ городомъ изумительный храмъ св. Креста. Съ византійскимъ центральнымъ куполомъ, съ алтаремъ, какъ будто перенесеннымъ изъ Испаніи, и сводами, боковыми придѣлами, напоминающими ста-риннѣйшія романскаго стиля церкви въ Оверні. Торжественный и тихій, древній и нерушимый. Какое уси-ліе духа, какими чувствами вдохновляемое творчество, можетъ вновь создать такія стѣны, такіе своды, выдер-жавшіе испытанія вѣковъ и такіе понынѣ цѣнныя, не-обходи-мые и незамѣнимы...

Рабочіе будни, но народу простого въ черныхъ бе-ретахъ, въ черныхъ косынкахъ много, и не простого — больше женщины, тонкія, узко-лицыя, породистыя, Ине-зильи, донны-Лауры, донны-Анны — тоже немало въ часъ службы. Въ одномъ изъ мглисто - синихъ придѣ-ловъ часто стояла Жозефина Богарнѣ, жившая въ Оло-ронѣ, когда еще была молодой женой генерала Богар-нѣ, коман-дира стоявшаго здѣсь стрѣлковаго полка.

«Casa Majog» —домъ, въ которомъ жила тро-гавшая сердца, молодая, дружная чета, узкій, скверный домишко, и, навѣрно, въ Мальмезонѣ Жозефина вспо-минала о немъ безъ со-крушенія.

«Виноградъ изъ Андалузіи», «Мадридскій базаръ», «Бусы изъ Севильи» Posada espanola (испанская харчевня) — всѣ эти надписи на вывѣскахъ — бу-та-форія. Никакія испанскія бусы, ни виноградъ, ни чеп-чики, ни наивной живописи образки, несмотря на близость испанской границы, въ эту часть Пиренеевъ не проникаютъ. И весь обликъ города свѣтлаго, привѣт-ливаго, разбросанного на нѣсколькихъ холмахъ, съ узенькими улицами и широкими, веселыми площадя-ми, — скорѣе итальянскій, а не испанскій.

На мосту черезъ свѣтло-зеленый, бѣгущій пѣня-щимися каскадами Оссо, — живописная, старая, стройная женщина, легко, красиво несущая на головѣ огромный свертокъ съ воткнутымъ въ него зонтомъ, — улыбками, черными, живыми глазами, темными въ морщинкахъ руками объясняетъ мнѣ что-то, показывая на вѣду. Изъ всей ея оживленной рѣчи улавливаю лишь «У-у ну-ну, су-су, ру-ру» и что-то о святомъ Петрѣ... Это мѣстный діалектъ, который отличается отъ діалекта, на какомъ говорятъ въ По, а тотъ не похожъ на діалектъ Лурда или Тарба: — черезъ каждые десять-пятнадцать километровъ другой діалектъ. Но какой-то есть у этихъ крестьянъ Пиренейскихъ горъ и долинъ и общий языкъ. На еженедѣльныхъ большихъ и малыхъ ярмаркахъ въ ближайшемъ городѣ они кричатъ, орутъ, бранятся, дерутся, другъ другу продаютъ и, очевидно, отлично другъ друга понимаютъ...

Огорченіемъ, сожалѣніемъ, съ какимъ я слушала непонятный разсказъ декоративной женщины, заинтересовался спѣшившій черезъ мостъ сухой, длинный аббатъ съ лицомъ, отлично скопированнымъ съ Вольтера. Вѣроятно, и Вольтеръ такъ же учтиво изгибалъ станъ передъ дамами, и такъ же, вѣроятно, улыбался его, точь въ точь, какъ этотъ широкій, узкогубый, упирающейся въ частыя морщины, ротъ.

— Не понимаете?.. Это васъ не должно огорчать... Могу васъ утѣшить тѣмъ, что самъ дьяволъ (мягкій шопотокъ, изысканно свѣтскій поклонъ, очаровательная улыбка, извиненіе безъ словъ за такое сопоставленіе) — да, самъ дьяволъ съ діалектами нашими не справляется. Одинъ такъ заупрямился, что въ Байоннѣ семь лѣтъ проторчалъ, чтобы языку басковъ выучиться. За семь лѣтъ двумъ словамъ научился «Бай — да и Эзъ — нѣтъ». И что вы думаете? Лишь вышелъ изъ Байонны тотчасъ ихъ позабылъ...

Послѣ этого вступленія — оно, навѣрно, имѣло бы

успѣхъ и на виллѣ Сайдъ, на воскресныхъ пріемахъ Анатоля Франса, аббать что-то сказалъ женчинѣ «у-у, ну-ру, су-су», въ чемъ то ласково наставилъ ее, очаровательно поклонился и удалился. И тогда женщина съ усилиями, отъ которыхъ побагровѣло и залоснилось лицо, на какомъ то волапюкѣ изъ французскихъ междометій и испанскихъ собственныхъ словъ, объяснила мнѣ, что когда то на этой быстрой пѣвучей рѣкѣ случилась большая непріятность съ святымъ Петромъ. Подробности этой непріятной исторіи я узнала уже позднѣе изъ сборника мѣстныхъ легендъ и преданій. Случилось вотъ что: что бы въ дни засухи вымолить дождь у неба, жители Олоронъ Сентъ-Мари когда то погружали статую патрона города св. Петра (въ обветшавшей церкви св. Петра, теперь рынокъ) въ рѣку Оссо. Погружали, купали въ самыхъ быстрыхъ мѣстахъ стремнинѣ, пѣли *Adjuvanos* (помилуй насъ) и не успѣвали вынуть изъ воды, съ неба уже лиль дождь. Однажды обрядъ этотъ возложенъ быль на молодыхъ, выполнившихъ его съ шутками, съ прибаутками. И святой выскользнулъ изъ ихъ рукъ и уплылъ въ ближайшій городъ, Советтэръ. Жители Советтэра устроили св. Петру торжественную встречу, и въ тотъ же день густой ливень оросилъ ихъ поля. Олоронцы побѣжали въ Советтэръ за своимъ святымъ. Ну и, конечно, драка между ними и жителями Советтэра завязалась такая, что у однихъ и другихъ синяковъ, шишекъ, вышибленныхъ зубовъ не сосчитать было. Споръ завершился денежнымъ штрафомъ, выкупомъ за святого, уплаченнымъ олоронцами священникамъ Советтэра. Тѣ, впрочемъ, по товарищески подѣлили его съ причтомъ храма св. Петра, и съ тѣхъ поръ оба города живутъ въ мирѣ и согласіи...

Какое нибудь милое чудо, навѣрно, связано и съ другой, немолчно поющей въ Олоронѣ рѣкой, Аспѣ. Какъ и Оссо, сбѣгаешь она съ снѣжныхъ вершинъ въ

нѣсколько тысячъ метровъ. За этими нetaющими снѣгами уже Испанія, и черезъ эти видныя съ ступенекъ церкви св. Креста, дымящіяся синія долины шла когда-то большая военная и торговая дорога изъ Беарна въ Сарагоссу.

На звуки фисгармоніи вхожу опять въ храмъ св. Креста. Обѣдня отошла. Но какъ шумно и весело! До моего прихода толстый, круголицый, добродушный кюре, повидимому, давалъ урокъ Закона Божія облѣпившей его дѣтворѣ. Теперь онъ развлекаетъ ихъ свѣтской музыкой. И совсѣмъ какъ на концертахъ Шаляпина, слушатели подсказываютъ ему любимые номера: «Зорю», «Перекличку лисицъ», «Охотничью», «Танецъ дервишь». Кюре, улыбаясь, смѣясь, раздавая направо, налево щелчки, хлопки, нажимая педали, войлочными туфлями игралъ «Зорю», «Перекличку», «Танецъ дервишь», «Охотничью» — звучавшія совершенно одинаково, въ одномъ ритмѣ и въ одномъ ладѣ.

А когда кончилъ, и малыши, боднувъ головенками его рясу, разбѣжались, учтиво обратился ко мнѣ.

Что смотрѣла? Что видѣла? Что понравилось, и, узнавъ, что издалека я, изъ Россіи — предложилъ: разскажите тамъ вашимъ Ленинымъ, что мы и безъ революціи, безъ кровопролитій здѣсь республиканцы и даже больше... (что хотѣлъ этимъ сказать — досказать не успѣлъ). Видѣли нашъ гербъ? Знатный гербъ. Что? Быкъ — кормилецъ и товарищъ... Пойду и я, свою скотину выгонять... Мое почтеніе!

ПО ГОРАМЪ И ДОЛАМЪ

Деревушки, поселки, пригорки, долины, ущелья, имѣющіе исторію и ни въ какомъ путеводителѣ не указанные. У меня случайный, отличный чичероне, знающій въ этой части Нижнихъ Пиренеевъ каждую тропку, каждый камень.

Мѣстный деревенскій врачъ, бальзаковскій «*médecin de campagne*» специалистъ по всѣмъ болѣзнямъ, хирургъ, акушеръ, когда надо, — дантистъ, посвященный въ семейныя тайны обитателей нѣсколькихъ десятковъ деревень и коммунъ, на всѣхъ свадьбахъ, крестинахъ — почетный гость, на похоронахъ — за недосугомъ отсутствующій, нѣсколько сотъ человѣкъ называющій по именамъ и на «ты», всюду довѣрчиво привѣчаемый и радушно угощаемый. Отъ бальзаковскаго героя онъ, однако, отличается многимъ: на восемь-девять лѣтъ старше, былъ на войнѣ, знаетъ, что кромѣ Франціи, имѣются еще страны, и больныхъ своихъ обѣзжаетъ въ автомобилѣ.

Ѣдемъ съ нимъ въ старенькомъ Фордѣ сначала по шоссе, вьющемся зигзагомъ между горъ. Внезапно встаетъ, внезапно исчезаетъ panorama подъ снѣжными шапками вершинъ, неожиданно пышная, неожиданно по осеннему расцвѣченная долины или глубокія и синія, какъ ущелья.

Чья усадьба съ романтическими стражами — темными кипарисами у воротъ? Англичанина, мистера

Х. Дальше, на горѣ, словно обтянутой зеленымъ бархатомъ, большой, бѣлый, нарядный домъ. Чей? — Англичанина. Мистера З. — Въ долинѣ, красными кирпичами облицованный, съ англійского иллюстрированного журнала сфотографированный «котэджъ». И спрашивать не надо. Спутникъ мой освѣдомляеть: «Англичанки. Миссъ У».

Англичане давно облюбовали Пиренеи. По, какъ мѣсто дѣйствія романтическихъ интригъ и драмъ, со служилъ такую же службу англійскимъ романистамъ особенно романисткамъ, какъ Ривьера и послѣ открытия гробницы Тутанкамона — Каиръ. А послѣ войны, когда подешевѣли франки, вздорожали рабочія руки, и республиканскіе министры выдумали поземельные налоги, пиренейцы-собственники стали сваливать обузу собственности на обязательныхъ иностранцевъ, и сами потянулись въ Аргентину, въ Бразилію, вслѣдъ за молодыми, до войны проклинившимися за отлеты изъ вѣковыхъ гнѣздъ.

Большинство большихъ помѣстій перешло въ руки англичанъ, американцевъ, голландцевъ, старые до ма обновились, пріукрасились, стали «замками», «виллами», а пиренейцы — мелкіе собственники, арендаторы, винодѣлы, скотоводы — поглядываютъ, высмѣиваютъ новшества, чешать языки и ждутъ, когда застопнуть отъ налоговъ новые хозяева...

Отъ асфальтовыхъ шоссе отходить внизъ каменистая дорога, по которой не выдержать уже побывавшімъ въ передѣлкахъ шинамъ этого Форда. Спутникъ мой тормозить изо всѣхъ силъ. Сине-красное обѣтленное лицо съ сѣдыми усами синѣеть и краснѣеть гуще. Спускъ крутой. Того и гляди, полетимъ внизъ — колесами вверхъ.

Но обошлось благополучно. Нѣсколько десятковъ метровъ между поблѣшихъ, обвисшихъ виноградныхъ лозъ, и — стопъ. Сѣрая деревянная ограда, подобіе

какого-то затвора. Тутъ доктору надо сойти — навѣстить больного. Мнѣ домъ не виденъ. Онъ ниже. Вижу лишь молодые, куда-то убѣгающіе дубки, и по другой сторонѣ широкій, ярко-зеленый, даже не настоящій, какъ будто, а декоративный театральный лугъ, — такъ онъ зеленъ и ярокъ.

Докторъ окликаетъ дѣвушку на полянѣ. «Алиса! Ну, что у васъ?»

Дѣвушка подошла ближе. Розовая, русая синеглазая, бѣлозубая, крѣпконогая, съ хворостиной — пастораль.

— «Ничего!» «Въ воскресенье, значитъ?» Дѣвушка не отвѣтила — заполыхала. «А дружокъ?» — «Въ Поуѣхалъ покупать...» Дальше уже было непонятно. Но одно слово нѣсколько разъ повторено было, — я схватила: «сэга». Докторъ представилъ меня: «Пріѣзжая дама. Ты, Алиса, разскажи ей про «сэгу», пока я внизу буду». И Алису мнѣ: «Невѣста. Въ воскресенье — кончено. Крышка. До скораго...».

Я сѣла на раскорячившійся широкій пень, Алиса промостилась подлѣ, на камнѣ. Подошла и корова, ничего во мнѣ интереснаго не нашла, палевымъ съ грязной бородкой хвостомъ описала въ воздухѣ каллиграфической завитокъ и вернулась на поляну. Алиса начала свѣтскій разговоръ: «Американка-ли я? Гдѣ мой супругъ? Гдѣ мой шато?» Но я напомнила: сэга! сэга...» Тогда она застыдилась, склонила голову набокъ и отвѣтила речитативомъ: «Но разъ вы говорите по французски, вы, навѣрно, знаете...»

Въ концѣ концовъ, не скоро, повѣрила, однако, что я не знаю, и посвятила: женихъ ея не здѣшній, оттуда — она указала пальцемъ вверхъ — не то на небо, не то на снѣжныя горы — и оттого долженъ передъ вѣнцомъ подарки раздавать молодымъ людямъ, ея родственникамъ и односельчанамъ.

— А если бы не захотѣлъ на подарки тратиться?

Алиса захлопала рѣсницами и чуть-чуть отъ меня отодвинулась:

— Ну, какъ же? Это совсѣмъ даже невозможнo. Парни скандалъ бы устроили. И такіе пустяки: кому трубку, кому поясъ, пачку патроновъ... Когда моя бабушка замужъ выходила, такъ съ дѣдушками коммуна десять овецъ, двухъ телокъ и пятьсотъ подпорокъ къ винограднымъ лозамъ потребовала... И заплатиль...

На этнографически бытовыя темы Алиса, явно, не расположена была распространяться. Бесѣда наша приняла характеръ легкій и непринужденный.

Что больше танцуютъ въ Парижѣ: лансье или фокстротъ? Часто ли я вижу президента республики? И не очень ли смѣшна она съ косоу? На мои протесты и завѣренія, что не только не смѣшна, но... — она отвѣтила тихо, но твердо:

— Сниму, когда уѣдемъ отсюда.

Узнала дальше, что теткѣ ея двоюродной 80 лѣтъ, что она ея единственная наслѣдница и что пока тетка жива, надо имъ жить тутъ. И женихъ тоже, старому отцу въ угоду, гоняетъ скотъ по ярмаркамъ и одѣвается по здѣшнему...

Ясно было безъ словъ: Когда помретъ тетка, когда помретъ свекоръ — она срѣжетъ волосы' мужъ вмѣсто берета чернаго, надѣнетъ котелокъ, и начнется новая жизнь. Ферму продадутъ, и на той полянѣ, гдѣ она сейчасъ такъ идиллично пасла свою корову, англичане съ англичанками будутъ играть въ теннисъ.

— А вотъ и докторъ. Ну, что тетка?

— Отлично. Смотри, жениха бы у тебя не отшибла. Про «сэгу» разсказала?

Что-то онъ еще добавилъ на языкѣ мнѣ не понятномъ, и отъ чего она стала малиновой — очевидно, имѣвшее отношеніе къ предстоявшему въ воскресеніе событию, и мы поѣхали дальше. Узкой ложбиной, надѣ

крутымъ оврагомъ, крутымъ подъемомъ, — и опять каменистой проселочной дорогой.

— Сэга, — выкупъ? Ну, да — такъ и есть, — подтвердилъ докторъ. Чужаки изъ другой деревни, гдѣ уже и діалектъ нѣсколько другой и гдѣ жило когда-то другое племя. Умыкали дѣвушекъ изъ сосѣдней деревни и платили сэгу. Потомъ стала Франція единая и недѣлимая, а въ Пиренеяхъ сэга осталась. Очень просто. Иные уже въ Парижѣ побывали, уже черный беретъ на нихъ смѣшно сидѣть, но если пріѣзжаютъ на родину вѣнчаться — платить сэгу. По дорогѣ въ церковь, че-резъ всю улицу протянута красная полоса — символъ древнихъ преградъ, и лишь по уплатѣ выкупа, путь же-ниха къ невѣстѣ, поджидающей его въ церкви, — сво-боденъ.

— Ну, здѣсь я опять долженъ васъ оставить. Полю-буйтесь на этотъ домъ — ему нѣсколько сотъ лѣтъ. Прожило въ немъ нѣсколько десятковъ поколѣній од-ного и того же крестьянского рода. Но какіе уже кре-стьяне — патриціи. Только что крестьянскимъ дѣломъ изъ вѣка въ вѣкъ занимались. До конца прошедшаго. Теперь изъ трехъ сыновей — одинъ адвокатъ, другой фабриканть, третій — въ торговомъ флотѣ. Всѣ дале-ки. При больной старухѣ, моей пациенткѣ, племянница, выросшая въ Парижѣ, не умѣющая объясняться съ здѣшней прислугой, съ батраками, съ арендаторами на ихъ фермахъ. Во всемъ домѣ ни намека на современность — ни мебель, ни утварь. Все старинное, пра-пра-дѣдов-ское. Не станеть старухи, и...

Докторъ свистнулъ и пошелъ къ чернымъ кипарисамъ, за которыми стоялъ безмолвный, темносѣрый съ четыреугольными зарѣщеными окнами домъ.

Я вышла изъ автомобиля и узкой тропкой напра-вилась къ деревушкѣ, гдѣ, я знала, имѣется старинная, одна изъ стариннѣйшихъ въ этихъ мѣстахъ церковь. Несмотря на ранній еще предвечерній часъ, на улицѣ,

единственной, повидимому, не было ни души. Но гдѣ-то мычало, хрюкало, пищало, дымились трубы, скрипѣла пила, плакаль съ долгими интервалами ребенокъ. Деревня жила обычной ясной жизнью, какою живутъ во всѣхъ странахъ сотни деревень. Церковка оказалась на окраинѣ и противъ нея неизмѣнныи теперь во всѣхъ французскихъ городахъ и деревняхъ памятникъ.

Церковка съ наивными извяняніями апостоловъ на осѣвшемъ порталѣ съ старыми и, очевидно, недавно въ этотъ темно-красный цвѣтъ выкрашенными деревянными дверьми, — безхитростнымъ убранствомъ, робкими сводами, — напомнила мнѣ такие же древніе храмы въ горныхъ деревняхъ Восточныхъ Пиренеевъ. Но было въ ней что то еще невиданное мною; отдѣленная ступеньками часть храма со слѣдами столбиковъ, ограды, что ли... Отъ кого отгораживались когда-то молящіеся? Знатные отъ незнаныхъ? Имущіе отъ неимущихъ?

Ни одна изъ моихъ догадокъ не оказалась вѣрной. Отгораживались — и во многихъ пиренейскихъ церквяхъ — красивые, здоровые, храбрые, умные отъ пасынковъ природы, отъ «каго» — безобразныхъ кретиновъ, которые считались нечистыми и недостойными молиться бокъ-о-бокъ съ христіанами.

Добрая исторія дала «каго» случай отомстить за себя. Въ войнѣ съ альбигойцами, къ которымъ они примкнули, — пиренейцы не имѣли болѣе жестокихъ, беспощадныхъ враговъ, чѣмъ эти жалкіе парі, безобразные ублюдки среди гордой, красивой расы.

Уже въ сумерки, по дорогѣ домой, насы настигъ молодой человѣкъ въ темномъ свитерѣ, штиблетахъ и черномъ беретѣ. Спортсменъ и беарнскій пастухъ. Что-то онъ крикнулъ, спутникъ мой остановилъ автомобиль. Взволнованное, молодое, красивое лицо, что то о Селестинѣ, у которой «началось», и дальше — настойчивое и непонятное.

Докторъ пообѣщалъ и со всей скоростью, на ка-

кую способенъ былъ его старый, бѣдный Фордъ, пом-
чалъ меня домой.

— У Селестины «началось» — догадываетесь что. А настаивалъ, чтобы я сейчасъ, а то тетка, бабка, теща позовутъ знахарку, станутъ колдовать и испортятъ ему жену, отъ которой онъ ждетъ сына и непремѣнно этой ночью. Онъ отличный монтеръ, молодая жена его мон-
дистка — училаась въ Байоннѣ, а матери, бабки, тетки за всю свою жизнь изъ своей деревни не выѣзжали. И вдругъ такое новшество — врачъ, помогающій въ та-
комъ вотъ событіи... Семейная драма. Съ зятемъ уже полгода никто не разговариваетъ.

Утромъ я къ удовлетворенію своему узнала, что у Селестины «кончилось», и здоровый крѣпышъ при-
мирилъ всѣхъ незнакомыхъ мнѣ тещъ и тетокъ съ не-
знакомымъ мнѣ зятемъ и съ милымъ докторомъ.

ВЪ ДРЕВНЕЙ СТОЛИЦЪ БЕАРНА

Вѣрится съ трудомъ: этотъ крохотный городокъ, не городокъ даже, а деревня въ семи километрахъ отъ По, — была когда то столицей испанской теперь Наварры и французского Беарна, ареной историческихъ событій, резиденціей сувореновъ, епископовъ, называвшася не Лескаръ, какъ теперь, а Бенеарнумъ, и богатствомъ, пышностью прельстила сарациновъ, которые не полѣнились сначала ограбить, потомъ разрушить ее. И такъ добросовѣстно, что цѣлыхъ 140 лѣтъ понадобилось Бенеарнуму, чтобы отстроиться вновь. А когда отстроился къ 980 году, — то столицей Беарна былъ другой городъ, и ему уже нельзя было называться Бенеарнумъ. А отчего назвался Лескаромъ — я не знаю. Никто не знаетъ. Даже ученые историки не сумѣли поднять, какъ говорится, завѣсу надъ этой тайной прошлаго. А старались очень и строили всякия догадки, и такъ ихъ много, что приводить, пожалуй, не стоитъ...

Но какъ вездѣ, исторіи неизгладимый слѣдъ остался и здѣсь. «Нетлѣннаго въ истлѣвшемъ красота» — двѣ, три старыхъ, ни на что не годныхъ башни, обросшихъ нужной, сѣрой, цѣлесообразной новизной. скромные остатки грозныхъ когда-то крѣпостныхъ стѣнъ. Есть тутъ и подлинный «безсмертія залогъ» — зареги-стрированный, какъ національный и художественный памятникъ, храмъ. На сѣверѣ Франціи уже начинали строить въ XII вѣкѣ готические прамы — здѣсь строившіеся

храмы еще имѣли характеръ римскихъ базиликъ, гдѣ раньше и судъ творился, и обсуждались городскія дѣла.

Низкіе, широкіе своды, глубокія ниши, уютныя, теплые, гдѣ собирались люди не только для краткой молитвы, но и для долгаго бдѣнія, обособленія отъ суеты за крѣпкими этими стѣнами, вниканія ради въ священные латинскіе тексты. Подъ широкими плитами, сплошь покрытыми неразборчивыми, высѣченными въ нихъ письменами, похоронены епископы, голоса которыхъ нѣкогда внушительно звучали въ этомъ храмѣ. Давно уже, вѣрно, истлѣли кости лежавшихъ подъ этими плитами красивыхъ, гордыхъ, могучихъ, даровитыхъ повелительницъ: Жанны д - Альбрѣ, матери Генриха IV-го, Екатерины Наваррской, Маргариты Ангuleмской, совмѣщавшей въ себѣ дипломата и поэта, современниками-трубадурами названной «Маргаритой изъ Маргаритъ». — За нею числится еще одна заслуга: она будто бы своимъ «Гептамерономъ» положила начало французской порнографіи.

По плитамъ этимъ ходить не запрещается, и такъ странно видѣть и слышать, какъ шаркаютъ по нимъ черныя и желтые туфли на высокихъ и низкихъ каблукахъ...

Больше смотрѣть въ Лескарѣ нечего. Двѣ-три узкихъ улочки съ незатѣйливыми домиками, убогими лавочонками интереса не представляютъ. Подъ сѣрымъ небомъ сидѣть у развалинъ крѣпостной стѣны и любоваться на далекую равнину, которая, вѣроятно, хороша въ солнечный, теплый день, а въ декабрьскій день блѣдна и грустна, — тоже соблазна мало. До поѣзда два часа, и какъ нибудь надо ихъ использовать.

Идемъ съ спутницей моей искать кафе. Съ каждой минутой все ощущительнѣе необходимость пріюта: пошелъ дождикъ, затянули что-то унылое полуоголен-

ныя деревья. Но огромный, въ три высокихъ этажа, съ боковыми башнями домъ подъ холмомъ, на которомъ стоитъ древняя столица, привлекаетъ наше вниманіе. Передъ домомъ, похожимъ на плохо реставрированный замокъ, большая усыпанная краснымъ пескомъ поляна, на которой что-то происходит.

Вооружаемся биноклями и видимъ: группу молодыхъ людей, человѣкъ пятьдесятъ, въ синей форменной одеждѣ и двухъ военныхъ инструкторовъ въ хакки, чemu-то ихъ обучающихъ. Ясно — чemu. Военному дѣлу. Моя спутница, жена офицера, освѣдомляеть меня о неблагодарной роли этихъ инструкторовъ, когда ихъ командируютъ въ такія вотъ учрежденія — домъ, похожій на замокъ, оказался педагогическимъ институтомъ, готовящимъ преподавателей для народныхъ школъ. Молодежь, обучающаяся въ этихъ институтахъ, за немногими исключеніями, настроена антимилитаристично, къ военнымъ инструкторамъ піэтета не питаетъ, и въ угоду ей этотъ обязательный въ программѣ предметъ называется гимнастикой. Какъ бы онъ ни назывался, ведется онъ отлично, съ увлеченіемъ, и точные, ловкія, ритмичные движения этихъ стройныхъ синихъ фигуръ — зрѣлище, отъ которого мы долго не можемъ оторваться, несмотря на зачастившій дождь и на приблизившееся къ намъ небо.

Наконецъ, мы въ кафе, единственномъ, опрятномъ, не заплеванномъ, не накуренномъ, съ громкимъ, разумѣется, названіемъ «Паласъ-кафе», съ холодными стѣнами, холоднымъ поломъ и холодными kleenками на столикахъ.

Нашъ запросъ, нельзя-ли помѣститься на кухнѣ, вызвалъ на трехъ старыхъ и безобразныхъ и на одномъ молодомъ и смазливомъ женскихъ лицахъ сначала изумленіе, потомъ подозрѣніе, а затѣмъ добродушное умиленіе и согласіе.

Насъ повели, не въ кухню, однако, а въ ея преддверie... Въ комнату съ длиннымъ, узкимъ, деревяннымъ некрашеннымъ столомъ, съ узкими лавками по обѣимъ его сторонамъ и вдоль стѣнъ, съ землянымъ поломъ и о, утѣшеніе, — съ огромнымъ, невиданныхъ фантастическихъ размѣровъ каминомъ. Опадали стѣны, — каминъ этотъ, вѣроятно, обросталь новыми. Шли вѣка, — каминъ этотъ отражалъ ихъ сокрушающую поступь. Когда-то на вертелахъ, быть можетъ, жарились въ немъ бараны, телята, кабаны и олени, которые и теперь еще водятся въ окрестныхъ горахъ. Сейчасъ, между нѣсколькихъ, полѣньевъ, пристроился котелокъ съ водой, и когда вода въ немъ вскипить, мы получимъ чай. О немъ хлопочутъ всѣ четыре женщины — старыя и молодая. Кто несетъ чайникъ, кто чашки, кто аршинный хлѣбъ и большой, какъ въ мясныхъ лавкахъ, ножъ, а внезапно откуда-то выплывшей хорошенъкой, румяной, черноволосой дѣвушкѣ поручается нась занимать. Она берется за это съ явнымъ удовольствiемъ, усаживаетъ насъ у самаго камина, подъ широкiй, высокiй каменный навѣсъ, по обѣ стороны огня, сообщаеть намъ, что она не здѣшняя, въ этомъ домѣ жиличка и что, когда мы будемъ подкрѣплять себя чаемъ, она будетъ подкрѣплять себя поросячимъ вареньемъ. И дѣйствительно, ей подали большую стеклянную банку съ топленымъ свинымъ саломъ, въ которомъ чернѣли, какъ изюминки въ рисовомъ пуддингѣ, крѣпкiя, аппетитно захрустѣвшія въ ея зубахъ свиные шкварки.... Только, было, она обратилась ко мнѣ, тотчасъ же по акценту опредѣлилъ нацiональность, — съ комплиментомъ по адресу казачьяго хора, который она слышала въ «Трокадеро», — вошелъ молодой, рыжеватый, аккуратно одѣтый человѣкъ, безъ шляпы, съ очень толстымъ портфелемъ и двумя толстыми книгами. Намъ поклонился, румяной дѣвушкѣ: «А, уже за поросячимъ вареньемъ», портфель положилъ на лавку, обѣ книги

передъ собой на столъ, раскрылъ ихъ — томъ какой-то энциклопедіи и географической атласъ — и уткнулся въ нихъ. Черезъ минуту захлопнулъ Энциклопедію и атласъ. Желтый бобрикъ приподнялся какъ будто выше и изобразилъ пріятное и откровенное удивленіе. Но все-таки переспросилъ, и дважды: «Въ самомъ дѣлѣ? Русская? Оттуда, изъ Россіи?». И когда повѣриль и представился — преподаватель географіи въ двухъ классахъ, и литературы въ этомъ институтѣ, который мы созерцали съ крѣпостного вала, — тогда пересѣль поближе къ намъ и спросилъ, какъ я отношусь къ Достоевскому и Толстому. Я отвѣтила, что отношусь хорошо. Отвѣтъ мой преподавателя географіи огорчилъ и взволновалъ. Онъ даже привскочилъ, опять сѣлъ и возразилъ: «Только всего? Но вѣдь это же все. Чѣмъ бы Европа безъ Достоевского и Толстого? Или, можетъ быть, вы «ленинистка» и предпочитаете нѣмецкаго Маркса? Я успокоила защитника Достоевского и Толстого, и много занятнаго, утѣшительного узнала я, сидя у этого камина, и попивая изъ глиняной раскрашенной чашки странной окраски настой, называющейся чаемъ въ древней столицѣ Наварры и Беарна. Узнала, что французы, именующіе сбя коммунистами, чистѣйшей воды романтики, а русскіе коммунисты материалисты, гасители духа, и, стало быть, у нихъ не можетъ быть общаго языка, что французская молодежь, особенно въ провинціи, «адоптировала» Толстого и Достоевскаго, и многие по Толстому «ориентируются» въ жизни, и что онъ какъ географъ, хорошо знающій Россію, не теряетъ вѣры въ эту страну и твердо надѣется на то, что «исторія отъ большевиковъ отберетъ то, что нужно этой великой странѣ, давшей міру Толстого, а остальное отъ нея отпадаетъ».

Рыженкій преподаватель географіи оживился, попозовѣлъ, говориль уже, какъ теперь еще говорять

французы, съ пафосомъ, съ широкими жестами и нем-
ножко слишкомъ красиво...

Но надо было спѣшить на поѣздъ, и горячую его
рѣчь о Россіи, у которой «все же большое будущее»,
— такъ онъ увѣрялъ меня, — дослушала уже хорошень-
кая дѣвушка, не перестававшая уплетать ломти хлѣба
съ поросячимъ вареньемъ.

РАЗВАЛИНЫ ЛУНЫ

Во враньѣ одни лишь путеводители затмеваются календари. Взять хотя бы указаніе на эту достопримѣчательность милага маленькаго пиренейскаго городка Ортезъ — между По и Байонной.

— Гдѣ тутъ, скажите пожалуйста, развалины Луны? — Двѣ почтенныѣ женщины съ смуглыми умными лицами, въ черныхъ косынкахъ, на вопросъ мой ничего не отвѣтили. Только переглянулись тревожно и поспѣшно отошли. По тому, какъ одна скорбно качала головой, а другая смуглымъ пальцемъ постучала по своему лбу, я поняла, что мой вопросъ внушилъ имъ печальныя на мой счетъ догадки. Но въ путеводителяхъ по Пиренеямъ ясно, чернымъ по бѣлому, напечатано: «развалины Луны, гостинницы, гдѣ въ XIV-омъ вѣкѣ жилъ Жанъ Фруассаръ», любопытный человѣкъ, непосѣда, переѣждавшій изъ страны въ страну, изъ города въ городъ, всѣмъ интересовавшійся, видѣнное и слышанное запоминавшій, а на привалахъ записывавшій. И такъ занятно, мѣтко, забавно, что хрониками его пользовался такой серьезный человѣкъ, какъ Ипполитъ Тэнъ, а въ Ларуссѣ удѣлены ему, правда, лишь три строчки, но зато помѣщенъ его портрѣтъ, изображающій пріятной мужественной виѣшности молодого человѣка въ казачьей шапкѣ.

Такъ вотъ, эти развалины Луны, которая, въ концѣ концовъ, я таки разыскала — во-первыхъ, не развали-

ны, а просто — въ грязномъ дворѣ при старой грязной башнѣ старый грязный домъ, а во-вторыхъ, знаменитый исторіографъ и хроникеръ Фруассаръ здѣсь никогда не жилъ. Когда о прибытіи его въ Ортезъ — тогда самостоятельное, воевавшее съ Испаніей, Англіей и Франціей графство — провѣдалъ графъ Гастонъ де Фуа, льстивыми трубадурами прозванный Фебомъ, онъ приказалъ немедленно привести любознательнаго путешественника къ нему.

Слава Фруассара, способнаго ославить и прославить своимъ гусинымъ перомъ, была уже велика, и монархи уже старались располагать къ себѣ такихъ людей. Въ замкѣ Гастона Феба Фруассаръ прожилъ тринадцать недѣль, ъль, пиль, развлекался, развлекалъ монарха своими рассказами и сатирами въ стихахъ, а когда монархъ отдыхалъ или занимался государствен. дѣлами, коварный гость собираль о немъ справки, освѣдомлялся, гдѣ и у кого могъ, о его нравѣ, вкусахъ, о томъ, какъ относились къ нему близкіе, соратники, подданные, и — ничего отъ потомства не утаилъ. Благодаря этимъ хроникамъ — читать ихъ очень трудно: Фруассаръ писалъ по старой дореволюціонной орфографіи — стало извѣстнымъ, что Гастонъ де Фуа, воевавшій съ сосѣдями удачно, прозванный Фебомъ за красоту, которую первый же за собой призналъ, въ дѣйствительности былъ здоровенный толстякъ, обжора, подозрителъ, кровожаденъ, тщеславенъ, въ картинахъ, которыхъ покупалъ оттого, что художникамъ начинали покровительствовать болѣе монархи — ничего не смыслилъ, въ стихахъ, которые ему посвящали кормившіеся отъ его щедротъ поэты, ничего не понималъ и вдобавокъ убилъ родного сына, тихаго, робкаго мальчика, заподозрѣнаго имъ по не-вѣрному доносу въ намѣреніи отравить его.

Отъ замка-крѣпости, стоявшаго на высокомъ холмѣ надъ городомъ, отъ крѣпостныхъ стѣнъ, подъемныхъ мостовъ — остались лишь холмъ и на немъ огромная

башня, Монкадо. Та самая, гдѣ, по свидѣтельству непріятнаго хроникера, Гастонъ Фебъ пыталъ и собственноручно зарѣзаль своего сына.

Тишина на этомъ зеленомъ безлюдномъ холмѣ, красота, какой и не было, быть можетъ, когда пышно царствовали тутъ графы де Фуа. На темно-зеленой водѣ крѣпостного рва узоры красныхъ и лиловыхъ листьевъ. Изъ ярко озареннаго солнцемъ, сверкающаго внизу города плыветъ праздничный гулъ оживленнаго ярмарочнаго дня. А притаившись за угломъ башни — цѣлуются онъ и она. Оба красивы, печальны, трогательны и цѣлуются тихо, беззвучно. И кажется: далекая быль — злодѣйства, трагедіи, ночные мрачныя пиршества при свѣтѣ факеловъ, жегшихъ руки безмолвнымъ рабамъ (Гастонъ Фебъ садился ужинать въ полночь и всегда при факелахъ), быть можетъ, и не быль вовсе, а лишь благодарный фонъ для романа этой милой пары. И, навѣрно, они не единственные, этой башнѣ довѣряющіе свою тайну.

Зато никакихъ сомнѣній въ своей подлинности не внушаетъ та исторія, которая свой пестрый свитокъ развертываетъ внизу, на площадаяхъ Ортеза. Возы, повозки, волы, коровы, испуганные телята, клѣти, корзины съ домашней пищѣй, человѣческія головы, звонъ, говоръ лязгъ, смѣхъ.

Не знаю, сохранился ли родъ графовъ де Фуа. Но я освѣдомлена точно о томъ, что эти гордые пѣтухи, породистыя индѣйки, элегантныя цесарки — потомки подлинные древнѣйшей во Франціи птичьеи знати, и вѣка уже родство съ нею почитается для себя честью каждый сельскій хозяинъ, помѣщикъ, каждый фермеръ въ Пиренеяхъ.

Всѣ, радѣющіе о чистотѣ индюшечьей или куриной или гусиной расы, желающіе предупредить мезальянсы на своихъ птичьихъ дворахъ, єдутъ въ Ортезъ, гдѣ въ ярмарочные дни большой выборъ родовитыхъ жени-

ховъ и невѣстъ. И надо видѣть, какъ старики и моло-
дые парни, пожилыя и совсѣмъ юныя женщины — пыт-
ливо, внимательно мнуть, ощупываютъ курѣ, индѣекъ,
сколько времени удѣляется разглядыванью лапокъ, ког-
тей... Голубую кровь, расу — кто этого не знаетъ? —
легче всего распознать рукамъ, и формѣ да размѣру
ступни.

Озабоченныя, серьезныя, темныя лица въ морщинахъ
и молодыя, смуглыя, съ черными, длинными горящими
глазами. Глаза испанскіе. Очеркъ лица горный, четкій.
Старики, пожилыя женщины, пожалуй, даже живопис-
нѣе, значительнѣе, колоритнѣе молодыхъ. И такъ идутъ
къ нимъ черные головные уборы: на мужчинахъ круглые,
артистично сидящіе на нихъ, суконные береты. На жен-
щинахъ изъ очень тонкого чернаго сукна, ладно скроен-
ныя, ловко сшитыя косынки, совершенно скрывающія
волосы и придающія лицамъ такую пріятную, тихую
строгость.

Лицедѣи, статисты исторіи, если не ищутъ, какъ ге-
рои пьесы Пиранделло «Шестеро персонажей въ пои-
сках автора» — то во всякомъ случаѣ угадываютъ хро-
никера или просто любопытнаго наблюдателя. Извѣст-
но, что на ловца и звѣрь бѣжитъ. Фруассара прямо оста-
навливали на дорогѣ, на площади города. — Видите
эту стѣну? — Вижу. — А замѣчаете, что она новѣе сосѣд-
нихъ стѣнъ? Да, какъ будто. — А хотите знать, отчего?
— Еще бы не хотѣть. Конечно, хочу...

Ему разсказывали, онъ слушалъ. Разсказчикъ, облег-
чивъ душу просившимся наружу разсказомъ, уходилъ
своей дорогой, а Фруассаръ записывалъ.

Фруассаръ не очень одобрялъ то, что наблюдалъ.
Ни убийствъ, ни пытокъ, ни рабства, ни придворныхъ ин-
тригъ, и описывалъ такъ, что явны были его тайныя упо-
ванія на то, что когда-нибудь не будетъ ни монарховъ,
ни рабовъ, ни лукавыхъ царедворцевъ, ни глушимаго
смѣха, ни глушимыхъ слезъ. Я попала на ярмарку въ Ор

тезъ въ эпоху, когда это еще не совсѣмъ, но уже почти такъ, какъ уповаль Фруассаръ. Ни монарховъ, ни рабовъ и неограниченное всеобщее право на слезы.

Мой путь проторенъ для меня Фруассаромъ; и мой путь легче его пути... На описываніе злодѣйствъ и пріемовъ владѣтельныхъ приицевъ мнѣ времени тратить не надо: Ни одинъ владѣтельный принцъ меня въ гости къ себѣ не позвалъ. Стоило же мнѣ подойти къ кѣти съ каплунами, къ столу съ молочными поросятами, къ корзинѣ съ утками, къ группѣ палевыхъ и желтенькихъ телятъ и на меня оборачивались съ недоумѣніемъ, съ веселыми, даже слишкомъ веселыми улыбками. Но стоило мнѣ раскрыть ротъ, и улыбки исчезали. Со мной заговаривали серьезно, какъ если бы я была Фруассаръ. «Персонажи, ищущіе своего автора». За какихъ нибудь полтора часа толчей на ярмарочной площади узнала я столько исторій о гусяхъ, цесаркахъ, индюкахъ, пѣтухахъ, о промахахъ, совершенныхъ въ Ганѣ, Олоронѣ, Лонсѣ, Мейонѣ нерадивыми хозяевами, допустившими на своихъ птичьихъ домахъ неравные браки, и какъ пострадали отъ этого древнія знатныя гусиные семьи, такъ много поучительного узнала, что если пожелаю написать книгу о куроводствѣ, сдѣлаю это въ два счета.

Фруассаръ не скрывалъ, что большинство полученныхъ имъ въ Пиренеяхъ, особо въ Ортезѣ, свѣдѣній — ему приходилось оплачивать угощеніями или изъ фляги, которую всегда имѣлъ при себѣ, или же въ ближайшей харчевнѣ. Мнѣ ни къ флягѣ, ни къ харчевнѣ прибѣгать не надо. У меня спрашиваютъ лишь, изъ какой я страны, и когда узнаютъ, обступаютъ такъ тѣсно и такъ близко надвигаются на меня огромные, серповидные, кинжалообразные рога, что я умоляю разступиться немножко и дать мнѣ возможность пробраться къ тротуару. Оттого, — поясняю, — что рогатый скотъ меня боится, и потомъ возбужденный интересъ

чёрныхъ съ кроваво-красными клювами индюковъ къ моему пестрому шарфу можетъ скверно отразиться на ихъ пищевареніи. Плотная людская стѣна разомкнулась, и отдѣлились отъ нея и послѣдовали за мною: молодая женщина, ея молодой мужъ или братъ и одинъ беарнецъ, немолодой, степенный, важный. Отлѣпились отъ куръ своихъ, индюковъ, гусей и пошли за мной. Первый вопросъ предложилъ мнѣ старый — насчетъ ориентаціи. А формулировалъ его такъ: «Какая у васть тамъ партія сильнѣй теперь — французская или нѣмецкая?».

Женщина безъ черной косынки, но и безъ шляпки, пристоволосая, миловидная, поинтересовалась о судьбѣ царя, и когда узнала, недовѣрчиво покачала головой.

— *Pas possible!* За что?

Объяснила ей молодой, мужъ или братъ: «У нихъ тамъ революция среди казаковъ».

— А! — она поняла.

Подошли еще двое, немолодыхъ, и этимъ пришлось отвѣтить на много, много толковыхъ вопросовъ. Эти были на войнѣ, а одинъ въ германскомъ плѣну дружилъ съ русскимъ офицеромъ, «славнымъ, молодымъ, а фамилия ему была Жахоманумукалою, что то въ этомъ родѣ».

Отъ нихъ узнала я, что если въ Россіи до войны было еще немало безграмотныхъ, то очень этимъ огорчаться я не должна, оттого, что въ Пиренеяхъ по деревнямъ и сейчасъ еще очень много безграмотныхъ. Когда воинскую повинность отбывають, тогда подучиваются читать, писать и за одно по французски объясняться. А то все по здѣшнему «на нашемъ языкѣ».

Узнала еще, уже отъ молодого, что хотя въ одномъ Ортезѣ на городокъ въ семь тысячъ жителей четыре большихъ фабрики, и почти всѣ рабочіе *Syndiqués*

— но это совсѣмъ не то, что въ Россіи, и не можнѣ
быть такъ...

— Отчего?

— Parce que.... — И другіе поддержали, кто пожаті-
емъ плечъ, кто движеніемъ брови, кто улыбкой.

— «Оттого что...» И не договаривали оттого что,
быть можетъ, не находили въ своемъ запасѣ словъ для
поясненія какой то силы, устойчивости, любви къ сво-
имъ горамъ, рѣкамъ, лѣсамъ, какія могутъ противупо-
ставить разгрому, развалу, разрушѣ...

По дорогѣ къ вокзалу я опять заглянула въ тем-
ный дворикъ древней гостиницы Луны. Башня въ дру-
гомъ предвечернемъ освѣщенніи казалась круглѣе, вы-
ше и надъ окошкомъ, очень узкимъ, подъ самой кры-
шей, можно было разглядѣть какіе то остатки эмблемы
или надписи. Быть можетъ, за этимъ окошкомъ и пи-
салъ свою «хронику» Ортеза Фруассаръ...

Одну-то, двѣ, три ночи, пока не заполучилъ его въ
свой замокъ Гастонъ Фебъ, онъ, быть можетъ, и про-
вель здѣсь. Я знаю изъ книгъ о томъ, какъ кончилъ
свой вѣкъ этотъ неутомимый скиталецъ: не на родинѣ,
въ одиночествѣ, на случайномъ привалѣ, съ первомъ въ
рукѣ...

И высоко задирая голову къ таинственному чер-
ному узкому окну — я шлю мнящейся мнѣ за нимъ тѣ-
ни Фруассара нѣжный, товарищескій привѣтъ.

ЗОЛУШКА

... Праздникъ въ «бѣломъ» городѣ, въ новомъ Лурдѣ. Въ отличіе отъ «сѣраго города», отъ стараго Лурда. Эпитеты врядъ ли стоили автору большого творческаго усиія. Но они точны, они безспорны.

Въ одномъ бѣло, богато, нарядно, празднично. Въ другомъ сѣро, убого, грязно и буднично. И сѣрый городъ не празднуетъ праздника бѣлаго города. Ему некогда. Вся сѣть узкихъ, кривыхъ, темныхъ и подъ солнечнымъ небомъ улицъ — это столярныя, слесарные мастерскія, кузницы, москательныя лавки, лабазы, и здѣсь стругаютъ, пилиятъ, красятъ, стучатъ, перекрываются и переругиваются.

Праздникъ торжества, оживленія тамъ, въ «бѣломъ городѣ». Тамъ, гдѣ богатые храмы, отели, пансіоны, страннопріимные дома, магазины, банки, модныя витрины, кафе, кинематографы, въ какихъ нибудь пятьдесятъ лѣтъ выросшіе вокругъ грота Массабель... Въ одно холодное февральское утро худенькая, большеглазая дѣвочка, кутаясь въ рваный платокъ, собирала здѣсь хворостъ.

Съ этого все началось. Съ вязанки хвороста. Нести ее надо было далеко. И не «бѣлымъ», наряднымъ городомъ, котораго тогда еще не было, а пустыннымъ берегомъ, вдоль жутко шумѣвшей рѣки, еще не закованной, какъ теперь, въ гранитъ и узорный чугунъ, — до тѣс-

наго, унылого переулка, гдѣ въ убогомъ домишкѣ жила семья мельника Сабиру.

Домишко, изъ котораго выплыла въ міръ и вскорѣхнула миллионы людей вѣсть о чудѣ, и сейчасъ грязень и убогъ, какъ былъ семьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Но теперь онъ пустъ, заколоченъ, и въ двухъ комнатахъ, изъ которыхъ одна была, вѣроятно, кухней, въ двухъ черныхъ холодныхъ норахъ шныряютъ голодные крысы. Надъ низенькой, деревянной дверью крашеная бѣлая доска и на ней аляповатыми, синекрасными буквами: «Здѣсь жила Бернадетта Сабиру».

Изъ этого домика, къ которому рѣдко-рѣдко прибредаетъ какой нибудь ненасытный туристъ, изъ этого переулка, никогда не видавшаго процессій, ни автокаровъ съ иностранцами, — вышла въ 1858 году Бернадетта Сабиру со своей сестрой Луизой и подругой — сосѣдкой, Жанной Лебади. Тринадцать съ половиной лѣтъ было ей тогда, и лишь нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ вернулась она домой изъ близкой къ Лурду деревушки Бартрезъ, гдѣ пасла гусей на одной фермѣ. Какъ ни убого было на этой фермѣ, все же богаче и лучше было, чѣмъ дома, въ переулкѣ *Petits Fossés* гдѣ она всегда кашляла, всегда задыхалась, и такія вотъ порученія, какъ пойти за хворостомъ за городъ, къ рѣкѣ, въ безлюдное мѣсто, бывали для нея праздникомъ. Но въ тотъ уже очень хмурый, очень ужъ сѣрый день мать не отпустила ее одну. Съ сестрой и подругой.

Тамъ, гдѣ разсчитывали найти щепки и хворостъ — не нашли. Чтобы не возвращаться домой съ пустыми руками, надо было перейти ручей, и лишь у самого гrotа, жутко и черно зіявшаго въ отвѣсной скалѣ, можно было чѣмъ нибудь поживиться. У говорливыхъ спутницъ Бернадетты не хватило отваги перейти босикомъ ледяной ручей. Бернадетта пошла одна. И тамъ, въ гrotѣ...

Подруги ничего не видѣли. Только она одна. И о томъ, что она видѣла, о чёмъ рассказала сестръ и Жаннѣ Лебади, въ тотъ же вечеръ говорилъ весь переулокъ Petits Fossés. Дома Бернадетта за разсказъ свой получила нахлобучку. Субибу, мать и отецъ, боялись на смѣшекъ сосѣдей. Довольно ужъ было стыда за свою нищету. Но послушная, тихая Бернадетта тайкомъ отъ родителей побѣжала опять къ гроту, и этотъ разъ обстоятельнѣе разсказалась о своемъ видѣніи. Бѣлое платье, голубой длинный шарфъ, на ступняхъ золотыя розы, и такъ ласково, ласково на нее смотрѣла... Когда изъ переулка въ переулокъ поплыли толки о разсказахъ Бернадетты, домъ Субибу удостоила своимъ посѣщеніемъ жившая въ сосѣдствѣ жена сборщика податей. Она рѣшила уличить Бернадетту во лжи.

— Что же она тебѣ сказала?

Бернадетта застыдилась, покраснѣла и созналась: «Вы, она мнѣ сказала... Вы, какъ настоящей барышнѣ, вы»...

— А на какомъ языкѣ она съ тобой говорила?

Этого вопроса Бернадетта долго не могла понять. Она не знала о существованіи другихъ языковъ, кроме того, на какомъ говорили на фермѣ въ Бартрезѣ и на улицѣ Petits Fossés: по-беарнски. И явившаяся ей Дѣва Пречистая въ бѣломъ платьѣ, съ золотыми розами, съ ласковой улыбкой, съ учтивымъ «вы», какъ никогда никто къ ней не обращался, конечно, говорила съ ней на беарнскомъ діалектѣ. Какъ она иначе могла бы ее понять?

И когда заволновался маленький тогда, тѣсный городокъ, когда изъ переулковъ съ рыночной площади слухи о видѣніяхъ маленькой Бернадетты, обѣ указанномъ ей и открытомъ источникѣ дошли до мѣстнаго духовенства, до властей, и на дѣвшукъ посыпались насмѣшки, угрозы, обвиненія во лжи, въ притворствѣ,

она, — а грозило ей заключеніе въ домъ умалишеныхъ, даже о тюрьмѣ была рѣчъ, — она упорно, не преклонно стояла на своемъ: она видѣла, она слышала, на «вы» говорила съ ней Святая Марія, сама отре-комендовалась ей, и такъ ласково, такъ ласково, какъ никто не говорилъ съ ней никогда... У нея хотѣли отнять ея Принцессу, у бѣдной Золушки, и она отстаивала ее упрямо, сурово, скучными словами — ихъ было такъ мало въ ея лексиконѣ.

Гротъ по распоряженію мѣстной свѣтской власти, былъ заколоченъ. Духовенство одобрило эту мѣру. Оно также скептически, недовѣрчиво отнеслось къ разсказамъ Бернадетты, какъ представители интеллигенціи, какъ парижскія газеты, которымъ видѣнія беарнскій пастушки нѣсколько мѣсяцевъ служили темой веселыхъ фельетоновъ. Въ городѣ начались безпорядки. Толпы крестьянъ изъ окрестныхъ деревень, толпы больныхъ, убогихъ, изъ близкихъ и дальнихъ городовъ — требовали открытия грота. Уже были исцѣленія, уже свершились чудеса, и съ каждымъ днемъ плотнѣла масса, которая не могла отказаться отъ мелькнувшей передъ нею надежды на безграницное, нечеловѣческое милосердіе. Волненіе, охватившее край, грозило вылиться въ мятежъ, въ гражданскую войну... Гротъ пришлось открыть, источникъ пришлось обнести каменной оградой, и неминуемо было исполненіе воли, переданной устами Бернадетты — часовню построить, открыть свободный доступъ паломниковъ къ мѣсту видѣнія.

Но когда ліонскій скульпторъ Фабишъ показалъ Бернадеттѣ заказанную ему для грота статую Святой Дѣви, дѣвочка вспыхнула, расплакалась и уѣжала съ воплемъ: «Нѣтъ, нѣтъ, не то, совсѣмъ не то».

Фабишъ лѣпилъ со словъ Бернадетты: бѣлое пла-тье, голубой шарфъ, золотыя розы на ступняхъ, нѣжная улыбка на устахъ... И такъ не похоже было это

на видѣніе Золушки, что она съ плачемъ выбѣжала изъ мастерской.

I

Быть можетъ еще другая была причина ея слезъ, Но какъ могла она это объяснить? О. де Гарезонъ, редакторъ «Journal de la Grotte» — явилась необходимость и въ такой газетѣ — писалъ о ней: «Бернадетта была кроткая, простая, наивная дѣвочка. Она трогала — не поражала. Умъ этого ребенка былъ негибкій, воображеніе бѣдное. Не обаяніе ея облика, могло зажечь толпу върой въ ея видѣнія, она лишена была дарованія рисовать ярко, увлекать, заинтересовать. Рассказъ ее былъ кратокъ, суховатъ, базцвѣтенъ. Надо было предлагать много, много вопросовъ, чтобы выудить у нея описание того, что она видѣла. Говорила она безъ одушевленія, радость ея никогда не поднималась до восторга. Она была... просто незначительна».

Въ то время, когда десятки тысячъ паломниковъ читали эти строки, «незначительной дѣвочки» уже не было въ Лурдѣ. Ее такъ осаждали, такъ мучили, и здоровье ея было такъ плохо — она сама рвалась подальше отъ Лурда. И ее увезли въ Неверь, въ монастырь Сенъ-Жильдаръ, где она тихо умерла на 35-омъ году жизни. Духовенство въ Лурдѣ не удерживало ее, даже поддерживало ее въ благоразумномъ рѣшеніи. Очень ужъ она была не декоративна, очень ужъ не подходила эта Золушка для пышного, праздничного, великолѣпнаго Лурда, вызваннаго ею изъ небытія въ этотъ сѣрый, холодный февральскій день 1848 года.

Въ этотъ день Лурдъ и отдаленно не напоминаетъ Лурда лѣтнихъ паломничествъ. Въ 1908 г. перебывало здѣсь лѣтомъ 401.000 паломниковъ. Послѣ войны ежегодно отъ 500 до 800 тысячъ... Въ этотъ день на площади передъ гротомъ не лежать на носилкахъ больные, увѣчные, страшные, безобразные, жуткіе, не видно язвъ, крови, не слышны стоны, вопли обреченныхъ, полуживыхъ, послѣднюю надежду привезшихъ на

этотъ клочекъ земли, гдѣ когда-то собирала хворость «тихая, незначительная дѣвочка»...

11-го февраля «бѣлый городъ» подъ снѣжными позолоченными солнцемъ горами, на берегу гѣняща-ся зеленаго По, — наряденъ, праздниченъ, благолѣпенъ.

Колокольный звонъ, органъ широко стелящееся пѣніе торжественнѣе, красивѣе, звучать въ морозномъ, чистомъ воздухѣ, чѣмъ въ лѣтней, многолюдной, многоскорбной духотѣ.

Стиль Лурдскихъ церквей? У нихъ нѣтъ никакого стиля. Тяжелое, великолѣпное ихъ безвкусіе ужасало и такихъ глубоко-вѣрующихъ людей, какими были Гюисманъ, Барресъ... И нельзя даже сказать, что это не-художественно, что это плохо. Это только ужасно. Одни эти круги, полукруги изъ электрическихъ лампочекъ въ церквяхъ, однѣ эти густо нанизанныя лампочки на пиястрахъ и карнизахъ, напоминающія освѣщеніе парижскихъ мостовъ 14-іюля...

Еслибы Бернадетта увидала Лурдъ, празднуюющій ея первое видѣніе, толпы туристовъ, надписи на бѣлыхъ дощечкахъ «берегитесь карманныхъ воровъ», англичанъ въ свитерахъ и гетрахъ, оживленныхъ миссъ съ «кодаками», процессію — широкой, длинной, черно-бѣлой-голубой рѣкой тянущуюся отъ базилики къ гроту, быть можетъ, она тоже расплакалась-бы, какъ передъ статуей Фабиша, вылѣпленной для грота. Не то, не то, совсѣмъ не то...

Самый гротъ... Онъ весь въ огняхъ, въ костыляхъ. Костыли внутри, снаружи, и еще нѣсколько гипсовыхъ лубковъ, гипсовыхъ корсетовъ память исцѣленныхъ здѣсь, возвращенныхъ къ жизни. И большинство костылей — грубые, простые, дешевые самодѣльные крестьянские костыли. А черные камни грота лоснятся, отполированные миллионами припавшихъ къ нимъ усть, потоками пролитыхъ на нихъ слезъ.

И только этот уголъ грота, съ зацѣлованнымъ, напоеннымъ, страданиемъ и вѣрою выступомъ скалы, напомнилъ бы, можетъ быть, Бернадеттѣ. старый Лурдъ и тотъ день, 11-го февраля, когда она въ рваномъ пла-точкѣ пришла сюда за хворостомъ.

Вечеромъ — процесія съ факелами отъ грота на-верхъ къ базиликѣ.

Зрѣлище, напоминающее студенческіе факельдуги въ прирѣнскихъ городахъ. И вовсе уже какъ будто бы не нужное. И благолѣпія, поэзіи нѣтъ въ немъ, какъ въ крестномъ ходѣ въ пасхальную ночь вокругъ самой простой деревенской русской церковки.

Послѣ процесіи опять оживленіе на улицахъ, пло-щадяхъ, ярко освѣщены рестораны, кафе, кинематогра-фы, гдѣ идутъ плохія фильмы «Жизнь Бернадетты» — одна хуже, лубочнѣе, неправдивѣе приторнѣе другой.

И только теменъ, безмолвенъ, спить послѣ не-праздничаго рабочаго дня старый Лурдъ, «сѣрий го-родъ», съ улицей «Petits Fosses» и заколоченнымъ до-микомъ Золушки — откуда все началось.

КОАРАЗЬ НАЙ

Въ маленькомъ городкѣ Най, между По и Лурдомъ, вяжутъ и ткутъ береты на весь Беарнъ, а рядомъ въ Коаразѣ, который меньше и малолюднѣе, ничего не вяжутъ и ничего не ткутъ. Но отъ горъ, очень высокихъ, нестерпимо для глазъ бѣлыхъ, синѣжныхъ, солнечныхъ, изъ Ная, какъ изъ Коараза, совсѣмъ, совсѣмъ какъ-будто близко, а на самомъ дѣлѣ очень далеко, и эта обманчивая близость влечетъ неодолимо, и можно, не замѣчая усталости, долгіе часы бродить на зовъ все удаляющейся красоты.

Отъ общаго для Коараза и Ная вокзала — широкая платановая аллея — не тропа, и зарости ей нельзя никакъ, и не только потому, что ведеть она къ памятнику, любезному народу, къ дворцу, гдѣ «а ля пейзанъ» воспитывался Генрихъ IV-й. Аллея эта — дорога проѣзжая, нужная, связывающая, соединяющая, и когда-то оглашали ее не шаловливые гудки автомобильныхъ сиренъ, не ослиные крики, а бранные клики, трубы, лязгъ, звонъ доспѣховъ. Чего-чего только ни перебывало на этомъ крохотномъ клочкѣ земли, на этомъ получасовомъ теперь проѣздѣ.

Испанцы, сарацины, англичане, — какъ тѣсень былъ когда-то міръ, — кто здѣсь не дрался, не вѣшалъ, не жегъ, не грабилъ...

Дворецъ, гдѣ «а ля пейзанъ», — подъ руководствомъ Сюзанны Міосанъ, воспитывался Генрихъ 1V-й, смотрѣть нельзя. Дворецъ принадлежитъ господину

Д., и у господина Д. — гости. Въ кафе, куда захожу, меня утѣшаютъ: однѣ только стѣны наружныя остались, да и то не всѣ, внутри же отъ далекой старины — ни слѣда. Богато живутъ новые хозяева и всю обстановку изъ Парижа привезли. Подлинны — это я знаю уже изъ другихъ источниковъ, — одна башня и надпись на ней: «Чему быть, того не миновать».

Когда Генриху IV-му было 15 лѣтъ, когда уже всѣ кругомъ него жужжали ему въ уши, что онъ долженъ оправдать надежды своей матери, Жанны д-Альбрэ, и надежды своихъ вѣнценосныхъ, бездѣтныхъ дядей, — такихъ-то побѣдить, другихъ упразднить, что долженъ быть добрымъ протестантомъ, долженъ быть добрымъ католикомъ, — тогда, по его просьбѣ, надѣ однимъ изъ оконъ башни, изъ которыхъ онъ приманивалъ голубей, были выведены эти слова, позднѣе девизъ всей его жизни: «Чему быть, того не миновать». Быть можетъ и не такъ это было, но могло быть такъ.

Но стоитъ прочитать нѣсколько писемъ Генриха IV-го, чтобы пожалѣть о выпавшей ему участи быть королемъ, участи, лишившей Францію замѣчательного писателя.

Сколько юмора, ироніи! Какъ онъ восхитительно, остроумно непристоенъ, когда хочетъ быть грубымъ и непристойнымъ, но какая нѣжность и четкость въ описаніяхъ природы, въ разсказахъ объ охотничьей удачѣ или неудачѣ, о злоключеніяхъ въ походахъ, о встрѣчахъ съ оленемъ, съ лисицей. А письма къ женщинамъ, — одно письмо очаровательнѣе другого.

Исторія зарегистрировала имена 54 женщинъ, его возлюбленныхъ, но письма писалъ онъ не всѣмъ пятидесяти четыремъ. Навѣрно, и не всѣ грамотны были. Были среди нихъ — дочь садовника, булочница, чья-то кормилица, жена конторщика, какая-то просто Мартэнъ, какая-то просто Спонде. Генрихъ IV-й, получивший сурое демократическое воспитаніе «а ля пей-

занъ», — былъ демократиченъ во всѣхъ своихъ вку-
сахъ. Но письма, признанныя шедеврами эпистолярна-
го искусства, писалъ онъ лишь нѣсколькимъ избранны-
цамъ, тѣмъ, которыхъ любилъ сильно, горячо, долго
и которыя его не любили, обманывали и эксплоатиро-
вали.

Правда, жизнь въ неустанныхъ походахъ, — а вое-
валъ онъ уже съ 19 лѣтъ, — быть можетъ, и воспитаніе
«а ля пейзанъ», наградили его одной не очень пріятной
для чуткаго женскаго обаянія особенностью: отъ него
дурно пахло... Онъ и самъ это зналъ, и въ оправда-
тельномъ манифестѣ его къ народу по поводу разво-
да его съ нелюбимой имъ Маргаритой Валуа, дочерью
Екатерины Медичи, такія прелестныя строки: «Она го-
ворить, эта вѣнценосная распутница, что отъ меня во-
няетъ чеснокомъ и потомъ. Въ походахъ и бояхъ на
защиту и благо превыше всего дорогой мнѣ родины, мнѣ некогда было душиться и натираться благовонія-
ми. Но любопытно знать, какими ароматами тѣшатъ
ея обояніе конюхи, трубочисты, истопники, егеря, ко-
торыхъ моя поэтическая супруга...» и т. д. Маргарита добродѣтелью не отличалась. Ни бла-
годарные ей за щедроты современники — поэ-
ты, лѣтописцы, ни позднѣе Александръ Дюма, реаби-
тировать ее такъ и не сумѣли. Но въ пись-
махъ, которыми супруги обмѣнивались, когда шли пе-
реговоры о разводѣ, — ни строки, ни намека на то,
какъ неодолимо противны были они другъ другу.

Когда положеніе Генриха IV-го окрѣпло настоль-
ко, что онъ могъ отдѣлаться отъ своей «толстой Мар-
го», какъ онъ называлъ свою супругу, онъ поспѣшилъ
отъ нея избавиться. «Мой другъ», или «сестра», — за-
душевно именуетъ онъ ее въ письмахъ и просить ее
помочь ему расторгнуть союзъ, не принесшій счастья
ни ей, ни ему. Каждое письмо заключается «почти-
тельнымъ, стократнымъ лобызаніемъ рукъ», — Марга-

рита, уже признанная писательница, — поэтесса, отвѣчаетъ ему язвительно и лукаво: «Ваше Величество, подобно богамъ, не только даруетъ блага и милости своимъ созданіямъ, но еще снисходитъ до утѣшенія ихъ въ горести. Эта высокая честь, свидѣтельствующая о Вашемъ благожелательствѣ, такъ велика, что равной ей можетъ быть развѣ лишь моя преданность его Величеству... И велика была бы моя скорбь, если бы не заглушали ее чувства глубокой признательности за доброту и милость, какими Ваше Величество спровоживаетъ меня...

Вашего Величества покорная и преданная слуга, сестра и подданная».

Генрихъ IV-й нѣсколько лѣтъ уже до развода съ Маргаритой былъ близокъ съ одной изъ немногихъ женщинъ, искренно любившихъ его съ «прекрасной Коризандой», — графиней де Граммонъ. Эта, опоэтизированная потомствомъ — во многихъ городахъ и деревняхъ въ Пиренеяхъ именемъ ее названы улицы, площади, дома, — была ему другомъ, помощницей, даже лишенія боевыхъ походовъ дѣлила съ нимъ, выручала его своими личными средствами и была матерью двухъ его сыновей, которыхъ онъ очень любилъ, какъ, впрочемъ, любилъ всѣхъ безчисленныхъ своихъ дѣтей отъ всѣхъ своихъ возлюбленныхъ. Маргарита де Валуа, въ своихъ мемуарахъ, очаровательно, лукаво — невинно разсказываетъ, какъ одной ночью разбудилъ ее король, сознался въ грѣхѣ, о которомъ она «изъ любви къ нему не хотѣла догадываться, и попросилъ ее оказать помошь ея статье-дамѣ, графинѣ де Граммонъ, разрѣшившейся въ ту же ночь дочерью, какъ двѣ капли воды, похожей на короля».

«Одной изъ причинъ, облегчившей мнѣ удаленіе изъ Лувра, — писала Маргарита, — было опасеніе, что король, оцѣнивъ мои акушерскія способности, заста-

вить меня принимать дѣтей у всѣхъ своихъ любовницъ».

Послѣ смерти своей возлюбленной и друга, Корианды,, единственной, которую король посвящалъ въ свои дѣла, государственные планы, неудачи, — онъ страстно горевалъ три недѣли. А къ концу четвертой былъ уже страстно влюбленъ въ Габріэллу д-Эстрэй, его нелюбившую, обманывавшую его съ герцогомъ Беллегардомъ, но которой только смерть отъ родовъ помѣщала стать королевой. Всѣ женщины, любимыя Генрихомъ IV-мъ, хотѣли быть королевами, и всѣмъ онъ обѣщалъ возвести ихъ на тронъ, всѣ онъ рожали ему дочерей, сыновей, которыхъ онъ награждалъ титулами герцоговъ, маркизовъ, графовъ, и всѣ онъ жадно добивались власти, интриговали, хитрили, бѣшено ревновали, страдали, мучились и мучили другихъ, и всѣ ушли глубоко въ землю, оставивъ на поверхности я лишь неувядаемую прелесть легенды.

Въ кафе узнаю, что старинѣ въ этихъ мѣстахъ крышка. Просвѣтила людей война. Пошатались по мѣру, посмотрѣли, какъ живутъ въ другихъ странахъ и городахъ, и уже не хотятъ по прежнему. Ни за что... А тутъ еще эти «*Lafayette*», «*Printemps*», «*Au Bon Marché*», каждыя четверть года заливающіе всѣ города и деревни дождемъ прейс-курантовъ съ картинками... «Только и осталось отъ прошлаго, что Генрихъ IV-е», — съ умной, тонкой усмѣшечкой говорить старики, мѣстный человѣкъ.

— Генрихъ IV-е? Это что же за племя такое?

И въ отвѣтъ съ такой же осторожной, тонкой усмѣшкой: — «Ого! И очень даже многочисленное. Въ Найѣ аптекарь — вылитый портретъ Генриха IV-го, помню и отца его — будто съ статуи отлитъ, чо въ По стоитъ. А въ самомъ По — булочникъ на улицѣ Монпансье, а въ Олоронѣ старики, что москательную лавку держитъ

на площади, передъ городскимъ садомъ, а... О, если перебирать, — счета не хватитъ... Да-а, добрый нашъ Генрихъ. Вѣрно о немъ пѣсенка сложена. Слыхали?

И по козлиному, но вѣрно пропѣлъ:

*Ce diable à quatre —
Eut le triple talent :
De boire, de battre
Et d'être vert-galant.*

Вернувшись домой раскрываю вечеромъ «Братьевъ Карамазовыхъ», и на этихъ вотъ словахъ Ивана Карамзова: «Я хочу въ Европу съѣздить, Алеша. И вѣдь я знаю, что поѣду лишь на кладбище, но на самое, самое дорогое мнѣ кладбище, вотъ что. Дорогіе лежать тамъ покойники, каждый камень надъ ними гласить о такой горячей минувшей жизни, о такой страстной вѣрѣ въ свой подвигъ, въ свою истину, въ свою борьбу, въ свою науку, что я знаю заранѣе, паду на землю и буду цѣловать эти камни и плакать надъ ними...»

Генрихъ IV-й, сколькихъ жизней живыхъ жарче понынѣ твой прахъ!

КАКЪ Я СЪѢЗДИЛА ВЪ ИСПАНИЮ

Мысль эта созрѣла у меня давно. Въ дни испанскихъ празднествъ въ По. Имѣли они мѣсто вотъ по какому поводу. Передъ тѣмъ, въ близкихъ къ По испанскихъ городахъ, бывшихъ столицахъ Арагоніи, Хуэскѣ и Сарагоссѣ, происходили французскія празднества. И тоже не такъ просто, здорово живешь. Тамъ тоже и тотъ же поводъ былъ.

Чуть ли не десятокъ лѣтъ долбили, долбили съ одной стороны французы, съ другой стороны испанцы мнившійся несокрушимымъ горный каменный хребетъ, и продолбили. Туннель длиною въ восемь километровъ. Изъ Франціи четыре километра вверхъ, въ Испанію четыре километра внизъ. Недоступныя, дикія, суровыя, зимою снѣгомъ, лѣтомъ чахлой хвоей покрытыя скалы сдались. Францію съ Испаніей соединила Транспіренейская желѣзная дорога. Контрабандисты въ пограничныхъ кабачкахъ свистали, грозили кулаками, кричали, что ихъ не проведешь, а въ городахъ этой новой дороги, особенно радовавшихся, начались празднества. Въ По они были шумны, нарядны и живописны. Пріѣхало содружество испанскихъ студентовъ *Estudiantina* — съ гитарами, цимбалами, банджо. Мильые, застѣнчивые юноши въ черныхъшелковыхъ рейтутузахъ, въ черныхъ туфляхъ съ пряжками, въ бѣлыхъ рюшахъ кругомъ шеи, въ черныхъ плащахъ, играли народныя и студенческія пѣсни, плясали, топали не за страхъ, а за совѣсть, и хотя большого искусства ни въ

игрѣ, ни въ танцахъ не было, но хлопали имъ усердно. За молодость, за робость и за добросовѣстность. Потомъ испанскіе профессора читали лекціи о красотѣ Хуэски и Сарагоссы и о пользѣ, какую Франція можетъ извлечь изъ этого сосѣдства. Читали на какомъ то отдаленно похожемъ на французскій языкъ нарѣчіи, но не вполнѣ понятную рѣчъ иллюстрировали снимками, отличнымъ волшебнымъ фонаремъ, и это было всѣмъ понятно и всѣмъ интересно.

Тутъ во время празднества стало назрѣвать во мнѣ рѣшеніе: поѣду въ Испанію.

Въ Ниж. Пиренеяхъ такія рѣшенія осуществляются тремя способами. Однимъ простымъ и двумя сложными. Простой, это когда есть виза въ Испанію и достаточное количество франковъ для размѣна на пезеты. Это совсѣмъ просто — только сѣсть въ поѣздъ, и уже онъ везетъ куда надо.

Второй способъ, — когда нѣть визы и денегъ мало — нѣсколько болѣе сложный:ѣдутъ чудесной долиной Аспѣ до испанской границы, лежащей очень высоко, на высотѣ 1600-1700 метровъ, и тамъ, при содѣйствіи рѣдкихъ и еще идиллически - снисходительныхъ пограничныхъ стражниковъ, — проникаютъ въ Испанію. О проникающихъ такимъ образомъ и благополучно возвращающихся рассказываютъ легенды, ихъ отвага, уже воспѣта и о такихъ неудачникахъ и смѣльчакахъ существуетъ уже цѣлый фольклоръ.

Третій способъ ознакомленія съ Испаніей, какой избрала я, — самый сложный, лояльный и надежный. Такъ мнѣ говорили, такъ мнѣ совѣтовали благоразумные люди, и я ихъ совсѣмъ послѣдовала. Изъ По взять билетъ прямо въ Испанію, въ Канфранкъ, — это первая послѣ франко испанскаго туннеля станція. Къ строгостямъ тамъ еще не привыкли, пассажировъ мало, боятся крушений, каждому отважному туристу тамъ рады, и только тонъ вѣрный найти въ переговорахъ съ

чиновниками — пустятъ дальше. Хоть до самой Севильи. Ко мнѣ присоединилась русская барышня въ черномъ беретѣ и безъ вида на жительство, забыла его въ Парижѣ, и молодой французскій философъ, почитатель Владимира Соловьева. Подѣлили мы между собою функціи въ этой экспедиціи такъ: барышня безъ вида на жительство — гробовое молчаніе, я — предъявленіе своихъ бумагъ, философъ — вѣрный тонъ.

Поѣхали.

До Авелевыхъ Рудниковъ — послѣдняя передъ франко испанскимъ туннелемъ станція — — любовались природой, фантастическими скалами, бѣлопѣнными потоками, нагорными лѣсами, снѣгами и сокрушились о томъ, что не было солнца. Впрочемъ, не очень сокрушились. Намъ говорили, что когда по этой французской сторонѣ туннеля не бываетъ солнца, то оно обязательно свѣтить на другой, испанской сторонѣ. И наоборотъ. Такое будто бы между державами на счетъ солнца состоялось соглашеніе. Въ туннелѣ стало замирать сердце. Не подавая вида, культурно скрываая свое волненіе, мы, троє спутниковъ, дѣлились нашими видами на ближайшее будущее. У философа, читающаго лекціи въ Женевѣ, было желаніе скромное: только переночевать въ ближайшемъ испанскомъ городѣ Жака, посмотретьъ тамъ соборъ и знаменитую часовню, построенную въ XI-мъ вѣкѣ, въ память побѣды надъ арабами, побѣды, замѣчательной тѣмъ, что она одержана была главнымъ образомъ женщинами, сражавшимися наряду съ мужчинами. Барышнѣ, которой предстояло на границѣ молчать, больше всего улыбалось возвращеніе изъ Испаніи во Францію черезъ снѣжное ущелье Сомпоръ. Я же намѣтила себѣ Сарагоссу, предметъ моихъ давнихъ мечтаний. Однимъ своимъ именемъ, такимъ торжественно звучнымъ, волновавшую и сулившую «въ будущемъ подвигъ души», Сарагоссу съ ея высокими соборами, тяжелымъ, вѣко-

вымъ мрачнымъ зданіемъ одного изъ стариннѣйшихъ въ мірѣ университетовъ, съ бібліотекой, гдѣ имѣются «уникумы», безцѣнныя для книголюба, какъ я. И радость такъ близка, такъ возможна. Только вѣрный тонъ взять въ переговорахъ въ Канфранкѣ...

Пріѣхали.

Но куда? Неужели такъ-таки прямо въ Гренаду вынесло изъ туннеля? Къ самой Альгамбрѣ? На той сторонѣ, на тихомъ маленькомъ французскомъ вокзалѣ, съ ласково учтивымъ скромнымъ начальникомъ станціи, насы не предупреждали о такомъ великолѣпіи. Ни дать, ни взять, дворецъ Альгамбры... Исполинское бѣлое зданіе съ башнями, зубчатыми стѣнами и ослѣпительная холодная чистота офиціального дворцового торжества, Безмолвные, угрюмые, въ новыхъ сѣро зеленыхъ мундирахъ карабинеры, въ четырехугольныхъ черныхъ, деревянныхъ, оперныхъ какихъ-то каскахъ, — двумя рядами выстроились отъ поѣзда къ тяжелымъ высокимъ кованымъ дверямъ. Тѣ же скалы въ снѣгахъ, что на французской сторонѣ, только тѣснѣе обступили ущелья, въ которомъ стоитъ этотъ необычный вокзалъ и на снѣжныхъ вершинахъ, дѣйствительно, солнце...

Оттого ли, что такъ огроменъ, безконеченъ перронъ, оттого ли, что уже смутила духъ торжественность обстановки, но кажется, что будто всего пассажировъ — трое, мы трое предъ неподвижно безстрастными взорами статуеподобныхъ карабинеровъ. Намъ открывается дверь пріятно улыбающейся французъ, оказывается тотъ самый, съ которымъ нашъ спутникъ, философъ, долженъ взять вѣрный тонъ. Онъ его беретъ. Я предъявляю свои бумаги, карть д-идантите и нансеновскій паспортъ, барышня погружается въ гробовое молчаніе. Паспортъ философа и мои бумаги французскій чиновникъ, быстро просмотрѣвъ, передаетъ выросшему подлѣ него чернобровому, черноглазому, смуглому

щекому, настоящему, словомъ, испанцу, и этотъ, пас- порту философа удѣливъ одно мгновеніе, свои широ- кіе, круглые глаза вонзаетъ въ мои бумаги. Читаетъ и шепчетъ, читаетъ и шепчетъ, потомъ что-то погромче французскому чиновнику, который съ пріятнѣйшей, любезнѣйшей французской улыбкой мнѣ сообщаетъ:

— Вы арестованы.

— И меня сейчасъ же отведутъ въ тюрьму? — лю- безно освѣдомляюсь я. — Или разрѣшите передъ этимъ чашку кофе выпить на вокзалѣ?

Опять зашептались, французъ мягко убѣждалъ, испанецъ твердо возражалъ.

Въ концѣ концовъ, кофе пить разрѣшилъ въ вок- зальномъ, конечно, буфетѣ, изъ стѣнъ вокзала не вы- ходить, а пока я буду кофе пить, пойдетъ въ Мадридъ телеграмма съ запросомъ, какъ со мной поступить. Фи- лософу заявлено было, что онъ воленъ поѣхать дальше въ Испанію, «препятствій не имѣется»..

Въ вокзальномъ буфетѣ, огромномъ, торжествен- номъ, холодномъ, какъ тронный залъ, предстояло пить кофе шесть часовъ двадцать три минуты, — до отхо- да поѣзда обратно во Францію. Когда нась подъ кон- воемъ изъ шести карабинеровъ и четырехъ стрѣлковъ, въ ловкихъ, темно - желтыхъ мундирахъ, щегольски отдѣланныхъ бѣлой кожей, вели по перрону въ бу- фетъ, французскій чиновникъ умудрился шепнуть намъ, что телеграмма въ Мадридъ это такъ, для острѣстки, чтобы отбить охоту ъздить въ Испанію безъ визы.

Мы съ барышней сѣли пить кофе. Пили его долго, добросовѣстно, на нѣсколько долгихъ мгновеній растя- гивая каждый глотокъ; философъ, пользуясь предо- ставленной ему свободой, побѣжалъ знакомиться съ Испаніей. Вскорѣ прибѣжалъ и сообщилъ, что видѣлъ очень живописную старую башню, очень живописную старую женщину и одну козу. Удовлетворивъ нашу лю-

бозн ательность, отвѣтивъ на всѣ наши жадные раз-
просы о башнѣ, о старухѣ, о козѣ, убѣжалъ опять и вер-
нулся уже съ картузикомъ настоящаго испанскаго пе-
ченья, точь въ точь такого, какое продается въ каж-
дой французской «эпизери», и пачкой почтовыхъ от-
крытокъ: всѣ онѣ изображали зданіе вокзала, другихъ
не было. Въ Канфранкѣ все фотографическое произ-
водство исключительная монополія вокзальной адми-
нистраціи.

Жадно внимая каждому его слову, узнаи мы так-
же, что вѣтеръ дуетъ такъ сильно, какъ никогда не
дуетъ на французской территории

Совсѣмъ какъ въ кладбищенской сценѣ въ траге-
дії Кальдерона... Когда мы разглядывали открытки,
изображавшія вокзалъ, гдѣ мы сидѣли, въ буфетъ во-
шелъ испанецъ, обѣщавшій послать телеграмму въ
Мадридъ, смотрѣлъ, смотрѣлъ въ нашу сторону, слу-
шалъ, слушалъ, что-то тихо сказалъ буфетчику и, не
глядя на насъ ушелъ. Вслѣдъ за его уходомъ показа-
лись за окнами карабинеры и не успѣли они закрѣпить
въ своей памяти наши черты, выплыли медлительно и
важно черные силуэты патеровъ. Ихъ было четверо и
всѣ были живыми портретами Торквемады.

Стало жутко... Испанскій вѣтеръ, бушевавшій на
улицахъ Канфранка, такого близкаго къ Сарагоссѣ го-
родка, дулъ во всѣ щели. Мигавшее въ двухъ лампо-
чкахъ на весь длинный высокій залъ электричество соз-
давало то именно настроеніе, какое нужно для воскре-
шенія въ памяти герцога Альбы, великихъ инквизито-
ровъ, кардинала Эспинозы, Рюи Гомеца де Сильва, по-
могавшихъ Филиппу II въ упраздненіи несчастнаго Донъ
Карлоса... Я вспоминала, русская барышня Ѳла испан-
ское печенье, французскій философъ смотрѣлъ на рус-
скую барышню, а стрѣлка на часахъ двигалась съ убий-
ственной медленностью. Мнѣ казалось, что она не дви-
галась вовсе, что она остановилась въ тотъ мигъ, ког-

да испанецъ шепнуль буфетчику рѣшившія, быть можетъ, мою участъ слова...

Уже было совсѣмъ темно, когда глухо загудѣло, глухо зазвенѣло, задрожали скалы, зашумѣло отъ радости въ ушахъ. Наконецъ-то: поѣздъ! Передъ нами широко, радушно раскрылись двери и сопровождаемые карабинерами, вновь выплывшимъ круголицымъ испанцемъ, мы быстро, какъ на крыльяхъ, бросились къ вагону...

Прощай, гостепріимная, прелестная страна! Кромѣ богатыхъ впечатлѣній вывезла я изъ этой поѣздки еще насморкъ и розовый на почтовой маркѣ портретъ Альфонса ХІІІ. Но въ вагонѣ я марку потеряла, и остался только насморкъ.

О Г Л А В Л Е Н И Е

По слѣдамъ Гейне:	стр.
Госларь	5
Клаусталь	9
Въ шахтѣ	13
Перелетные птицы	17
Дворецъ Его Высочества	22
На Брокенѣ	28
Прогулка	33
<i>Galanto Vilo.</i>	40
Англь	46
Дубъ	50
Камаргъ	54
Серпантинъ	61
Синій домикъ	67
Нимъ	73
Бѣлыя дощечки	77
Буржъ	82
Пикампо	87
Бурдигала	93
Звѣзда Мадрида	99
Звѣринецъ Бр. Ивановыхъ	104
На родинѣ доброго короля Генриха	109
Знатный гербъ	115
По горамъ и доламъ	120
Въ дреиней столицѣ Беарна	127
Развалины луны	133
Золушка	140
Коаразъ Най	147
Какъ я съѣздила въ Испанію	153